

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Святослав
Логинов

СВЕТ В ОКОШКЕ
ЗЕМНЫЕ ПУТИ
КОЛОДЕЗЬ

«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Святослав Логинов

**Свет в окошке.
Земные пути. Колодезь**

«Азбука-Аттикус»

1997, 1999, 2002, 2023

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Логинов С. В.

Свет в окошке. Земные пути. Колодезь / С. В. Логинов — «Азбука-Аттикус», 1997, 1999, 2002, 2023 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23474-1

Писатель Святослав Логинов – заслуженный лауреат многих фантастических премий («Странник», «Интерпресскон», «Роскон», премии «Аэлита», Беляевской премии, премии Кира Булычёва, Ивана Ефремова и т. д.), мастер короткой формы, автор романа «Многорукий бог далайна», одного из самых необычных явлений в отечественной фантастике, перевернувшего представление о том, какой она должна быть, и других ярких произведений, признанных и востребованных читателями. Три романа, вошедших в данную книгу, – это три мира, три стороны жизни. В романе «Свет в окошке» действие происходит по ту сторону бытия, в загробном мире, куда после смерти попадает главный герой. Но этот загробный мир не зыбок и эфемерен, как в представлении большинства мистиков. В нём жёсткие экономические законы: здесь можно получить всё, что вам необходимо по жизни, – от самых простых вещей, одежды, услуг, еды до роскоши богатых особняков, обнесённых неприступными стенами, – но расплачиваться за ваши потребности нужно памятью, которую вы оставили по себе в мире живых. Пока о вас помнят там, здесь вы тоже живой. Если память о вас стирается, вы превращаетесь в пустоту. Роман «Земные пути» – многослойный рассказ о том, как из мира уходит магия. Прогресс, бог-трудяга, покровитель мастеровых и учёных, вытеснил привычных богов, в которых верили люди, а вместе с ними и магию на глухие задворки цивилизации. В мире, который не верит в магию, магия утрачивает силу. В мире, который не верит в богов, боги перестают быть богами. «Колодезь». Время действия XVII век. Место действия – половина мира. Куда только ни бросала злая судьба Семёна, простого крестьянина из-под Тулы, подавшегося попытать счастье на Волгу и пленённого степняками-кочевниками. Пески Аравии, Персия, Мекка,

Стамбул, Иерусалим, Китай, Индия... В жизни он прошёл через всё, принял на себя все грехи, менял знамёна, одежды, веру и на родину вернулся с душой, сожжённой ненавистью к своим обидчикам. Но в природе есть волшебный колодезь, дарующий человеку то, что не купишь ни за какие сокровища. Это дар милосердия. И принимающий этот дар обретает в сердце успокоение...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-23474-1

© Логинов С. В., 1997, 1999, 2002,
2023

© Азбука-Аттикус, 1997, 1999, 2002,
2023

Содержание

Свет в окошке	7
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Святослав Логинов
Свет в окошке; Земные
пути; Колодезь (сборник)

© Святослав Логинов, 1997, 1999, 2002, 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Свет в окошке

Пролог

Шаг и ещё шаг... так шагаешь, как на прогулке, и палочка нужна больше для порядка, словно стек для лондонского денди. И ещё шаг... а бок почти не болит, так, понаивает слегка.

Хороший и тёплый вечер начала сентября. Самое любимое время года. Народ на улице гуляет, и я гуляю, а вовсе никуда не ухожу. Я же пешком иду, шаг за шагом, никуда не торопясь. В самом деле, куда мне торопиться? Туда опоздавших не бывает.

А идти-то далеко – часа три хорошего хода. Жаль, что ход у меня теперь нехороший, боюсь, что и вовсе не дойду. Ну, тогда таксомотор остановлю или частника, их сейчас много калымит... Что за слово исламское – калым? Неужто все эти шоферюги собираются жениться на восточных красавицах и копят на выводное? Половина давно женаты, а всё равно калымят. Зато с такси проблем больше нет, только подними руку – любая легковушка остановится – «тебе куда, отец?». Куда, куда... на кудыкину гору. А не знаешь дороги – вези прямо в морг.

Шаг и ещё шаг... и ещё длинный мучительный шаг. Боль ввинтилась в правый бок, прошла по рёбрам, отдала в руку. И сразу понадобилась палка, а то ослабевшие ноги не удержали бы его, и осел бы Илья Ильич прямо посреди тротуара. Осёл осел... нечего было дураку выпендриваться... вздумал удаль показывать – перед кем? Ну ничего, главное до скамейки добраться, а там отсижусь.

Шаг и ещё шаг... Вот и скамейка. А боль, как назло, утихомирилась и вновь безмятежно понаивает в правом боку.

Сел.

Немного отдышаться, и можно дальше ковылять. Только сначала – отдышаться...

Навстречу пешеход – тоже ходок хоть куда. Ноги враскорячку и при каждом шаге норовят подогнуться. Не понять – он свою коляску катит, или она его тянет за собой. Но друг без друга они двигаться явно не смогли бы. Гордая мама вышагивает позади, любитесь самостоятельным сыном. Сколько же тебе времечка, коллега? Годик уже стукнул или ещё покуда нет? Но ходим мы с тобой на равных, только у тебя всё впереди, а у меня уже за плечами.

Малыш замер, приоткрыв рот с единственным проклюнувшимся зубом, уставился на лицо Ильи Ильича. Вот уж есть чему удивляться – сидит дедушка, весь серый, в морщинах... руки трясутся. На такого и взглянуть страшно. Кощей Бессмертный, вот он кто... А вернее – смертный Кощей.

Через силу и сквозь всколыхнувшуюся боль Илья Ильич выдавил улыбку. И мальчишка немедленно засиял в ответ своим зубом, заулыбался, как умеют улыбаться только младенцы, лишь недавно начавшие осваивать это непростое искусство. От усердия его даже качнуло, и коляска немедля поехала вперёд, увлекая косолапого водителя. Переступая широко и развально, он всё же обернулся и на прощание одарил Илью Ильича новой восторженной улыбкой. Мама прошествовала следом, не покосив и взглядом в сторону сидящего старика.

Сейчас отдышусь и пойду дальше.

Какое пойду – пошаркаю. Вон, на асфальте буквы – каждая вдвое против моего шага, аэрозольным баллончиком нарисованы. Весь город перемазали, сволочи. Раньше бы за такое мигом в кутузку загремели, художники, раздрабадан их так... Что там написано-то?

«Анюта, любимая, спасибо!»

Господи, да ведь я напротив роддома сижу, это какой-то счастливый папаша расстарался аршинными буквами! Тогда, конечно, такое по-человечески понимать нужно. Вон ещё один

куролесит под окнами, ишь как выкаблучивает... и в руке – сотовый телефон. Это он что, серенаду никак по телефону поёт? И верно, поёт. А жена небось у окошка стоит, тоже с телефоном, слушает и вниз смотрит, как суженый на радостях джигу выплясывает. Или что они сейчас пляшут – ламбаду, что ли?

А вообще – странный народ. Им теперь карманный телефон весь мир заменяет. Я, помню, когда Илюшка родился, на третий этаж по водосточной трубе полез. Милиция снимала. А тоже, в отделение не забрали, люди и тогда с понятием были.

Вот оно как вышло, с Илюшкой-то. Я Илья Ильич, и он Илья Ильич. И все в роду, как говорил отец, тоже Ильи Ильичи... были. Не вернулся самый младший Илья из далёкой африканской страны Анголы. Чуть не тридцать лет уже, а вспоминается каждый день. «Родина не забудет вашего сына» – так, что ли, говорил военкоматский майор, в тот недобрый день. И верно, не забыла. Пенсию платят не только свою, но и за потерю кормильца. А потерю единственного сына – чем возместить? Сказали – несчастный случай, с кем не бывает, мог и у самого дома под машину угодить. О том, что в Анголе идёт война, в ту пору люди если и знали, то лишь из вражеских голосов, и потому беда приходила в дома особенно неожиданно.

Встал со скамейки, качнулся к краю тротуара, поднял руку. Машина, как и предвидел, немедля остановилась. Это мордворота ещё не всякий посадит, некоторые боятся, а старика – почему не подкинуть?

– Куда, отец?

– В Лахту.

Присвистнул, оглядел костюм, сшитый четверть века назад.

– Далековато... За сороковник довезу.

Надо же, по-божески... Туда не меньше полтины должно быть.

Поехали.

Жигулёнок вывернул на Приморский проспект, слева за лентой Большой Невки желтели клёны Елагина острова. Мысль о том, что зелёными он их больше не увидит, казалась совершенно нереальной.

– Тут куда?

– Налево. Вон, у подъезда останови.

Подкатил с лихостью к самым ступенькам. Наклонил голову, вывеску читает: «Хоспис», – ага, понял! Вишь как в лице переменялся.

Илья Ильич достал сотенную бумажку – Родина не забывает тех, чьих сыновей она угробила, – протянул водиле.

– А других нет? У меня сдачи не наберётся...

– Бери так. Выпьешь за... здоровье.

Газанул, словно боится, что отниму заработанное.

Теперь – подняться по ступенькам.

Сёстры в хосписе либо деловитые старушки, либо молодые девчонки, бледные до прозрачности, словно это они помирать собрались. Половина – иностранки, своих умирающих им, видать, не хватает, сюда приехали заботиться. Заботиться о живых нужно, а помереть можно и без комфорта. Захлопотали вокруг – как же, беглец вернулся! – в палату отвели, уложили, укольчик сделали, в самую пору, а то под рёбрами снова начало грызть. Длинноногая девица уселась рядом, заговорила о божественном. Гневно рыкнул в ответ, помянул мракобесие... – отвязалась, они тут все деликатные. А книжонку в изголовье оставила. Почему-то у этих иностранцев даже евангелие худосочное, тонюсенькое и в бумажной обложке. Не чета православному. И перевод у них скверный, знакомых слов не узнать.

Отбросил книжонку, закрыл глаза. Укол подействовал, начало клонить в сон.

Глаза открылись сами, словно толкнул кто изнутри. Рядом суетился врач, две сестры в белых, куколом торчащих косынках. Слух резнуло слово «адреналин».

Не надо адреналина! У меня сердце как мотор, за всю жизнь ни одного перебоя.

Хотел отказаться от инъекции, и не смог, губы не шевельнулись. Неужели конец? Вроде бы с утра получше было, а сейчас так и боли нет. И не страшно ничуть, всё как не со мной.

Сестра подаёт доктору шприц. Накрахмаленный куколь на голове похож на ресторанный салфетку. Надо же, о какой ерунде в такую минуту думается... Нужно итоги подводить, жизнь вспоминать, жену, сына, себя самого...

Первое воспоминание – ему два года с небольшим, он в гостях у тёти Саши. Тётя Саша – вовсе не его тётка, а дедушкина. Никто ещё не знает, что через месяц древняя старуха не проснётся поутру. О тёте Саше ему рассказали потом, а сам он помнит кружевную салфетку на комод и семь желтоватых слоников на ней. Слоники нагружены счастьем, они несут удачу своему хозяину. Магически звучащие слова: «Настоящая слоновая кость»... А следом вспоминается широчайшая улыбка сегодняшнего мальчугана. Искра первого зуба на розовой десне... Господи, ведь между этими воспоминаниями – вся жизнь. Другой не будет, и уже ничего не переделаешь.

В голове шум, словно две больших раковины прижали к ушам. Голоса доносятся сквозь плеск кажущегося моря. Головы не повернуть, даже глазом и то не покосить. Где-то на периферии зрения колышется серая занавеска, гасит белый день, и вскоре лишь светлое пятно остаётся перед глазами, обращаясь в бесконечную трубу, в дальнем конце которой видно сияние. И он падает в эту трубу, навстречу свету. Ну, этот оптический обман мне знаком, даже сейчас поповские бредни не привлекают... Тела нет, один слух ещё не отказал. В соседней палате включено радио, Русланова поёт: «Ленты-бантики, ленты-бантики!..» – надо же такое придумать – путешествие на тот свет под руслановские взвизги.

«Ленты в узлы вяжутся!..»

Глава первая

«Настоящая слоновая кость» – эти слова были первым, что осознал Илья Ильич, открывши глаза. Никто не произносил странной фразы, она прозвучала как отголосок недавних событий.

Кругом было пустое место. Что-то вроде равнины без единого ориентира на ней. Но даже субстанцию под собой определить не удавалось. Была там какая-то опора, но и только. И ещё оставалось отчётливое воспоминание о меркнувшем сознании, словно в сон проваливаешься, и вид потолка в больничной палате, который замирающему взгляду начинает казаться светом в конце воображаемого туннеля.

Короче, Илья Ильич совершенно точно помнил и понимал, что он умер.

Значит, тот свет... Вот уж чего не ждал, да и не больно хотел. Для бреда – слишком осязаемо, для реальности – слишком пусто. Значит, таки действительно тот свет.

Мысль новая и неприятная, так что её пришлось повторить дважды.

Ладно, философию пока оставим, пойдём смотреть, как тут мертвецы живут.

Илья Ильич завозился, с трудом поднялся и тут же провалился чуть не по колено. То, что теперь было под ногами, не желало удерживать тяжёлое и слишком материальное тело.

Выбрался из ямы, укрепился на ногах, оглядел себя со тщанием, благо что серый свет позволял это сделать. Был Илья Ильич гол и бос, кроме собственного тела, единственным предметом, претендовавшим на реальность, оказался кожаный мешочек со шнурком, висящий на шее и заметно тяжёлый наощупь.

«Ксивник», – вспомнил Илья Ильич словечко из молодёжного жаргона. Или педерасточка? Должно быть, там документы... свидетельство о смерти, или что там должно быть у новопреставленного?

В ксивнике оказались деньги или, во всяком случае, что-то крайне на них похожее. В одном отделении – весомые монетки, размером напоминающие двадчатки советского чекана, во втором – какая-то мелочовка вроде постденоминационных российских копеек. Никаких надписей на монетах не было, лишь абстрактный рисунок, слегка напоминающий древние пиктограммы. Илья Ильич пожал плечами и затянул шнурок. Считать монеты он не стал, в первые минуты загробной жизни найдутся более увлекательные дела, даже если кругом нет ничего, кроме этих самых монет. К тому же неясно, что означает такая копейка – много это или мало и на что её можно употребить. Но если это и впрямь деньги, то о загробной жизни можно заранее сделать далеко идущие и не слишком лестные выводы.

Сам Илья Ильич практически не изменился: прежнее исхудавшее тело, длинный, не вполне заживший шрам на животе – след запоздалой и бесполезной операции. Вот только ноющая боль в боку исчезла. Не затаилась, готовая наброситься с новой силой, а пропала напрочь. Оно и неудивительно, странно было бы после смерти страдать от опухоли, что свела тебя в могилу.

«Интересно, – подумал Илья Ильич, – сколько прошло времени в реальности? Меня уже похоронили? Когда люди оказываются здесь: на девятый день или на сороковой? И если это действительно потусторонний мир, то где все остальные? Куда, в конце концов, мне идти? – Рука встряхнула кошель. – Взносы вступительные – кому платить?»

Ответа не было. Илья Ильич, вздохнув, выдрал ногу из непрочной субстанции и сделал первый шаг. Ступню немедля засосало по самую щиколотку, словно в раскисшей просёлочной глине.

«Не потонуть бы...» – опрометчиво подумал Илья Ильич, сроду на серьёзных болотах не бывавший и слабо представляющий себе эту процедуру. Он вообразил, как медленно погружается в безвидное небытие, расстилающееся кругом, и его произвольно передёрнуло.

Что за чушь! Может, он ещё не вполне умер, и это просто очередной предсмертный синдром, безумно реалистичный и жестокий? Неужто такое видится каждому умирающему? Люди топнут в бесцветном и бессветном киселе, ещё надеясь каждый на своё: один на колдующих у постели терапевтов, другой на доброго боженьку, который выволочет его из этого чистилища. Во всяком случае, на ад окружающее не слишком походит... на тот ад, которым пугают суеверные старушки.

Сделал шаг и второй... совсем как за час до смерти, только не болит ничегошеньки. Значит, и у мертвеца есть свои преимущества.

То, что было внизу, не липло к ногам и худо-бедно держало на плаву. Хотя идти толком не удавалось.

– Овсянка, сэр! – прокомментировал Илья Ильич.

В следующее мгновение абсурд творящегося безобразия наконец коснулся его разума. Ведь он умер! Умер на самом деле и даже помнит свою смерть! Происходящее слишком подробно, чтобы быть бредом. На бред можно списать овсянку под ногами, пустоту и беззвучие. Но кошель, полный незнакомых монет, не вписывался в гипотезу о последних видениях умирающего мозга. Он был слишком самодостаточен, раздут и тяжёл. Шёлковый шнурок, на котором висел мешочек, ощутимо резал шею.

Но если это пусть потусторонняя, но реальность, то где люди, что попали сюда прежде него? Илья Ильич задохнулся, ушибленный безумной мыслью... Ведь здесь должен быть погибший в Анголе Илюшка, и Люда, так и не оправившаяся после проклятой похоронки. Целый год она ждала, надеясь, что случилась какая-то нелепость, что в гробу, который им не позволили открыть, кто-то другой, а сын вернётся. Исхудала, мучилась бессонницей и нервными расстройствами. Мужа по имени называть не могла и вздрагивала, если слышала это имя от других. А потом, выбрав время, когда Илья Ильич был послан в командировку, приняла двухнедельную норму гексобарбитала и больше не проснулась.

За тридцать лет он привык жить один и даже перед смертью не вспомнил толком об умершей полжизни назад жене. А теперь что, он, получается, может встретить жену и сына? Он – глубокий старик, а они – неужто остались молодыми? Или, быть может, изменились до неузнаваемости... Что здесь происходит с людьми? Что вообще может случиться с человеком после смерти? Легко тому, кто собственную мысль заменяет библейскими сказками, он верит, что быть ему в раю (почему-то никто из религиозных граждан в ад не собирается и милосердие господне распространяет на любые свои грехи). Конечно, попавши сюда, они будут вопиять, но удивятся лишь жестокости своего бога. Хотя кто сказал, что они попадут сюда? Илья Ильич поёжился, ощутив мурашки по всему обнажённому телу. Ведь тут никого нет... а что, если каждый получает по вере своей? Одни тешатся с гуриями, другие голосят осанну, а он, не верящий ни во что, ворочается среди чистой абстракции, не зная ни времени, ни места, ни своей судьбы.

Вот только при чём тут кошелёк? В деньги он верил ещё меньше, чем в бога. Зарабатывал, конечно, но не поклонялся. Странно всё это.

Илья Ильич выпрямился, даже постарался на цыпочки привстать, сколько позволила каша, стелющаяся понизу. Нет, ничего не видно, горизонт съеден бледноватой дымкой. Если тут есть люди, то они где-то далеко.

– Э-ге-ге!.. – закричал Илья Ильич, сложив ладони рупором. – Есть тут кто?!

Звук надёжно утонул в окружающей неподвижности.

– Главное без паники! – заговорил Илья Ильич вслух. – Собственно говоря, чего мне пугаться? Я и так умер, и хуже, чем есть, уже не станет. Это живым бывает страшно, а мёртвому всё должно быть по фигу.

Разумные слова не успокаивали. Раздетый человек на голой земле под обнажённым небом. И даже не на земле, да и небо ли там, над головой?.. Хотелось спрятаться, зарыться... Илья Ильич понимал, что скоро возжаждет Страшного суда и грядущих мук, лишь бы избавиться от неопределённости. К горлу подкатывала безнадежная истерика. Сколько времени он провёл тут? Вряд ли больше получаса, просто чувство времени погасло, уничтоженное окрестной безликостью. Там, где ничего не происходит, – времени нет. Можно идти, можно сидеть или лежать, всё равно с места не сдвинешься, вечно оставаясь в центре белёсой равнины. Вот сколько он тащится куда глаза глядят? Да несколько не тащится, всего-то десяток шагов сделал – вряд ли больше. А ориентировку потерять успел. Тут трёх сосен нету, и заплутать куда как просто. Может быть, на этих десяти шагах он три полных круга очертил. Была бы хоть какая точка отсчёта... А лучше – две точки, по ним направление задать можно.

– Дайте мне точку опоры, и я переверну мир, – пробормотал Илья Ильич.

Снял с шеи тугую мошну, вылушил на свет копеечку, осторожно, стараясь не утопить в киселе, положил на серое. Он был готов, что монетка провалится сквозь опору или немедля затеряется, скрывшись из глаз, но ничего такого не случилось. Хотя если отойти чуть в сторону, серебристая искорка, конечно, станет не видна. И всё же это лучше, чем ничего.

Вот так, главное – заняться делом, и истерики как не бывало.

– Эх, – произнёс Илья Ильич вслух, – этак я все деньги растеряю, а кто знает, для чего они тут служат?.. И вообще, ориентирчик не из лучших. Была бы вешка...

Казалось бы, ничего не изменилось кругом, не шелохнулось, не мигнуло, но вместо серебрянки перед изумлённым Ильёй Ильичом образовалась торчащая из серой субстанции деревянная рейка.

– А монетка-то у нас непростая, – констатировал Илья Ильич, осторожно вытягивая вешку.

Рейка была как рейка, занозистая палка метра полтора длиной, явно из лесопильных отходов. С одного края уцелел кусочек коры, так что без труда можно было определить, что спилена сосна совсем недавно.

Илья Ильич осторожно втянул ноздрями смолистый запах и сказал:

– Живём!

Странно звучит это слово в устах человека умершего, но другого не найти, когда среди бескачественного, кисельного небытия дистиллированный воздух прорезает терпкий сосновый аромат.

Теперь Илья Ильич смотрел на раздутый кошель без прежнего сарказма. Деньги, которые умеют такое, вызывают уважение даже у самого законченного бессребреника. И дело не в том, что у него теперь есть вешка. Главное, что в мире, лишённом качеств, объявился запах смолы и шероховатость неструганой древесины.

– А ещё можно? – спросил Илья Ильич, выкладывая вторую копейку.

Вешка появилась немедленно, похожая на первую, но без коры и с заметной выбоинкой там, где вывалился кусок сучка. Без сомнения, это были самые натуральные вешки, совершенно такие, какими Илья Ильич размечал будущую трассу, когда в молодости работал топографом на строительстве шоссе.

Вторую вешку Илья Ильич оставил торчать там, где она возникла, чтобы в окружающем безобразии оставался у него хотя бы один ориентир. Отсчитал десяток шагов, оглянулся. Вешка была видна хорошо, но уже можно заключить, что вскоре она затеряется в мареве. Одно свойство мира было найдено, но оно явно не обещало никаких перспектив. Ну утыкает он рейками окружающее безобразие, уютнее от этого станет или люди появятся? Человек – животное общественное, и Илье Ильичу было бы сейчас легче среди кипящей серы, но в хорошей компании.

Может быть, это всё-таки бред? Илья Ильич ткнул кулаком в правое подреберье, заранее ожидая вспышки боли. Ничего... то есть совсем ничего, печень как у двадцатилетнего. Если это ад, то какой-то странный. В аду мучения уменьшаться не должны.

Илья Ильич отсчитал ещё четверть десятка шагов, воткнул второй колышек и присел рядом.

– Кто теперь скажет, что у меня ни кола ни двора? Кол есть, и двор кругом необозримый...

Шутка не веселила. Первый шок уже прошёл, проходило и оживление, вызванное исследованием окружающей... не действительности даже, а скорее – кажимости. Наступала реакция. Чувства были утомлены отсутствием красок, звуков, тактильных ощущений. Если бы не рейки, торчащие одна под боком, а вторая вдали, впору было бы взбеситься от окружающей пустоты.

– Вот что, – сказал себе Илья Ильич, – я ложусь спать, а там посмотрим, чем всё кончится. В бреду, насколько мне известно, спать ни у кого не получается. Иначе это будет не бред, а сон.

Спать и впрямь не получалось. Не отпускало нехорошее чувство, что, куда он будет валяться сонным, серая пелена засосёт его и он уже не сможет выбраться даже в это жалкое существование. Не исключено, впрочем, что и впрямь почивающий вечным сном сном преходящим забыться не может.

Промаявшись минут десять, а быть может, и полвечности, ибо время тут не двигалось, Илья Ильич завозился, сел на тепловатом ничто и запел нарочито фальшиво:

– Почивай в сладком сне, рай приснится тебе!..

А может, он и впрямь в раю? Чем-то окружающая вата напоминает облака, какими он представлял их в детстве... Ещё немножко, и он отыщет какой-нибудь престол и Саваофа, восседающего на нём в окружении ангелов. Хотя будь так, его бы давно приволокли на Страшный суд и свергли в преисподнюю. И уж ни в коем случае не снабжали деньгами на дорогу.

Теперь Илья Ильич, насколько позволяло скудное освещение, рассматривал самого себя. Он не любил своего тела, за последние тридцать лет оно стало неприятным: дряблым, нездорового мыльного цвета. Оно слишком часто отказывалось ему служить, а последние пару лет мучило непрерывными болями. И теперь ничего не изменилось, только нытьё в правом под-

реберье исчезло и тугой чужеродный ком куда-то рассосался. И то деньги, как говаривали лет сорок назад.

И вновь мысли, движущиеся по кругу, обратились к деньгам, на которые здесь было можно покупать сосновые рейки. Илья Ильич достал третью копеечку, спросил, словно у живого существа:

– А одежонку, какую ни на есть, ты сделать можешь?

Положил монетку под ноги, подождал с минуту, вздохнул:

– Не получилось... буду покамест изображать нудиста.

Отыскал взглядом дальнюю вешку, покачал головой – потеряется палочка, как пить дать, – но вытаскивать её не стал, решив оставить метку неподалёку от места своей высадки. Похлопал ладонями по бокам, словно намеревался карманы найти на голом теле, выдернул вторую рейку и пошёл, стараясь никуда не сворачивать, хотя и знал, что в этой пустоте неизбежно начнёт давать кругалю.

На этот раз он считал шаги, загибая палец левой руки на каждый десятый шаг. Когда левая рука оказывалась зажата в кулак, а затем вновь растопырена в пятерню, – загибался палец правой руки.

Оставленная вешка быстро скрылась из глаз, вокруг тянулась пустая равнина. Лимбо! Больше всего это напоминало первый круг дантовского ада.

– Значит, так и буду блуждать, – сказал Илья Ильич, поудобнее перехватывая палку.

Он уже привычно разговаривал сам с собой, тем более что за последние годы ему частенько приходилось сидеть одному и беседовать сам-друг. Родных нет, во всяком случае – близких родных. Как там говорят на похоронах? Родные и близкие... Конечно, у Ильи Ильича оставались какие-то двоюродные и внучатые племянники, с которыми он в жизни не встречался. Сейчас их, небось, подняли по тревоге, и они озабочены похоронами. Поди, ведь в крематорий стащат... Илья Ильич, достигнув определённого возраста, начал спокойно относиться к предположению, что когда-то придётся помирать, но мысль о крематории была ему неприятна. Хотя и кладбище тоже... «Добыча гробовых гостей», – стихи Бодлера казались сейчас особенно неуместными.

...Интересно, что будет с его библиотекой? Поделят, наверное, или распродадут. Кому сейчас нужны старые книги? Денег он наследникам не скопил, едва на поминки хватит, мебель и прочее барахло можно не глядя на помойку стаскивать. Только и есть, что библиотека. И ещё квартира, конечно, хорошая, трёхкомнатная, в сталинском доме. А он последние бесплодные годы в ней один жил... Нет, была, конечно, Любаша, но она так и не переехала к нему, только иногда приходила ночевать, да в отпуск они старались ездить вместе. Самостоятельная женщина...

Любаша умерла уже десять лет как, и он нечасто вспоминал её. Чем можно вспоминать женщину, совместная жизнь с которой так и не сложилась? Как вместе спали? В восемьдесят лет такое вспоминать уже не интересно. Вот и получается, что прожил жизнь один. Были бы внуки, была бы цель в жизни, а Илюшка вот оплошал в проклятой Африке.

Илья Ильич остановился, прищурившись взгляделся в смутную даль. Что-то там было. Словно белое летнее облачко среди хмарых ноябрьских туч, оно не имело определённой формы, но выделялось чистым цветом, какого не встретишь поздней осенью.

Выдёргивая ноги из мягкой пустоты, Илья Ильич зашпешил вперёд. Сразу стало тяжело идти, все восемьдесят прожитых лет вселились в дрожащие колени и грудь, которой не хватало воздуха.

«Куда бегу? – подумал Илья Ильич. – Если я помер, так впереди всё равно вечность, успею куда угодно. А если жив, то и побережь себя надо...»

Белое приближалось. Уже можно было различить человеческие фигуры, странно неподвижные, а рядом не строения даже, а скорее декорации. Да, больше всего это напоминало

именно старые декорации. Колонны, дорические или ионические – кто их разберёт? – торчали ввысь, ничего не подпирая, белые неживые деревья напоминали фикусы из цветочного магазина, и человеческие фигуры казались алебастровыми статуями. Впрочем, нет, не человеческие... Это были ангелы! За спиной у каждого топорщились декоративные лебедячьи крылья. Всё это до идиотизма напоминало придуманный им полчаса назад бред.

Под ногами наконец-то появилось твёрдое, что-то вроде брусчатки, Илья Ильич от неожиданности споткнулся и едва не упал. Выручила рейка, намертво зажатая в кулаке.

Сомнений не оставалось – перед ним был рай! Вернее, искусно выполненный макет рая размером, вероятно, чуть более полгектара. Тутовник вперемешку с яблонями, коленкоровые цветы на клумбах, дурацкие колонны и ангельские чучела с пальмовыми ветвями, арфами и обоюдоострыми тевтонскими мечами, зажатými в кулаке. В самом центре этого садика Илья Ильич, как и ожидалось, сыскал облако с резным креслом на верхушке и восседающего на этом кресле господина. Так же как и всё окружающее, господь был бел и ненатурален.

Оскальзываясь и помогая себе рейкой, Илья Ильич вскарабкался на облако, приблизился к макету вседержителя, ухватил за ухо. На святотатство никто не отреагировал. Вернее, отреагировало ухо, оно отломилось, вниз посыпался сероватый порошок.

– Тьфу ты пропасть! – огорчился Илья Ильич. – Не успел оглядеться, а уже ломать начал, вандал... Я думал, он хотя бы из папье-маше, а тут вообще какая-то труха. Вот как теперь чинить?

Наклонился, набрал в ладонь порошка, поплевал, стараясь замесить что-то вроде теста, которым можно было бы приклеить богу ухо. Ухо не приклеивалось. Господь смотрел на происходящее с улыбкой всепрощения под грозно нахмуренными бровями. Совершенно дурацкое сочетание: очевидно, того, кто строил обветшалую декорацию, ничуть не интересовала достоверность.

Илья Ильич положил испорченное ухо на колени богу и осторожно спустился в сад. По дороге он заметил, что его палка в нескольких местах пробила облачную поверхность и оттуда ключьями ваты выпирает знакомое серое ничто.

– Ха! – громко сказал Илья Ильич. – Чует моё сердце, что здесь не обошлось без презренного металла!

Достал копеечку, издали бросил на колени богу и приказал:

– Ну-ка, живо поправить, что я тут наломал!

Латки на облаке оказались совершенно незаметны, а вот возникшее ухо получилось слишком новеньким, оно кукольно-розовым пятном выделялось на меловой поверхности статуи, невольно привлекая взгляд. Илья Ильич поморщился, но больше ничего не стал исправлять. Он осторожно обходил райский садик, разглядывал коленопреклонённых ангелов, восторженно протянувших руки к престолу, ангелов, неслышно поющих или трубящих в горны, отнятые у гипсовых пионеров, воинственных архангелов, охраняющих с мечами в руках периметр махонького рая... «райка» – припомнилось слово, и Илья Ильич подивился его уместности.

По самому краю эдемчика всхолмливался валик белой пыли; очевидно, когда-то здесь поднималась стена, ограждавшая благолепие от непрощенных гостей вроде недостойного Ильи Ильича. Но теперь стена рухнула, и выцветшая райская краса быстро разрушалась. Оглянувшись, Илья Ильич обнаружил, что его босые ноги в нескольких местах проломили полированный плитняк дорожки, выдавив наружу пыль и клубящееся ничто.

Заглаживать следы Илья Ильич не стал. И так понятно, что тут всё в забросе и разваливается само по себе. Выбрал место, где камень казался попрочнее, сел в роденовской позе, обхватив голову руками. Потом засмеялся. Горло, отвыкшее за последние годы от смеха, издавало хриплые, нечеловеческие звуки, внутри всё замерло в ожидании приступа скручивающей боли, но остановиться Илья Ильич не мог. Он хохотал всё громче и отчаянней, хохотал над

собственной бездарной смертью, над собой, голым и тощим, сидящим среди развалин кукольного райка с мешком денег на шее. Всего этого было слишком много для мозга, измученного многодневной пыткой, и в то же время слишком мало, поскольку вокруг не было ничего настоящего, кроме сосновой жёрдочки в руках. Но даже сойти с ума Илья Ильич не надеялся. Если уж ты умер в здравом уме и твёрдой памяти, то безумие будет для тебя непозволительной роскошью.

Хохотал со всхлипом, до слёз, до икоты и судорог в натруженном животе. Потом замолк и замер. Если бы умел, то заплакал бы. Другие старики, бывает, частенько плачут, а он живёт всухую. Даже над заваренным цинковым гробом, в котором привезли Илюшку, не сумел пролить ни слезинки. А говорят, кто плачет, тому легче живётся. А уж умирается и того легче.

Илья Ильич потряс головой, зажмурился, не желая видеть окружающего абсурда, застонал сквозь сжатые зубы. Не спасала давняя привычка к иронии, да и на истерику сил больше не было. Прямо хоть ложись да помирай.

– Иду! Иду!.. – раздался неподалёку призывный клич.

Илья Ильич вскинул голову и увидел, что к нему, вздымая клубы серой дряни, бежит человек.

Он бежал словно по хорошей дороге, ничуть не проваливаясь, и весь его вид был донельзя старомоден и кинематографичен. Такие наряды Илья Ильич видывал лишь в годы самого сопливого детства, да и то исключительно у престарелых щёголей, достающих по весне из гардероба пронафталиненные наряды нэповской эпохи. И конечно, на киноэкране тоже приходилось видывать такое. У встречного была соломенная шляпа канотье! Белая пикейная рубашка с выворачивающимися манжетами и сменным воротничком на запонках! У него были штаны со штрипками и полосатая жилетка с кармашком для часов! Серебряная цепочка аксельбантом сбегала к кармашку, и можно было не сомневаться, что часы там тоже серебряные, с откидной крышкой, украшенной гравированной надписью. И на ногах, которые так легко ступали по серому, красовались лаковые штиблеты.

– Опоздал! – причитал бегущий. – Как есть опоздал! Что ж он наделал, дуралей!.. Иду, сударь! – Последнее он прокричал в голос, хотя уже был в десяти шагах от Ильи Ильича.

Илья Ильич поднялся навстречу. Ему было неловко, и оттого он особенно остро чувствовал свою наготу. Судя по всему, явился хозяин раёшника, в котором Илья Ильич так по-хамски нашкодил. И ведь не скроешь ничего, вон они следы, заметные, оплывшие, словно отпечатанные на тающем снегу. Как теперь прикажешь оправдываться? Эх, до смерти дожил, а ума не нажил!

– А может, и успел!.. – пробормотал прибывший, останавливаясь и окидывая взглядом обнажённую фигуру Ильи Ильича. Затем он перевёл дыхание и без перерыва выпалил: – Ду ю спик инглиш? Джун хуа шо бу шо? Шпрехен зи дойч?

– Я, – ответил Илья Ильич, – абер зер шлехт.

– Абер шебихь, – поправил франт и добавил, обращаясь к самому себе: – Кажется, договоримся...

– Я, вообще-то, русский, – сказал Илья Ильич.

– Ба, земля! – искренне обрадовался франт. – Тогда совсем просто. А то ведь никогда не знаешь, кого сюда занесёт. Каждый на своём языке бормочет, жуть, иной раз ни слова не понять...

– Я тут напортил вам... – виновато произнёс Илья Ильич, указывая на следы разрушения.

– А!.. фигня всё это... – отмахнулся щёголь.

Он подошёл к стражу, всё ещё охраняющему осыпавшиеся ворота, и пинком обратил его в прах.

– Во, не держится, через полгода и следа не останется. Тут одна отработка осталась.

– А что это такое?

– Отработка-то? А пыль видишь? Это и есть отработка. А как совсем рассыплется, то обратно в нихиль перейдёт.

Илья Ильич молча кивнул, отметив про себя слово «нихиль». Очевидно, так называли сероватое ничто, расстилавшееся кругом. Ничего не скажешь, удачное слово, не иначе придумал его человек, не чуждый философии и латинскому языку.

– Я не про пыль. Кому этот макет понадобился?

– Ай. – Незнакомец огорчённо отмахнулся. – Лучше не вспоминать – одно расстройство. Я потом всё объясню. – Он безо всякого перехода протянул руку и представился: – Афанасий. Можно Афоней звать. Сыщик я.

– Илья, – назвалса Илья Ильич. Хотел по отчеству, как привык за последние годы, но вовремя сообразил, что словоохотливый Афанасий, поди, старше его окажется, так что получится сплошной конфуз.

– Так-то, Илья, – задумчиво проговорил Афоня, – ты хоть понимаешь, что с тобой произошло?

– Да уж как-нибудь. Я в полном сознании помирал, до последней секунды всё помню.

– Мне, значит, легче, не придётся вокруг да около ходить. Человек ты, вижу, толковый, рыдать и башкой биться не собираешься. Хотя прямо тебе скажу, всё здесь не так, как батюшка в церкви учил. Это надо сразу уяснить, а то получится вот такое безобразие... – Афанасий шагнул и ловким ударом развалил ещё одного ангела.

– А я ничего этакое и не ждал, – осторожно произнёс Илья Ильич, на всякий случай умалчивая о своём упорном безбожии. – Потому и удивился, когда встретил раёк.

– Раёк что надо, – протянул Афанасий, скучающим пинком обваливая садовую беседку. – Я ведь испугался, что ты его создал. А это какое-то старьё, они тут попадаютса время от времени. Сотворит его какой-нибудь олух царя небесного, все деньги расшвыряет, а потом мается.

– Я тут тоже кое-что создал, – сказал Илья Ильич, показывая палку.

– Это ничего... пустяки. Небось одну лямишку потратил?

– Монетку, что ли?

– Ну да, лямишку. Которая маленькая. Она как будто из ламиния сделана, вот и зовётся лямишкой.

– Тогда как раз лямишка и ушла. А костюм попросил – ничего не вышло.

– Костюм – это дороже... Да ты не бойсь, я всему научу, раз уж я тебя сыскал. Только это... я ведь тут брожу, разыскиваю вас, потеряшек, время трачу, силы... ну, ты понимаешь?

– Сколько? – спросил догадливый Илья Ильич.

– Твёрдых расценок нет, – честно сказал Афанасий. – Кто сколько даёт... Иной в нихиле так намучается, что готов всё, что есть, высыпать. Но вообще-то, десять мнемоннов будет нормально. Сам посуди, сдору я с тебя сейчас лишку, так ты же потом со мной и здороваться не будешь.

Илья Ильич развязал кошель, отсчитал десять монет покрупнее, протянул сыщику.

– Так?

– Правильно! Я же говорил, что ты толковый мужик! – Афанасий вытянул из-за пристежного воротника кисет и высыпал туда получку. Кисет был точно такой же, как у Ильи Ильича, только заметно полегче.

– А всё-таки, как бы приодеться? – напомнил Илья Ильич, которого начинало тяготить, что он стоит голый, словно новобранец на медкомиссии.

– Это мы сейчас, живой рукой! Дай-ка мнемончик, покажу, как это делается...

Илья Ильич покачал головой, но мнемончик достал беспрекословно. Афанасий зажал монету в кулаке и спросил:

– Какой тебе костюм-то?

– А какой был за день до смерти, – сказал Илья Ильич, мимоходом подивившись, как легко слова о собственной кончине слетели с губ. – Хороший костюм был, почти новый.

– Значит, тот самый... Так мы могём. Вот новое что выдумать, это к портному надо.

В следующее мгновение Илья Ильич почувствовал на теле одежду. На нём и впрямь был его старый, «почти новый» костюм. Даже затёртое пятно на лацкане, которое не сумела уничтожить химчистка, оставалось на месте.

Афанасий разжал кулак. На ладони вместо одной крупной монеты лежало несколько лямишек.

– Сдача! – возгласил Афанасий, протягивая ладонь. Очевидно, мимо его внимания не прошло выражение лица Ильи Ильича, когда у него потребовали монету.

– Оставьте себе, – сказал Илья Ильич. – Мне их и класть-то некуда.

– Для денег место всегда найдётся, – возразил Афоня, но лямишки мигом прибрал.

Илья Ильич огладил полы пиджака, сунул руку во внутренний карман, где обычно лежал паспорт. Конечно, никакого паспорта там не оказалось, да и вообще ничего не было. Карманы были пустыми, как после химчистки, которая, вопреки рекламе, не сумела вывести пятна. Но теперь Илья Ильич знал, что, если понадобится, он и паспорт себе сможет сотворить. Вот только понадобится ли ему паспорт?

– А я монетку под ноги клал... – сказал Илья Ильич и, обкатывая новое слово, добавил: – На нихиль.

– Это необязательно. Главное, достать деньги и захотеть. Если денег не хватает, то ничего и не получится. Только так сразу деньгами швыряться не надо, пока цены не узнаешь и всё такое прочее. Ну да я подскажу по первости. А теперь пошли отсюда, я же тебя ещё должен к людям вывести...

– И что, – решил спросить Илья Ильич, – те люди, которые раньше умерли, друзья, родные, они все здесь?

– Не так сразу, – поморщился Афоня. – Тут подготовка нужна, ты уж мне поверь. Ты, главное, за меня держись, а я всё справлю в лучшем виде.

Афанасий порылся в мошне, добыл какую-то мелочишку, ухватил Илью Ильича за запястье и по-гагарински звонко произнёс:

– Поехали! За счёт заведения!..

* * *

Маячок гудел с тупой неумолимостью телефонного сигнала. Он включился вчера и с тех пор не умолкал ни на мгновение. Бип-бип-бип... – телефон занят, но в трубке продолжает гудеть. Даже ночью сквозь сон слышалась череда коротких гудков. Людмила нехотя открыла глаза, невидящим взглядом уставилась в низкий бревенчатый потолок.

Ну что ему надо? Что он плачет? Знаю уже, знаю... не глухая, ещё вчера услышала и всё поняла...

Можно было бы выключить маячок, придавить, как надоевший будильник, но рука не поворачивалась сделать это. И не потому, что жалко пары лямишек, а просто не поворачивалась, и всё.

И чем думала, дура, когда ставила маяк? Ведь дорого же, мнемонами платила... А теперь не знаешь, как и избавиться. Во сколько это обойдётся? Ха! Одна лямишка... ломать не строить. Выключить его и не вспоминать больше никогда. А он пусть ищет... Или он эту свою Любашу искать начнёт? Приехал муж из командировки, а у жены... вы думаете – любовник? Как бы не так! Жена сама у любовника, а дома никого нет! Ну что он плачет?... Слышу, знаю – скончался любимый муж, прибыл... всего-то тридцать лет ждать себя заставил... Зато кормилец... чуть не каждую неделю вспоминал. И опять же, не как другие, не с новой пассией срав-

нивал, какова в постели, а больше по хозяйству. Сядет чай пить с покупным джемом вместо домашнего пирога, да и подумает, что при покойнице сытней жралось.

Зомбак заворочался во сне, по-младенчески зачмокал губами. Через несколько минут он проснётся, увидит её рядом и, как всегда, ужасно удивится. Потом улыбнётся, обнажив все свои почерневшие от времени и дурной пищи зубы, и потянется к ней.

Тоже – работа. Другие завидуют. И она была довольна, пока вчера не запыкал проклятый маяк.

Зомбак вновь заворочался, неосознанным, полусонным движением облапил её за грудь. Впрочем, даже когда он проснётся окончательно, все его движения останутся чуть-чуть заторможенными. Просто глаза будут открыты и звуки начнёт издавать. Человек, как-никак... тирольский...

Маячок гудел в ровном неумолимом ритме, напоминающем толчки, словно зомбак уже приступил к утреннему совокуплению. Лямышка из висящего на шее кошеля сама скользнула в руку. Маяк, пискнув, умолк.

Глава вторая

Илья Ильич открыл глаза. Как обычно бывает на новом месте, потребовалась секунда, чтобы понять, где ты и как сюда попал. Вспомнилось легко, просто, безо всякого надрыва. Собственная смерть (вот уж с чем, кажется, трудно примириться!), равнина, залитая нихилем, топтание на месте, нелепый мешок, полный мнемонов и лямишек, рейки, раёк, рассыпающийся отработанный пылью, щеголеватый сыщик Афоня, который сыскал его на равнинах Лимбо, успокоил, одел и привёл сюда. Место, куда они попали, больше всего напоминало придорожную гостиницу, старомодный мотель, таверну, трактир – вот только ни дороги, ни тракта, ни вообще хоть какого-нибудь пути тут не было. Почти сразу за забором начиналось безвременье, заполненное тусклой хлябью нихилия. Но по эту сторону зеленел скудный садик, стояли вытасченные на улицу столики и пахло шашлыком.

Хозяин заведения встретил их как старых знакомых. Афанасию запросто кивнул, а к Илье Ильичу подошёл персонально, поклонился, отрекомендовавшись как уйгур и не добавив никакого имени. Хотя, возможно, он и в самом деле был уйгуром. Об уйгурах Илья Ильич знал только, что они в родстве с китайцами и считаются лучшими в Азии кулинарами. Трактирщик и впрямь был невысок, желтолиц и косоглаз, хотя ни сашими, ни ласточкиных гнёзд в меню не оказалось. Шашлык, впрочем, был хорош, равно как и овощи с острым соевым соусом.

Стоило всё дёшево, причём шашлык оказался дешевле, чем манты, а те, в свою очередь, стоили меньше, чем салат из зелёной маргеланской редьки, заправленный чем-то невообразимо острым и пахучим. Во всяком случае, за ужин на двоих и за комнаты себе и Афанасию Илья Ильич расплачивался лямишками, не тронув основного капитала. Хотя кто знает, много или мало – пять лямишек за порцию фунчозы? И десять лямишек за отдельную комнату и свежую постель? Единственное, что покуда сумел узнать Илья Ильич, что в одном мнемоне ровно триста шестьдесят лямишек, а мнемонов у него в кошельке было много, уж никак не меньше сотни.

Как Афанасий доставил его сюда, Илья Ильич сказать не мог: они просто очутились возле распахнутых ворот, а навстречу уже выходил приветливо улыбающийся уйгур. Сложивши руки у груди, церемонно поклонился Илье Ильичу, а сыщику сказал со значением:

– С прибылью вас, Афанасий Нилыч!

– Да есть немного, – скромно отозвался Афоня. Он подвёл Илью Ильича к столику, усадил и, наклонившись, быстро зашептал: – Это он намекает, чтобы я ему долги вернул... Видит, что новичка привёл, значит – при деньгах. А я ему много должен. И кто только придумал этот

обычай – долги отдавать?.. Погоди тут моментик, я с хозяином рассчитаюсь и живой ногой обратно...

Уйгур с Афоней скрылись в доме, но меньше через минуту явились вновь. Видимо, расчёты здесь проводились быстро и безо всяких расписок.

– Вот теперь можно весёлым пирком и за свадебку! – возгласил Афанасий, усаживаясь за стол. – Хозяин, давай сюда всего, на что у меня денег хватит. Достатки мои ты знаешь, а в долги я сегодня залезать не намерен. Дай хоть день побыть бедным, но гордым!

Уйгур поспешил на кухню, тут же появился оттуда с подносом, уставленным кушаньями, выдававшими его национальность. Был здесь сотейник с рыбным хе, крупнейший ляган, на котором горой возвышался горячий плов, блюдец с катыком, густым, как рыночная сметана, жгучая чимча, которую Илье Ильичу впервые довелось попробовать в Ташкенте, нарезанная аккуратными скибками дыня, шербет и прозрачные кристаллы навата в расписной фаянсовой чашке.

– Жрачка здесь дешёвая, – пояснил Афанасий, разрывая пополам лепёшку лаваша. – Но не вздумай ничего заказывать. Всегда бери только то, что есть в меню. Заказные блюда вдесятеро дороже...

Из-за дома появился ещё один человек, бледный и длинноволосый, с беспокойным тёмным взглядом, выдающим фанатиков и душевнобольных людей. Афанасий сказал ему что-то по-английски, незнакомец коротко ответил, присел на краешек стула и принял кусок лепёшки.

– Ты угощайся! – щедро предложил Афанасий Илье Ильичу. – Хе у уйгура знаешь какое? Он карпа не признаёт, а только три рыбы: чир, хариус и таймень. Попробуй, сразу почувствуешь.

За полвека вкус того блюда, каким угощали Илью Ильича узбеки, подзабылся, но хе показалось удивительно вкусным, тем более что Илье Ильич, измученный непрерывными болями, не ел, почитай, уже неделю, и сейчас каждый кусок доставлял ему настоящее блаженство. Афоня пировал вовсю, видно было, что ему тоже пришлось немало попоститься в последнее время. Приглашённый господин сидел на стуле, выпрямившись и крепко сжимая поданный кусок, к которому, кажется, не собирался притрагиваться.

– Это знаешь кто? – спросил Афанасий, утирая салфеткой жирные губы. – Это знаменитый проповедник. Сам он из Северо-Американских Штатов. Паствы у него там было – не пересчитать. Небось прихожане думают, что он среди праведников пирует, а он тут, с нами сидит. Он и сам верил, что в раю будет жить, да и теперь от своего не отступается. Дурака жизнь ничему не учит. Он сюда богатеем попал, аж жуть берёт, ежели представить. А как очутился среди нишля и деньги увидал, то решил, что это ему такое испытание от бога положено. Деньги расшвырял и думал, что немедля в раю очутится. Ну и очутился... сам понимаешь где.

– Так мы его произведение видали? – спросил Илье Ильич.

– Не. Его раёк в другом месте, да и поновее будет. Туда и сейчас постороннему соваться не стоит, получишь от архангела мечом по кумполу – мало не покажется. Квакерский рай суровый, туда чужих не пускают.

Квакер сидел, не улыбаясь глядя на обедающих. По сухому лицу было невозможно определить, понимает ли он, что разговор идёт о его особе.

– Ему и сейчас, – продолжал Афоня, – денег порой отваливается, хотя всё меньше и меньше. Но он их не бережёт, не-е!.. расшвыряет безо всякой пользы. Ни себе, ни людям. Сыщики его, бывает, прикармливают из жалости, так ведь изредка. У нас вроде как примета образовалась: повезло, нашёл новичка – дай квакеру кусок. Уйгур на задворках ночевать позоляет, но в комнаты не пускает, там за деньги. Чем ещё жив, сердешный, – не знаю.

– Да бог с ним, – оборвал Илье Ильич, не привыкший жалеть сектантов. – Ты лучше расскажи, как тут нормальные люди живут?

– Значица, так. – Афанасий наклонился через стол. – Ты, главное, запомни: презренный металл тут важнее всего. Ты небось уже понял, с деньгами у нас всё можно, а без денег, как в песне поётся, жизнь плохая, не годится никуда. Что сколько стоит – поначалу меня спрашивай, а там разберёшься. Но главное – в долг никому ни лямишки. В рост будут предлагать, под любые проценты – не давай! Тут так: выпустил из рук – пиши пропало.

– А чего ж уйгур тебя ссужает? – поинтересовался Илья Ильич.

– Это я один такой блаженный... – отмахнулся Афоня. – Честный я, а уйгур меня знает как облупленного. К тому же сейчас долг зажму, так потом кто меня выручит, когда на мели окажусь? Опять же, куда бы я тебя привёл, если долги отдавать не желаю? Дело наше сыщицкое – сегодня при мнемонах, завтра и лямышке рад.

– Понятно. Но ты всё-таки скажи, те люди, которых я при жизни знал, а они прежде меня умерли, они тоже здесь? Как увидеться-то с ними?

– Погоди, это вопрос не сегодняшней... Ты сначала должен научиться всему, что тут потребно. Да хоть бы как с людьми разговаривать? Ты учти, здесь живых нет, обычаи иные, а обиды старые. Родных ты, поди, и не узнаешь, особенно кто молодым представился.

– Я Марка Твена читал, – хмуро сказал Илья Ильич.

– Ишь ты, – Афанасий прицокнул языком, – второй уже человек этого Марка поминает. И что он – жив покуда?

– Сто лет как помер.

– Тогда не иначе он в Цитадели. Как-нибудь соберусь, почитаю твоего Марка.

– И всё-таки... – напомнил Илья Ильич.

– А что – всё-таки? Вот был у тебя при жизни заклятый враг. Так в том мире ты его запросто мог со света сжить. Хоть самому подкараулить, хоть... ну, в общем, были способы. А тут никуда никого не сживёшь, все и без того на том свете. Да и вообще, никакой подянки не сделать, разве тот совсем тупой окажется. Только и можно, что не встречаться. Вот земляки наши, особенно кто после войны сюда попал, всё Гитлера ненавидят. А Гитлер – он тут, при больших деньгах, между прочим, рукой не достанешь. И ничего ему не сделать, по второму разу на тот свет не отправишь. Только и можно, что забыть его поскорей.

– Вот оно как...

– А ты думал! Война меж мертвецами – последнее дело, а из-за живых дел, так и вовсе глупо. Люди они разные, и правды здесь скрывать не принято, всё равно, кто захочет, тот всё узнает. Но и презирать людей за то, как они жили, – тоже не принято. Вот я, скажем, сыщик. Так я и на том свете сыщицким ремеслом кормился. В ОГПУ работал, на хорошем счету был. Вот только расстреляли меня в тридцать шестом. Как Ежов Ягоду скинул, так меня и расстреляли. И за что, спрашивается? Служил верой-правдой и впредь служить был готов... Добро бы ещё узнали, что я и до семнадцатого в сыском работал, так нет ведь, просто так в расход пустили, от излишнего рвения.

Илья Ильич молчал, пристально разглядывая собеседника, у которого оказалась такая богатая биография.

– И вот, скажем, повстречаю я тут своего следователя – и что? А ничо, привет, скажу, Антошка! Как ты, своим ходом сюда, с тёплой постельки, или тоже добрые люди помогли? А больше ничего не скажу, потому как теперь мы с ним на равных, оба окоурились.

– Да-а... – наконец вымолвил Илья Ильич. – Занятно.

– А ты ничего мужик, – вдруг произнёс Афанасий. – Это же я тебя проверял, как ты мои уроки понял. Вот дал бы ты мне сейчас в хрюкальце или в глаза плюнул, так сразу бы почувствовал, что не надо было этого делать. А я бы заработал на тебе побольше, чем честным трудом. У нас судей нет, расчёты сами собой ведутся. За мордобой полагается три десятка мнемонив штрафа, половина – битому, половина – в казну. Хрястнул по зубам, сразу твоя

мошна полегчала, а моя наполнилась. А зубы новые вырастут, народ здесь здоровый, болеть незачем.

– Так ты придумал про службу в органах или правду сказал?

Афанасий раздвинул волосы, так что стала видна пролысинка и корявый шрам чуть повыше виска.

– Видишь? Это от пули след, после контрольного выстрела. Специально оставил, скептикам показывать, вроде тебя. Конечно, я не в расстрельной команде служил, а был филером или, по-нынешнему, – топтунком, хотя служба есть служба, и случается на ней всякое. Так-то. Я врать не люблю. Правда всегда ядрёней, у неё привкус такой, что не спутаешь. Ты готовься, тебе всякой правды узнать предстоит, так моя ещё шуточкой покажется. Да ты не дёргайся, я ничего личного в виду не имею. Я вообще о людях говорю. Ну вот, скис... а ведь поначалу молодцом держался. Ладно, хватит о плохом, давай лучше выпьем.

Афанасий, словно фокусник, выдёргивающий из шляпы кролика, вытащил откуда-то трёхлитровую бутылку мутновато-зелёного стекла. Бутылка была заткнута корковой пробкой и залита сургучом. Афанасий привычным движением крутанул бутылку, глядя на просвет, как вихряются по кругу мелкие пузырьки.

– Монополька, – сказал он ласково. – Такой у вас считай уже сто лет не делают.

– Куда столько?.. – тихо ужаснулся Илья Ильич.

– Пить, куда ж ещё, чудак-человек? А что много, так сам посуди: мерзавчик три лямишки стоит, и четверть тоже три лямишки. Это же дешёвка! Вот я и беру, чтобы с запасом. Которые молодые, те так не умеют, для них пол-литру создать – предел мечтаний. А мне – запросто.

– Спивается народ при таких ценах?

– Не, кто мог спиться, тот ещё при жизни спился. А нам зачем? Хочешь, я её под куст вылью? А если не хочешь, то давай по маленькой, для пищеварения и взаимопонимания...

Квакер осуждающе смотрел голодными глазами.

К вечеру само собой случилось, что за совместный ужин и комнаты заплатил Илья Ильич.

– Ты гля, земля... – заплетающимся языком твердил Афанасий, – у нас тут всё как у людей, вечер бывает, а завтра утречко настанет, во как! А в нихиле ничего этого нет, не надейся... Там всегда не то вечер, не то затмение. Плохо в нихиле было, да? А я тебя оттуда вытащил. Работа у меня такая, сыскать человека, на путь наставить, уму-разуму научить. Отловили бы тебя бригадники – как липку ободрали бы. У них налоги знаешь какие? Ты же богатый, а в здешней жизни ни хренища не смыслишь. Коммунальные сборы – не плати. Усёк? Нет у них никакого коммунального хозяйства, всякая срань сама по себе в нихиль уходит. У них под городом тоже нихиль, просто фундаменты попрочнее. Ненавижу бригадников, сами ничего не умеют, а у меня хлеб отбивают... И город ненавижу! Па-а-аду-маешь, город! У нас тут ничуть не хуже. Кустики растут, бесплатно, между прочим, а в городе – захочешь в парк войти – денежку гони! Жмоты! А хочешь, мы соловья заведём? Я знаю одного, он может продать, настоящего. Будет у нас песни петь. Дорогой, чертяка, полста мнемонов... но если хочешь – покупай! А что, в самом деле?.. Вон, квакер и то не все деньги расшвырял. Распятие сделал и уйгуру за так подарил, у него теперь на стенке висит. А?.. Ну так что, покупаешь соловья?..

Илья Ильич еле отвязался от непрошеного приятеля.

И вот теперь, проснувшись, Илья Ильич лежал в чистой постели и пытался осознать, что же всё-таки происходит вокруг. Первым делом он обнаружил кошелёк на шее, хотя с вечера снял его и сунул под подушку. Хотя вроде Афанасий говорил, что мошну здесь ни потерять, ни украсть невозможно, только потратить деньги или добровольно отдать. И ещё какие-то налоги есть: одни собираются сами собой, другие надо платить.

Впрочем, этот вопрос волновал Илью Ильича всего менее, куда хватало и глобальных вопросов, ответов на которые Илья Ильич так и не услышал.

За стеной Афанасий разговаривал с хозяином. Говорили громко, не скрываясь, но понять ничего не удавалось, язык был явно не европейский. Уйгурский, может быть, или китайский... Сыщик вчера жаловался, что китайцев среди новопреставившихся слишком много, приходится язык учить. Впрочем, с тридцать шестого года можно и выучить.

Илья Ильич ослабил тесьму, высыпал на ладонь немалую кучку мнемон, пригляделся к ним, благо что утренний свет позволял. Монеты как монеты, новые, ни одной потёртой. Кто же их чеканит и где? Опять же, как они чудеса делают? Вот что узнать бы... хотя этого Афанасий, видимо, не скажет. Скорее всего, он и сам не знает, принимает потусторонний мир как данность и живёт себе. Быть может, оно и есть самое правильное.

Голоса за стеной звучали сердито, там явно выясняли отношения. А ведь не иначе о нём спорят, всё-таки новое лицо. Судя по всему, не так много в таверне постояльцев, хотя, казалось бы, каждый день тысячи людей помирают. Если и впрямь люди сюда попадают богатыми, то встреча и устройство новичков должны быть поставлены на широкую ногу. Афанасий, впрочем, упоминал каких-то бригадников. Должно быть, это и есть профессионалы, а сам сыщик и уйгур заодно – кустари-одиночки. Значить это может что угодно. Возможно, он попал в лапы мошенников, которые зарятся на его мошну. Хотя не исключено, что он избежал жерновов государственной машины, которая мигом выпотрошила бы его начисто. Вот и гадай... всегда хочется верить в лучшее, но когда новые знакомые разговаривают так, чтобы ты их не понял, это невольно внушает опасения.

Илья Ильич гневно сжал кулаки. От каких мелочей зависит судьба! Если бы он понимал, что там говорят...

На мгновение кулаку стало жарко, а монеты, зажатые в пять, словно усохли. Илья Ильич разжал кулак и увидел, что денег стало значительно меньше, по крайней мере десятков мнемон исчез мгновенно. А ведь это сумма, на которую, по прикидкам Ильи Ильича, можно чуть не полгода прожить! И одновременно Илья Ильич сообразил, что понимает спорящие за перегородкой голоса. Афанасий и уйгур продолжали ругаться по-китайски, и Илье Ильичу это было известно, но язык стал словно родной, и если бы Илья Ильич захотел, он мог бы вмешаться в спор и говорил бы на том же языке, как будто всю жизнь так разговаривал.

Ай да денежки, ай да лямишки! Вот только как бы не разориться таким макарком...

– Ну чего ты ко мне привязался!.. – захлёбывался неподалёку голос Афанасия. – Ну выпил я вчера, так ничего ж такого не наговорил. Он и не поймёт ни хрена, ведь первый день всего тут.

– Порядок есть порядок, а договор – договор, – скучно отвечал уйгур. – Кто тебя просил про город рассказывать? Вот уйдёт он сейчас, и что?

– А хоть бы и ушёл, поблуждает денёк в нихиле, потом крепче прежнего за меня держаться будет. А уж я его теперь в любую минуту сыскать могу, ориентировочка у меня на него есть.

– За этот день его бригадники подберут. Зачем он нам тогда? Его ж не выпустят, пока до нитки не разденут.

– Не пугай, не подберут. Мелкая рыбка в большом неводе не стрянет. Да и не разденут совсем-то, кой-что и тебе достанется.

– Всё равно, зачем про город рассказывал? Зачем сам его одевал? Кормил дешёво зачем?

– А затем, что он мне земляк! Это ты прежнюю жизнь позабыл, а я покуда нет. Сыщики все такие, как бы я свежего человека чуял, если бы память потерял? Так что хватит с тебя и малой денежки, а большую ты с квакера гребь. Я его тебе с потрохами сдал, вот и пользуйся.

– У квакера никаких денег нет, того и гляди развоплотится.

– Ты ври, – протянул Афоня, – да не завирайся! Чтоб мне так деньги сыпали, как они квакеру идут. А что не держатся они, так ведь все к тебе попадают. Думаешь, я не знаю, как ты с ним наловчился? Отлично хорошо знаю! Нам такие фокусы с детства знакомы! Всё, догово-

рились, квакер твой, что хочешь, то с ним и делай, а профессора я себе беру. Подумаешь, что-то не так ему спьяну болтнул, всё равно он ни хрена не понял, и я около него ещё десять лет ошиваться буду, хоть по лямышке, а всё прибыль. Ничего я там не испортил.

– Ты нарушил договор. – Кажется, уйгура заклинило на эту фразу. – Я всё делал как договаривались, я в ваши разговоры не вмешивался, подавал, что ты заказывал, отозвал тебя будто бы долги отдавать, всё как договаривались. А ты поступил против своего слова и нанёс мне убыток.

– Убыток?! Сколько твоя комната стоит?.. А ты сколько слупил? И с меня, между прочим, тоже!

– За тебя платил клиент...

Илья Ильич встал, неслышно вышел из комнаты. Не хотелось дальше слушать разговор, в котором заранее делили твои деньги, называя тебя клиентом и налепляя дурную кличку. Главное он выяснил: попав сюда, он действительно избегнул жерновов государственной машины, но очутился в лапах мошенников. И уйти отсюда, похоже, не удастся, разве что в никуда, где его в скором времени подберут бригадники и уже не выпустят, пока не разденут до нитки. Хороша перспективка, однако...

Есть ещё какой-то город, о котором по пьяни проболтался Афонька. Хотя и в городе вряд ли мостовые вареньем намазаны. Куда ни кинь – всё клин. Знал бы, что тут так встречают, честное слово, помирать бы не стал.

Внизу, возле кухни, запертой на висячий замок, стоял проповедник и мыл в большом тазу посуду. Ту самую, с которой Илья Ильич вчера ел хе из тайменя и иные экзотические кушанья.

– Гуд морнинг, – сказал Илья Ильич, подходя.

Квакер коротко глянул и отвернулся, ничего не ответил.

– Сэр, – произнёс Илья Ильич, странно уверенный, что говорит по-английски, – должен предупредить, что вас здесь обманывают. Деньги, которые у вас были, это не вполне то, что вы думаете. Судя по всему, это и вовсе не деньги, а владелец гостиницы вымогает их у вас из корыстных соображений.

– Мне это известно, – не отрываясь от своего занятия, ответил квакер. – Мне известно более того: дьявол не дремлет, и козни его простираются на весь вещный мир! Могущество князя тьмы велико, и многие прельстились его деньгами. Но эти же деньги доказывают, что сей мир также есть мир вещный и люди, опрометчиво полагающие, будто сбросили с себя ветхого Адама, обмануты. Сюда принесли они свои грехи: алчбу и блуд, ложь и всякую скверну! Но близится час ярости господней! Покайтесь, покуда есть время, отриньте бесовский соблазн...

Илья Ильич развернулся и молча вышел. Он уже давно не спорил с проповедниками, особенно с нетерпимыми, поминающими ярость господню. «Учить глупца...» Что бы ни скрывалось за подслушанной фразой о развоплощении, квакер к этому стремится, веря, что настоящая жизнь ему только предстоит.

Во дворе было пусто и тихо. Похоже, что во всём постоялом дворе было сейчас всего четыре живых, а вернее, скончавшихся души. Илья Ильич подошёл к калитке, открыл, выглянул наружу. Долина Лимбо простиралась перед ним. Никуда, никуда... ни бугорка, ни движенья, никакого следа миллионов людей. Где здесь искать город? Вероятно, это можно сделать с помощью денег, вот только знать бы как. Зажать монеты в кулаке, пожелать... – и вновь потерять кучу мнемон. Кажется, сегодня утром он крепко приблизил таинственное и неприятное развоплощение. Пожалуй, пока с экспериментами стоит погодить, тем более, как явствует из подслушанного разговора, Афанасий и вправду проникся к нему добрыми чувствами и собирается не грабить его немедленно, а лишь слегка попользоваться чужим кошельком. Что ж, свой завтрак Афоня заслужил, а если расскажет что дельное, то и обед заслужит.

Илья Ильич прикрыл калитку и вернулся к дому. Оттуда, морщась и потирая лоб, выполз Афанасий.

– Ох, – сказал он, глядя измученным, но честным взором. – Ну и надрался я вчера! Ничего не помню, головка – бо-бо, денежки – тю-тю! Я хоть не хамил, вёл себя прилично?

– Вполне, – успокоил Илья Ильич.

– Это – куда ни шло. Но я больше не пью. Завязал и бутылку уйгуру отдал, пусть в уху понемногу доливают. Уйгур сегодня уху собрался творить, с налимьими печёнками.

– Вот что, – твёрдо сказал Илья Ильич. – Уха – это хорошо, но ты мне прежде объясни, прямо и без виляний, что здесь, собственно, происходит? Как люди живут, чем на жизнь зарабатывают. Мнемоны эти самые – откуда и зачем? Рассказывай всё, сразу и без подготовки.

– Как живут? – страдальчески переспросил Афанасий. – Сам видишь, как живут. Башка трещит с похмелья. Думаешь, покойнику и похмеляться не надо? А зарабатывать тебе рано, всё равно ты ничего не умеешь.

– Научусь.

– Кто бы возражал... Хочешь – пошли.

Они отправились в комнату Афанасия, точно такую же, как и та, в которой ночевал Илья Ильич, отгороженную лишь тонкой, для всякого звука проницаемой перегородкой.

– Садись, – Афанасий кивнул на кресло. – Лет-то тебе сколько?

– Восемьдесят четыре, – чётко выговорил Илья Ильич, ожидая, что сейчас Афоня, который, судя по дате его смерти, давно сотню разменял, заговорит о старости и заслуженном отдыхе. Однако Афоня лишь пробормотал: «Так-так...» – потёр измученную перепоем голову и приступил к делу:

– Для начала надо тебя подправить. Пожито у тебя хорошо, и в этом виде ты ни для какого дела не годишься. А что, ты и вправду профессором был?

– Не был я никаким профессором. Я инженером-строителем был. Дороги строил по всей стране.

– А мне с чего-то показалось, что ты профессор. Книги читаешь... Да... Дороги здесь строить, сам понимаешь, ни к чему. Тут и дома строить не больно нужно, а ежели кто вздумает новый особняк ставить или, скажем, жилой дом, то не к строителям обращается, а к архитекторам. И уж они к нему в очередь стоят. Иной сам готов приплатить, лишь бы ему позволили любимым делом заняться.

– Всё равно, без строителей никак. Архитектор – само собой, инженер – само собой.

– Ты ещё каменщика припомни и печника, – саркастически заметил Афанасий. – Ты, вон, дубинку свою создал без дровосека и без лесопилки. Так и архитектор дом может сделать безо всяких каменщиков и кровельщиков; были бы деньги да голова на плечах.

– Как же тогда обычные люди на жизнь зарабатывают? Те, что не архитекторы?

– В том-то и дело, что никак. То есть исхитряются, конечно, но в основном – никак. Вот у тебя для начала деньжищ много, и всё за красивые глаза. С год, наверное, так будет, а потом – изволь пристроиться, раз ты не профессор... Впрочем, в этом я не помощник. Сыщиком ты, всяко дело, быть не сумеешь, тут талант нужен особый. Хотя без таланта у нас вообще пропадёшь: конкуренция огромная, а мест, сам понимаешь, маловато. Уйгур, думаешь, не талант? У него в начале века ресторан был китайский в Томске. На всю Сибирь гремел! А тут – харчевню едва содержать может. Три постояльца, так он и им рад. А как готовит, стервец! Чувешь запах? Отсюда шибает, и слюнки даже у меня текут, хотя после вчерашнего всякий аппетит отсутствует.

– Не чую, – сказал Илья Ильич. – У меня вообще с обонянием худо.

– Всегда было худо или только сейчас?

– Только последние двадцать лет, – усмехнулся Илья Ильич.

– Это поправимо. За деньги, конечно. Ты уже понял, что здесь всё за деньги, а так – ничего не бывает?

– Я это семьдесят лет назад понял.

– Тем лучше. Но только учти, дела сейчас пойдут дорогие... Тебе много капиталу при- было за вчерашний день?

– Представления не имею. А он что, прибывать должен?

– Слушай, – поинтересовался Афанасий, – а ты, случаем, не святой? Ты хоть пересчитал вчера, сколько у тебя монет в кошельке? Хотя бы мнемонев? На лямишки покуда можешь не размениваться.

– Нет, – признался Илья Ильич. – Мне как-то в голову не пришло.

– А я так каждый день пересчитываю – вдруг там шальная лямишка объявится? Впро- чем, дело твоё. Ты, главное, меня слушай. Так вот, монетины у тебя в кошельке не простые, с ними всякие чудеса делать можно, а не только палки пилить и раёшники устраивать. Можно, например, омолодиться. Душа прежняя останется, а тело как у двадцатилетнего. Я-то омоло- живаться не стал, мне сорок один был, когда меня шлёпнули, вот я таким и остался, возраст хороший. А тебе молодеть нужно, хоть это и дороговато. Можно и вовсе тело поменять, будешь как Иван Поддубный. Некоторые даже в баб превращаются, а иные бабы – в мужиков, извра- щенцы какие-то...

– Трансвестизм, – вставил умное слово Илья Ильич, – генетическая болезнь.

– Но ты-то у нас здоровый. Давай вот так: старцем восьмидесятилетним тебе ходить не с руки, но и в молокососа обращаться не советую.

– Марка Твена читал, – напомнил Илья Ильич. – «Путешествие капитана Стромфилда в рай». Там об этом всё чётко сказано.

– Тем лучше. Советую тебе на сорока годах остановиться. И чужое тело выбирать не вздумай, это для твоих генетических транзистов и всяких уродов. Был бы ты горбатый или слепой – тогда иное дело. Тут горбатых исправляют быстро. Но такие вещи только в специаль- ных салонах делают, и стоит оно многие сотни. А я тебя всего за одну сотенку омоложу.

– А денег у меня хватит? Я не считал, но...

– Посчитай. – Афанасий пожал плечами и демонстративно отвернулся, давая понять, что чужими деньгами не интересуется.

Илья Ильич высыпал на ладонь часть мнемонев и принялся пересчитывать. Отобрав сотню штук, он обнаружил, что кошелек, как ни странно, по-прежнему полон. Монеты лежали плотно – только-только чтобы можно было вынимать их безо всяких хлопот.

– Ну как? – спросил Афанасий, не оборачиваясь.

– Он что, бездонный?

– Ага, бездонный. Всыпать туда можно – сколько хочешь, всё влезет. Но вынуть – сколько есть и ни лямишкой больше. Так что ты поглядывай, сколько там остаётся. А то некоторые гусарить начинают, думают, им всё по карману... Сотню-то набрал?

– Набрал вроде...

– Значит, за сотню мнемонев согласен омолодиться, – произнёс Афанасий, повернув- шись лицом. – Чтобы быть тебе в прежнем теле, но в возрасте сорока лет.

– Что-то ты стихами заговорил. – Илья Ильич усмехнулся. – «Чтобы жить мне в Оки- яне-море, чтоб служила мне рыбка золотая и была б у меня на посылках».

– Мы так не договаривались! – резво возразил сыщик. – Я таких вещей не умею, да и денег не хватит. На эту сумму разве что прудок выкопать можно, да и то лягушки за отдельную плату пойдут.

– Так это что, вроде договора? – спросил Илья Ильич.

– А ты думал! Дело денежное, тут точность нужна. Это тебе не костюмчик, который полмнемона стоит. Сумма-то немаленькая, у меня столько нет.

– Понял. Виноват, исправлюсь.

– Тогда повторяю. Согласен ли, чтобы я омолодил тебя за сто мнемонев, чтобы быть тебе в прежнем теле, но в возрасте сорока лет и безо всяких хворей?

– Согласен.

– Давай деньги.

Илья Ильич пододвинул кучку монет, Афанасий споро пересчитал их, пересыпал на ладонь, прикрыл сверху ладонью правой руки и зажмурился, сосредотачиваясь.

– В прежнем твоём теле, сорокалетним и здоровеньким, – повторил он как заклинание, а затем жестом фокусника развёл руки.

Ладони были пусты, монеты исчезли.

– И что дальше? – спросил Илья Ильич.

– А ты к зеркалу подойди.

Зеркала в комнате не было.

– Ничего, – сказал Афанасий. – В холле у хозяина висит. Да ты встань, попрыгай, вообще, почувствуй, каков ты есть.

Илья Ильич опустил взгляд на собственные руки. Ещё минуту назад они были морщинисты и покрыты тёмными пигментными пятнами, а теперь он увидел две сильных руки, таких, какие помнились ему с давних пор. Илья Ильич поднялся с кресла, одним резким движением, не подтягивая предварительно ног, не разгибая спину. В зеркало можно было не глядеться, каждое движение не испорченного долгими годами тела подтверждало, что дряхлость исчезла неведомо куда. За такое не жалко было отдать сто монет, что бы эти монеты ни значили.

– Спасибо... – растроганно пробормотал Илья Ильич.

– А!.. Проняло! Погоди, то ли ещё будет. А сейчас пошли к столу. Теперь небось и ты чувствуешь, что хозяин нас сегодня хашем лакомить будет. И не хотел я больше пить, но хаш без выпивки кушать нельзя, заворот кишок может случиться. У нас это не смертельно, но очень больно. Во избежание придётся остограмниться. Водку я уйгуру взаправду отдал, ну да ничего, он чачу подаст, я его знаю.

Остаток дня прошёл бессодержательно. Они много и вкусно ели (уйгур действительно оказался кулинарным гением), но на все вопросы о городе, о будущей жизни, о том, как всё-таки понимать загробную жизнь, Афанасий отвечал невразумительно, всё более ссылаясь на грядущие времена, когда подопечный достаточно приобвыкнет, чтобы самому всё понять. Квакер угрюмо молчал, не обращая внимания на происходящее, или бормотал молитвы, неразборчивые, несмотря даже на приобретённые Ильёй Ильичом способности полиглота. А хозяин, насколько можно судить, знать ничего не знал, кроме своих сковородок и казанов. Он был полон искреннего желания услужить, и если бы не подслушанный разговор, в его искренность захотелось бы поверить.

Вспомнив о намерении честного Афанасия сосать из клиента денежки понемногу, но зато долго, Илья Ильич за обедом демонстративно заплатил за себя одного, и Афоня, слова не сказав, полез в кошелёк и выложил свои двадцать лямишек. Сколько у сыщика монет в кошельке, Илья Ильич не смог определить даже приблизительно. В любом случае – достаточно, ведь уйгур ясно сказал, что никаких долгов у Афанасия не было, а был фарс, разыгранный, чтобы благодарный клиент мог взять на содержание обедневшего благодетеля. Значит, деньги, полученные от Ильи Ильича, у Афанасия целы и невредимы. Вот и пусть платит. Сам же учил: просто так никому ни лямишки не ссужать.

Вечером, когда невидимое солнце окрасило поднебесный туман, очень похожий на nihиль, только не расстилающийся под ногами, а нависающий сверху, Илья Ильич, устав от бесплодных обещаний и уклончивых ответов, объявил, что завтра, с самого утра он хотел бы попасть в город, и если Афанасий не может его туда доставить, то он отправится сам, пешим ходом.

– Рано тебе, рано! – страдальчески вскричал Афанасий. – Там же не люди – волки! Съедят тебя и костей не выплюнут. Знаешь, сколько стоит номер в городской гостинице? Мнемон в день! В тридцать шесть раз дороже, чем тут! А жратва? Хоть и не слишком дорого, но всё равно

здесь дешевле. Ты хоть сумеешь шикарный ресторан от забегаловки отличить? На первый-то взгляд они все одинаковы. А поборы городские? Что ни шаг, а хоть лямишку, да слупят. Гляди, разоришься, будешь квакать с голоду, как наш квакер. Это сейчас уйгур тебе кланяется, деньгу потому что чует, а нищего он тебя и на порог не пустит. И никто не пустит, так в нихиле и сгинешь. Пойми ты, здесь экономнее!

– Так можно все деньги проэкономить, а жизни не видать, – отрезал Илья Ильич. – Раз уж так пришлось, то мне сына искать надо, жену, друзей. Решайся, отведёшь меня в город или мне самому тащиться? Сюда ты меня за счёт заведения привёл, а за доставку в город – даю мнемон.

– Что мне твой мнемон, мне тебя жалко!

– То есть не хочешь идти? Мне одному отправляться?

– Ишь, какой борзый! Пешком в город собрался! Ты в одиночку туда вовек не доберёшься. Туда и с провожатым-то не вдруг попадёшь. Мы же в нихиле: и таверна, и город, и всё остальное. Нихиль текучий, никто не знает, куда нас за эти дни унесло. Называется – дрейф. А город ещё и эманурует, понял, профессор? Ясен пень, что я туда не хочу! Ломаться полдня, а ради чего?

– Так мне одному идти? – упрямо повторил Илья Ильич.

– Заладила сорока Якова! – Афанасий ажно плюнул от огорчения. – Ладно, сведу я тебя в город за два мнемона. Только не завтра. Завтра на разведку сбегаю, присмотрю, куда твой город любимый уплыл, а послезавтра с утречка отправимся. Один день ты ещё прождать можешь?

– Один – могу, – сдался Илья Ильич.

А вечером, запершись в своём номере, Илья Ильич словно в дурном детективе подслушивал тайную беседу сыщика Афанасия и уйгурского повара, имени которого он так и не узнал.

– Ты говорил, он пробудет здесь не меньше недели, – занудно твердил уйгур.

– Ну говорил... А что делать, если он как взбесился? Уйду, говорит, пешком! Один день я тебе выторговал, даже два. Завтра пойду будто бы на разведку и пропаду на пару дней. А ты, значит, беспокойся, но не слишком, чтобы он мне на помощь не побежал.

– С чего бы ему бежать на помощь?

– Это тебе нечего, косомордый, а он ещё свежак, законов не знает. Да и свой он, земляк он мне, понимаешь?

– Он твой родственник?

– У меня родни и при жизни не бывало. А он земляк, он из Питера, понимаешь?

– Не понимаю. По-твоему получается, что те, кто из Томска, у меня задаром кормиться должны – только потому, что они мне земляки?

– Да у тебя вообще никто кормиться не должен! Ты и при жизни-то живым не бывал...

Перекоры пошли по второму кругу, раздосадованный Илья Ильич натянул на голову одеяло, чтобы не слышать.

Наутро выяснилось, что Афанасий убыл на поиски обещанного города. Уйгур сообщил это проснувшемуся Илье Ильичу, пообещал, что к вечеру сыщик должен возвратиться, и постно осведомился, что желает постоялец отведать на завтрак. Илья Ильич гусарствовать не стал и попросил ничего особенного не готовить. Впрочем, даже обыденный завтрак – пельмени с медвежатиной, квашеная черемша и медовый сбитень из сияющего медалями баташовского самовара – опрокидывал самые невероятные представления о скромности. Одно преимущество потустороннего мира было налицо: любитель пожрать несомненно счёл бы это место раем.

День прошёл вкусно и бессодержательно. Уйгур возился на кухне, сооружая калью со стерляжьими молоками, квакер мыл полы, поквакивая про себя не то молитвы, не то проклятия. Во всяком случае, смысл слов, которые сумел разобрать Илья Ильич, был молитвенный, а интонации – проклинающие.

К середине дня объявился в гостинице новый человек. Высокий, горбоносый, с обманчиво медленными движениями, всё в нём выдавало опытного бойца и неутомимого ходока.

Можно было не спрашивать – и без того ясно, что явился ещё один из вольных сыщиков. Одет в светло-серый комбинезон, позволяющий затеряться в нишле, так что тебя с десяти шагов не вдруг разглядишь. По всему видать, не слишком это безопасная работа, отбивать добычу у бригадников. Хотя Афоня говорил, что кулачная расправа в загробном бытии дело небывалое. Впрочем, мир на кулаке клином не сходится, было бы желание, а как ущучить ближнего, люди придумают.

Горбоносый пообедал, перекинулся парой слов с уйгуром и исчез. На Илью Ильича он даже не покосил взглядом, очевидно, среди сыщиков бытовали свои представления о приличии. Илья Ильич тоже не подошёл, интерес к новым людям у него значительно угас, теперь Илья Ильич старался осмыслить произошедшее. Чуть не весь день просидел в комнатухе, зажавши голову руками, и медленно перебирал в памяти всю свою жизнь. «Здесь ничего нельзя скрыть», – звучали в памяти Афонькины слова. Теперь Илья Ильич догадывался, как можно узнать о человеке всю подноготную. Зажмёшь в кулаке сколько-то там деньжонок, пожелаешь – и знай на здоровье, что знать тебе вовсе бы и не следовало. Оттого потусторонний мир честен и к людским слабостям снисходительно-беспощаден. Всё на виду, чего уж там стыдиться мёртвому человеку живых дел? Значит, иная мораль, иные люди, лишь внешне похожие на тех, кого знал когда-то. Чужие люди... Это Илюшка-то чужой человек? Да он и сейчас помнит, как таскал сына на руках! Илюшка уж большой парень был, в школу скоро, а любил, чтобы его на ручки взяли, иной раз нарочно притворялся усталым до изнеможения, лишь бы на отцовских руках проехаться. А папаше тоже в радость... Потом, конечно, разошлись, вырос сынуля, свои дела появились, интересы. Отец строитель, дороги делал, а сын как бы наоборот, взрывник, в армии сапёром был, те дороги минировал. Есть в диалектике такой закон – отрицания... Неужто теперь сын вовсе чужим заделался? Не верю.

Старательно, словно мошенник от сайентологии, Илья Ильич принялся прозванивать всю свою жизнь, начиная с первых воспоминаний, припоминать каждого человека, с которым судьба свела, а теперь может свести вновь в этом странном месте. Ведь по сути дела, от той, прежней жизни у него остался лишь груз воспоминаний. Сюда он явился голым, и от новорожденного младенца его отличали память, изношенное тело, от которого можно так легко избавиться, да пригоршня монет с многозначительным названием «мнемон».

Родители. Отца он не помнит, отец не вернулся с войны, ещё с той, которая называется Гражданской. Погиб отец прежде Илюшкиного рождения, а мама почему-то никогда не рассказывала, каким он был. Видать, не за тех, кого надо, отправился воевать папаня. Даже непонятно, как выжила традиция, чтобы все мужчины в роду носили одно и то же имя. Бабушки и дедушки и вовсе его не застали, бурное начало века крепко проредило семью, одна лишь тётя Саша со своими счастливыми слониками выжила в Гражданскую и скончалась в далёком двадцать втором году, когда, казалось бы, жизнь начала поворачиваться к свету.

Мама. Она всю жизнь куда-то торопилась, вечно была занята. Запомнились частые, скучные её болезни и необходимость идти после седьмого класса в ФЗУ, чтобы поскорей подняться на ноги и жить без оглядки на мать. Собственно, детства у него не получилось, жизнь началась, когда он стал зарабатывать на заводе, а вечерами учиться в Строительном.

А теперь, значит, он должен встретиться с матерью, ставшей чужой ещё при жизни, и с отцом, который не видал его даже в колыбели. А ещё есть какие-то деды, прадеды, прапрадеды и прапрабабки... бесконечный ряд предков, сваленных сюда, как в отстойник. И что же, они все ждут его, желают видеть, желают говорить? Спросить хотят, как он жил, не опозорил ли фамилию? А те, чьей фамилии ему не досталось, но чья кровь была в его жилах, они ведь тоже здесь и тоже чего-то хотят.

Почему тогда он сидит в этом дурацком заведении под присмотром уйгура и пронырливого Афоня, а не стоит перед семейным советом, держа ответ за бесцельно прожитые годы?

И главное, где Илюшка и Люда, где его семья, которую он уже никогда не надеялся обрести? Пусть там будет что угодно, но он должен увидеться с женой и сыном, разрешить сомнения и большие вопросы...

Илья Ильич высыпал на ладонь кучку серебристых мнемоннов, недоверчиво покачал головой. Из ума не шёл Афонин совет, повторённый не раз и не два: «Деньги держи крепче, их лишь поначалу много. И главное, не вздумай ничего над людьми без их согласия творить. Ничего толкового из этого не получится, а по миру прежде срока пойти можешь».

Конечно, Афоня привирает, и крепко, но в данном случае, похоже, не соврал. Какие они ни будь волшебные мнемонны, но над живыми людьми у них власти быть не должно. Даже если эти живые люди давно умерли.

Илья Ильич брякнул монеты на стол и принялся пересчитывать. Насчитал тысячу мнемоннов, на второй сбился со счёту, пересыпал денежки обратно в бездонный кошелёк и спрятал до лучших времён.

Голос уйгура за дверью звал к ужину.

За едой прислуживающий хозяин словно случайно помянул, что не стоит волноваться за Афанасия; в крайнем случае, если их унесло очень далеко, сыщик вернётся на следующий день. Илья Ильич, обсасывая перепелиную косточку, небрежно ответил, что и не волнуется. Афоня мужик бывалый и непременно вернётся в срок.

Неловко было врать, хотя и вранья особого тут не было, просто Илья Ильич не показывал, что в курсе планов, выстроенных обитателями дрейфующей гостиницы. Последние пятнадцать лет состарившемуся Илье Ильичу как-то не было нужды притворяться, и он отвык от этого нехитрого занятия.

Вечер прошёл тихо, без ставших едва ли не привычными подслушанных разговоров: Афанасий добросовестно отсутствовал, и уйгуру было не на кого ворчать.

Когда окончательно стемнело, Илья Ильич поднялся, бесшумно оделся и вышел из гостиницы. Палисадничек, ограниченный высокими кустами жимолости, заливала ночная тьма. Сквозь кусты смутно сквозили серые отсветы нихиля. Илья Ильич подошёл к калитке, недоверчиво бросил взгляд в пустоту. Здесь было не так черно, как возле гостиницы, но казалось ещё беспросветнее. Очень не хотелось делать шаг в потустороннее ничто. Казалось, шагнёшь и немедля затеряешься в нихиле, не отыщешь дороги даже к этому островку ненадёжной стабильности.

«А вдруг на калитке установлена сигнализация? – мигнула тревожная мысль. – Сейчас трону её – и начнётся трезвон! Уйгур прибежит, стыдобы будет – не обернуться...»

Илья Ильич криво усмехнулся и отворил калитку, на которой не оказалось даже щеколды. И не скрипнуло ничего, и не звякнуло. Зачем? Всякий знает, силой тут никого не удержишь, а в нихиль неопытному человеку бежать – последнее дело. Помучаешься, потелепаешься в кисельке, так потом ещё и доплатишь расторопному Афоне, когда он прибежит, будто бы случайно, а на деле при помощи какой-то ориентировки, которой хвалился перед уйгуром.

Так Илья Ильич и отправился в самостоятельное путешествие: в руках рейка, которую сделал сам и бросать которую не хотелось; на помолодевшем теле – стариковский костюмчик, за который сполна заплачено Афоне.

Нихиль – субстанция не из лучших, на дорожное покрытие не годится – ноги вязнут, однако сорок лет – это не восемьдесят, громада спящей гостиницы очень быстро растворилась в обманчиво-прозрачном воздухе, Илья Ильич остался один на один с нихилем. Шагал, делая вид, будто помогает себе рейкой, прикидывал, как скоро совершит полный круг, и вернётся ли к забору из крашеного штaketника или просто будет кружить на месте в обидной близости от жилья.

Потом впереди замаячил свет. Жёлтый прямоугольник, тёплый и зовущий. В ночь, когда не видно ни зги и небесная хмарь готова обернуться дождём пополам с мокрым снегом, вдруг

появляется перед безнадежным путником свет в окошке, и теперь есть куда спешить, в освинцованные ноги вселяется лёгкость, глаз уже не оторвать от цели, ставшей желаннее всего на свете, и веришь, что за окошком тебя ждут.

Оскальзываясь и проваливаясь чуть не по колено, Илья Ильич побежал к золотому прямоугольнику. Ни на единый миг он не побоялся, что это светится окно в комнате уйгура. Совсем близко мерцает призывный маяк, уже видно тёмное пятно стены, вырастающей прямо из ниоткуда, не отгороженной от потусторонней ночи ни забором, ни чахлыми кустиками. На тёмном обозначился ещё один прямоугольник света – дверь, и там объявилась согнутая тщедушная фигурка:

– Илюшенька, ты, что ли? Пришёл... Ну заходи.

Глава третья

С некоторым удивлением разглядывал Илья Ильич незнакомую старушку, худенькую и такую эфемерную, что казалось, будто сейчас она рассыплется, обратившись в шепот отработки. Память на лица у Ильи Ильича была отличная, однако он был вполне уверен, что никогда прежде не встречал этой женщины, которая называла его по имени, словно доброго знакомого.

– Спасибо, Илюшенька, что не забыл старуху, – напевала бабулька, прикрываясь от небытия непрочной фанерной дверью.

Илья Ильич прошёл на середину комнатёнки, огляделся. Давно уж, много лет не видал он таких комнат, словно выкраденных из коммунальной квартиры полувековой давности откуда-нибудь с Большой Пушкинской, Введенской или иной представительной улицы Петроградской стороны. В таких среди грома первых пятилеток доживали свой век интеллигентные старушки с дореволюционным прошлым, те, к кому в очередях полууважительно, полупрезрительно обращались устаревшим словом «дамочка».

Комната, прежде бывшая кабинетом главы семьи или собственным уголком дочери-курсистки, а теперь оставшаяся единственным пристанищем, последним кусочком былой жизни среди нового коммунального хамства, отчаянно тщила сохранение вида старорежимного благополучия. Книжки, толстые тома с вензелями владельца, – обязательный Шекспир, Шиллер и Пушкин в марксовском издании, какие-то безделушки, пощажённые чередой погромов и реквизиций, предмет насмешек и тайной зависти горластых подселенок... И всё это в последней степени ветхости, кажется: коснись неловко пальцем – и в образовавшуюся дыру посыплется серый порошок отработки.

– Вот видишь, как существую? – щебетала бабулька. – Хорошо хоть вообще жива, я уж полста лет как в трущобы скинута, а вот живу, твоими молитвами, Илюшенька, исключительно твоими молитвами...

– Простите, – неуверенно проговорил Илья Ильич, – дело в том...

– Не припоминаешь, да? – Старушка понимающе улыбнулась. – Теперь, Илюшенька, это уже и не важно. А я вот тебя хорошо помню. Кудрявчик ты был, словно ангелок, а баловник – до ужаса! Не ребёнок, а малолетний Сергей Есенин. Всё на полку норовил забраться, на эту вот самую...

Взгляд Ильи Ильича и впрямь приковала полочка – единственный предмет, который среди общей обветшалости выглядел прочно и, казалось, излучал основательную антикварную добротность. На полке ровным строем вышагивала шеренга резных слоников – отголосок забытой моды на всё китайское. Впереди, задрав трубящий хобот, шествовал самый большой слон, нагруженный самыми объёмистыми тюками, за ним двигался слон поменьше, следом ещё меньше... и так до самого крошечного слоника ростом едва в полсантиметра. Но и этот

седьмой слон так же громко трубил, как и большие братья, и так же нёс хозяйке полные тюки лучшего китайского счастья.

– Тётя Саша?.. – выговорил Илья Ильич имя, которое знал всю жизнь, но никогда прежде не произносил, поскольку в упор не помнил старуху, жившую лишь в семейных преданиях. Да и сейчас не вспомнил бы про неё, если бы не навязчивая картинка: слоники, нагруженные счастьем. Она приходило ему в голову всякий раз, когда речь заходила о раннем детстве, ведь это было первое осознанное воспоминание – резные безделушки, поразившие младенческое воображение, и имя, навеки привязанное к игрушечному каравану.

– Вот видишь, Илюшенька, вспомнил, – закивала старушка.

Она ещё что-то говорила, Илья Ильич не слышал. Удушающей волной накатило осознание, что происходящее – правда, и, значит, он увидит всех, кого никогда не надеялся встретить. Какая глупость, стоило ждать бесконечную прорву лет... Люда поступила гораздо умнее, когда проглотила свои таблетки и ушла навстречу сыну.

– Они все здесь? – выдавил Илья Ильич сквозь перехваченное горло. – Сын у меня, тоже Ильёй зовут...

– Здесь, – призналась тётя Саша. – Которые живы, те здесь.

Она подняла прозрачные, вымытые временем глаза и спросила:

– Странно слышать такое? А ведь в загробном царстве, Илюшенька, люди тоже умирают. Я бы уже давно порошком от клопов рассыпалась, пиретрумом, если бы не твои заботы. А сынок твой здесь. Повидаетесь.

– Тётя Саша! – взмолился Илья Ильич. – Ради всего святого, как мне его увидеть? Я с вами потом поговорю, и всё остальное потом, а сейчас мне бы Илюшку повидать. Знаю я, что он изменился, за столько-то лет, что не таким стал, как помнится... И что все люди здесь меняются – тоже знаю. Не надо меня ни к чему готовить, я сам разберусь, только скажите, как к сыну попасть?

– Не будет тебе никакого «потом», – вздохнула тётя Саша. – Я ведь последний день доживаю. Вот ты умирал в этом... как его?.. в доме призрения и знал, что умираешь. Так и я знаю, что мне небо копытить осталось часа два, не больше. Во мне и сути-то человеческой уже почти не сыскать.

Илья Ильич вздрогнул и замолчал. Да и что можно сказать в такой ситуации: «Простите, я не знал»? Вот тебе и «тот свет»! Вот тебе и бессмертие души!

– Брось, Илюшенька, не расстраивайся, – ласково, словно прежнего младенца, успокоила тётя Саша. – Я своё отжила ещё в прежней жизни, а это всего лишь довесок. О нём жалеть нечего... Побудь со мной эти два часа, а там и пойдёшь к своему ненаглядному.

Илья Ильич покорно кивнул, отодвинул гнутоногий венский стул и уселся.

Стул беззвучно развалился, Илья Ильич, взметнув тучу серой пыли, упал на пол.

– Осторожнее! – страдальчески вскричала тётя Саша. – Тут ничего нельзя трогать, видишь, одна отработка кругом, чуть коснёшься – всё в пыль рассыпается. Я уж который месяц сплю ровно собачонка на полу у двери.

– Я сейчас поправлю! – Илья Ильич, даже не отряхнувши костюм, полез за висящим на шее кошельком, высыпал горсть монет. Он уже понял, что комната представляет собой такую же развалину, как встреченный в нишиле раёк, а с помощью пригоршни мнемонеров можно вдохнуть в неё призрак жизни.

– Не надо, – остановила его старуха. – На мой век хватит, давай уж поговорим стоя. Перипатетики прогуливаясь беседовали, а мы с тобой постоим. И тратиться ради меня не вздумай.

– Да что вы всё о деньгах? – не выдержал Илья Ильич. – У меня их труба нетолчёная.

– Вот и побереги, – голос тёти Саши был по-учительски серьёзен, – потому что это не деньги. Давай, пока время есть, я тебе всё по порядку расскажу. Только не перебивай, а то так и будем бродить вокруг да около.

– Хорошо, – согласился Илья Ильич, с удивлением заметив, что в его голосе звучат те же категоричные, видимо семейные, нотки. – Только сначала...

Призрачный стол налился сосновой твёрдостью, уцелевшим стульям вернулась ореховая фактура, даже скатерть, уже наполовину сползшая пыльной отработкой, вновь засияла крахмальной белизной. Чашки в посудной горке зазвенели чистым фарфоровым звоном, серебряный чайничек над призраком спиртовки засиял. Руке было жарко, и Илья Ильич старался не думать, сколько мнемон и лямишек, которые, оказывается, вовсе не деньги, улетает сейчас. Илья Ильич боялся, что, когда он узнает правду, он уже не сможет вот так, безоглядно тратить эти мнемона, а вернуть комнате былой вид казалось совершенно необходимым. Даже сейчас холодок предчувствия продрал по спине, и стыдно обрадовала услужливо припомненная Афонина фраза: «Чинить в сто раз дешевле, чем новое создавать».

Тётя Саша молчала; видимо, и она разобрала в голосе упрямое семейное «надо». Лишь когда Илья Ильич, словно проверяя на прочность, пристукнул ладонью по столешнице, старушка тихо посетовала:

– Ну куда ж ты? Мнемона три истратил, не меньше...

Всего три мнемона? Илья Ильич перевёл дух.

– Сделай уж тогда и чайку. Я-то тебя угостить не смогу, изнищала вконец.

Илья Ильич разжал кулак, денег в котором и впрямь вроде не убавилось, и протянул старухе мнемон.

– Куда столько? – замахала руками та. – Для этого дела пары грошиков хватит.

Тётя Саша взяла с ладони две лямишки, зажала их в сухоньком кулачке, и тут же чайник закурился ароматным паром, а в сухарнице возникла горка яблочной пастилы.

– Ты уж не сердчай, я вместо сахара пастилку припомнила, люблю я её, грешным делом. А сахар моим зубам не поддаётся. Зубы у меня по сей день свои, но тоже из отработки.

Илья Ильич кивнул и стал разливать чай.

Тётя Саша уселась напротив, взяла чашку. Всякое движение получалось у неё с простотой грации, как в более поздние годы умели лишь немногие особо одарённые актрисы. А если пытаться подражать подобным манерам, то ничего не получится у неумной дуры, кроме жеманно оттопыренного мизинца.

– Так вот, Илюшенька, – промолвила тётя Саша, беззвучно отхлебнув горячего чая, – знаешь, как на поминках говорят о дорогом покойнике: «Он будет вечно жить в наших сердцах». Этакая самоуспокоительная фигура речи... А на деле получается, самая что ни на есть истина. Мы все здесь существуем до той поры, пока живые нас помнят. Тебе потом всяких глупостей наговорят, вымыслов и домыслов, да и просто бредней – неумных людей всюду хватает, но доподлинно известно только одно: покуда нас вспоминают – мы есть. И монетки, что у тебя в кошельке звенят, это не деньги вовсе, а людские воспоминания. Помянул тебя кто добрым словом, а хоть бы и злым, и сразу в твоём активе денежкой больше. Одно воспоминание – один мнемон. А если этот человек при твоей жизни тебя не знал, а только потом о тебе услышал, то и монетка тебе достаётся маленькая – грошик.

– Лямишка? – переспросил Илья Ильич.

– Ой, их как только не называют! Раньше грошиками и поминальничками называли, сейчас чаще копеечками и этими... лямишками. Я жаргона не люблю, а молодые его легко принимают. А большая монета, настоящее воспоминание, она всегда называется «мнемон». Это от греческого мнемоникон...

Илья Ильич кивнул, показывая, что хотя классической гимназии на его долю не досталось, но настолько он языки знает, и тётя Саша, не вдаваясь в лишние объяснения, продолжила рассказ.

– Так вот, кроме ниши и человеческой памяти, здесь нет ничего. Хотя нишиль – это и есть самое настоящее «ничто». Конечно, люди и тут верят во всякое и думают, что, кроме

прожитой, им ещё какая-то жизнь полагается, но уж прости старуху, я в эту ерунду и при жизни не больно верила, я же бестужевка, в народ ходила по молодости лет. Потом перед смертью, в Гражданскую, насмотрелась я на русский народ... Даже в церковь начала хаживать, чтобы хоть этим досадить торжествующему хаму. Но в бога верить всё равно не стала, в ком однажды разум проснулся, того эти глупости уже не прельстят.

Вот, оказывается, из каких времён идёт его вольномыслие!

– Тётя Саша! – воззвал Илья Ильич. – Я ведь тоже неверующий. Ни в молодости не верил, ни тем более перед смертью.

– Вот и хорошо, – улыбнулась старуха, – а то, говорят, сейчас снова стало модно молитвы гундосить. Так ты знай, если кто о божественном с тобой заговорит, то это или дурак, или мошенник. Вернее, что второе: говорит о душе, а прицеливается к деньгам. Память о тебе украсть хочет, чтобы самому послаще жить. Ведь у нас с помощью мнемоников можно... не всё, конечно, но очень-очень многое.

– Это я уже знаю, – сказал Илья Ильич. – Зажимаешь деньги в кулаке, желаешь, и пожалуйста, получи – хоть пастилы к чаю, хоть вечную молодость...

– Вечной молодости как раз и не получишь. Получить можно только то, что у тебя при жизни было, что ты помнишь или можешь помнить. Вот пастилы я за одну лямишку полфунта придумала, а вздумала бы захотеть какой-нибудь олла-подриды, о которой, кроме названия, и знать ничего не знаю, то ничего путного у меня бы не получилось, только деньги бы извела. Конечно, здесь тоже можно кое-чему научиться, но всё равно получаться будет хуже и дороже, чем то, что знал при жизни.

– А! – воскликнул Илья Ильич. – Афоня, тот сыщик, что меня нашёл, говорил, что ему четверть смирновской водки в три лямишки обходится, а молодые так не умеют. Теперь понимаю, почему.

– Значит, он её при жизни пил, – покривив губы, произнесла тётя Саша. – Что ж, тоже мастерство, сейчас таких уже немного осталось. По питухам память непрочная.

– И куда деваются те, кто забыт всеми и навсегда?

– А ты на меня взгляни, Илюшенька. Могила моя на Смоленском кладбище давно с землёй сровнялась, из живых людей, кто меня знал, ты был последним, и даже документов обо мне никаких не сохранилось, после стольких-то войн. А время идёт, и каждый день, просто за то, что дышишь, у тебя убывает по одной копейке. И как последняя монетка уйдёт, то и сам рассыпаешься серой пылью. Ничиль – это же небытие, беспамятство это... Некоторые, конечно, и здесь приспособились, зарабатывают, кормятся при тех, кто позже пришёл, вроде как Афоня твой. Но таких мало, и не потому, что желающих нет, а просто не всякому удаётся. Ведь даже у новоприбывших денег не так много, как кажется. Живые, они о живом думают, им дорогих покойников вспоминать некогда. Оно, конечно, обидно, но правильно. Живые и должны думать о живом.

– Понял... – протянул Илья Ильич. Теперь, когда несложная тайна серебряных монеток была произнесена вслух, ему казалось, что он с самого начала подозревал нечто похожее на истину. – А как же те, кого люди действительно помнят сотнями лет, какой-нибудь Александр Македонский?

– Не встречалась... – усмехнулась тётя Саша. – Те великие, кого помнят, отдельно от простых людей живут. Надоели мы им за тысячу лет хуже горькой редьки, и у них выстроено специальное место, которое называется Цитаделью. Что там внутри, я не знаю, и знать мне это отчего-то неинтересно. Охрана там на стенах стоит, и в ворота никого не пускают. Обидно, что те, перед кем в жизни преклонялись, после смерти от людей заперлись, ну да бог с ними, давай лучше о простых людях поговорим...

– Как близких найти, – напомнил Илья Ильич.

– Так вот, – словно не слыша, продолжила тётя Саша, – простые люди живут в городе. Это и в самом деле город, дома там, улицы, парки есть, развлечения самые разные, на любой вкус. Всё людьми сделано, за всё мнемонами заплачено, и за всё нужно платить. Только по улице гулять можно бесплатно.

– А мне Афанасий говорил, чтобы я в городе никаким коммунальным службам не платил, что всё это обман.

– Обман и есть, – согласилась тётя Саша. – Свет и воду, захочешь, сам создашь, за свои кровные, безо всякого водопровода и электростанций, а канализация там и вовсе ни к чему. От неживых людей и отход один – ничиль. Город, по сути дела, и не нужен, просто люди жмутся один к другому. Хотя некоторые, пока память о них не простыла, создадут себе домик, устроятся в нём поуютнее и дрейфуют в нихиле сами по себе.

– Вот так? – спросил Илья Ильич, поведя ладонью округ себя.

– Не совсем. Таких, как я, город сам отторгает, и мы тут в нихиле потихоньку растворяемся.

– Но может быть, как-нибудь можно помочь?

– Нет, Илюшенька, как тут поможешь, если я уже давно всеми забыта. Пока ты жив был, вспоминал иногда, не меня даже, а слоников этих, тем я и перебивалась. А теперь уже нечем, да и незачем. Будет с меня – собачонкой на коврике лежать... Я ведь могла ещё с год протянуть, а то и больше, но я твои последние два мнемона разом потратила, чтобы тебя встретить. Кстати, и своих ты отыщешь почти таким же способом... компасок называется. Его можно на себя ставить или на другого, но только на знакомого человека, с кем при жизни встречался. На себя – один мнемон, на другого – парочка. Просто зажимаешь деньги в кулак и хочешь этого человека найти. Или чтобы он тебя нашёл. Только ведь он может и не захотеть встречи с тобой. Ты вот хотел найти хоть кого-нибудь и, покуда тебе не мешали, шёл напрямик к моему окошку. А если бы не искал меня или другого знакомого человека, то и знать бы не знал, что я тебе компас поставила.

– А я думал, что вслепую в нихиле топчусь. Там ведь кругами пойти – самое простое дело.

– Ко мне ты шёл, Илюшенька. Тут многие пытаются родных да знакомых встречать, но не у всех получается, хоть два компаска разом ставь – на себя и на того, кого ищешь. Пока компас к цели доведёт, бандиты тебя десять раз перехватить успеют.

– Какие бандиты? – изумился Илья Ильич. – Мне говорили, что отнять чужие деньги, то есть мнемона, невозможно, только если сам отдашь.

– Вот сам и отдашь. Ты подумай хорошенько, человек испуганный, голый посреди этого нихилия, а тут появляются люди, эти самые вымогатели, так ты им за то, что они тебя пристроят, за всё стократ платить будешь. У них маяков этих наставлена целая сеть, я сама удивляюсь, что ты меня отыскал прежде, чем они тебя поймали. Так что ты теперь свои мнемона сохранишь.

– Я слышал, будто есть какие-то бригадники...

– Они самые и есть.

– А я думал, они государственные служащие. Я уже знаю, что они обдирают как липку, но полагал, что в пользу государства.

– Какое же государство в царстве мёртвых? Маркса читать нужно... – Старорежимная старуха, премного пострадавшая от доморощенных марксистов, улыбнулась неожиданно задорной улыбкой, лучащейся в углах рта и глаз. – Государство – аппарат принуждения, а к чему ты меня принудишь, если я уже померла? У нас тут анархия в чистом виде, мечта князя Кропоткина. А бригадники, как и все прочие, на свой карман работают.

Илья Ильич отхлебнул жасминного чая, усваивая новую информацию.

– Сыщик мне говорил, что тут штрафы в пользу государства, половина, мол, в казну идёт.

– Куда она идёт – того никто не знает. Может быть, просто в пользу вселенского беспорядка. В городе даже храм есть «мировой энтропии». Но город существует просто потому, что

люди даже после смерти жмутся друг к другу. В городе и зарабатывать легче – на таких, как ты, новичках, и на знаменитостях, Цитадель-то рядом стоит. Там охрана кормится, обслуга... ну и прочим перепадает, когда охранники в город развлекаться идут. От Цитадели держись подальше, ничего доброго там не получишь.

– Там же вроде великие люди должны жить, – удивился Илья Ильич, – не только всякие диктаторы, но и учёные, гуманисты... Что же они от людей заперлись и охрану поставили?

– Ой, – вздохнула старуха, – а ты поживи тут триста лет, посмотрю тогда, что от твоего гуманизма останется... Впрочем, с этим сам разберёшься, давай-ка научу, как тебе своих искать...

Сильный удар прервал последние слова. Ветхая дверь не слетела с петель, а просто рассыпалась пыльным облачком. В комнату ворвались шестеро человек. Вид их был дик и страшен, лица украшали татуировки и глубокие шрамы, чёрные одежды напоминали скорее маскарадные костюмы: нечто не то средневековое, не то взятое напрокат из мистического триллера. Конкретной атрибутики не было, так что при желании можно было принять явившуюся публику за монахов, дьяволов, инквизиторов или служителей преисподней любой религии, где подобная вера культивируется.

– Вот он! – хрипло взревел устрашающего вида негр, единственный, чьи ритуальные шрамы, возможно, появились при жизни, а не были результатом пластической операции за полмнемона. – Попался, грешник!

– Ребята, вы опоздали. – Илья Ильич безжалостно улыбнулся. – Кыш отсюда!

– ...Думал скрыться... – по инерции проголосил чернокожий, затем взгляд его остановился на тёте Саше. – Ну, ведьма, – прохрипел неудачливый бес, – ты мне за это заплатишь!

– И как вы это представляете, любезнейший? – язвительно поинтересовалась тётя Саша.

– Да я тебя, стерву, с потрохами сожру! – Вошедший в раж громила саданул ногой по столу, видимо рассчитывая, что и он рассыплется пылью, однако свежечопчиненная мебель с лёгкостью устояла. Бригадник взвыл, ухватившись за ушибленную ногу.

– Ты ещё меня ударь, – язвительно посоветовала тётя Саша.

– Вот что. – Илья Ильич шагнул вперёд. – Извинись перед женщиной, почини дверь и выматывайся вон.

– Шо?! – Негритос явно говорил на каком-то своём наречии, но Илье Ильичу, ставшему день назад великим полиглотом, казалось, что перед ним обычный дворовый дебошир, который и говорит как положено мелкому братку и дебоширу. – Да я тебя, козла...

Илья Ильич медленно и нехорошо улыбнулся, выволок из-за пазухи толстый, почти не траченный кошель, резким движением распустил завязку. В глазах застывших бригадников он видел испуг, смешанный с недоумением, и это доказывало, что он действует верно. Раз в этом мире нет ничего, кроме монет-памяток, то и счёты промеж себя люди сводят этой же универсальной валютой. Серебристые мнемоны звенящей струйкой потекли в ладонь. Сколько их там могло поместиться? Десятка два, но для людей давно умерших и прочно забытых это было целое состояние. Илья Ильич зажал монеты в кулаке, словно свинчатку, и занёс руку для удара.

– Так кто здесь козёл?

Противник, недавно такой грозный, посерел от ужаса и метнулся к дверному проёму. В этот момент в дверях возник ещё один человек, и беглец врезался в него со всего маху. Оба упали, негр вскочил первым и исчез среди нишля быстрее, чем это мог заметить взгляд.

– Что здесь, собственно, происходит? – громко спросил вошедший, поднимаясь и отряхивая костюм. В голосе его перекатывались нотки неудовольствия, что вполне можно было объяснить пинком, полученным при входе. У Ильи Ильича не было и тени сомнения, что вошедший имеет отношение к той же мошеннической банде, что и сбежавший негр, однако формального повода для расправы с вальяжным господином не было, да и самый его вид не предпола-

гал кулачной над ним расправы. В конце концов, вид человека, который в подобной ситуации прежде всего заботится о чистоте костюма, способен остановить даже занесённый для удара кулак.

– Ваши люди? – спросил Илья Ильич, указывая на пятерых жавшихся по углам бригадников.

– Первый раз вижу, – словно на очной ставке отозвался приличный. – Я, собственно говоря, представитель федеральных властей, а вы, насколько я понимаю, совсем недавно появились в... как бы это сказать... короче, появились здесь и ещё не прошли регистрации.

– Свидетельство о смерти, что ли, получать? – язвительно спросил Илья Ильич. – Так его там выдают, родственникам, а мне как бы и ни к чему.

– Ошибаетесь, глубоко ошибаетесь... – проникновенно пропел самозванный чиновник.

Илья Ильич краем глаза заметил, что недавние погромщики, пытавшиеся разыграть, казалось бы, беспроигрышную карту Страшного суда, один за другим по стеночке прокрались к вышибленной двери и немедля расплылись в полутьме. Мешать им Илья Ильич не стал, не сюда же они рвутся, а отсюда... Илья Ильич продолжал разглядывать главаря, который уже привычно вещал, то нравоучительно, то с лёгкой укоризной, то переходя на стиль рекламного слогана:

– Люди живут везде и всегда, даже, как видим, неживые люди тоже живут, а жить в обществе и быть свободным от общества – нельзя. Это не я придумал, а один мудрый человек...

Случилось так, что в молодые годы Илья Ильич жил исключительно среди честных людей. В коммунальной квартире, где проходило его детство, можно было оставить на кухонном столе кошелёк и быть уверенным, что не пропадёт ни единой копейки. Мошенниками считались цыганки и безнадзорные мальчишки, шаставшие по рынку. И тех и других можно было легко определить по внешнему виду, суетливым движениям и воровато бегающим глазам. Мошенник на доверии был редкой птицей, какую впору в «Красную книгу» заносить. И когда с приходом нового времени появились благообразные распространители фальшивых лотерей, респектабельные деятели финансовых пирамид, милые девушки, работающие на подхвате у уличных кидал, и прочий преступный люд, искренне считающий себя хорошими людьми, многие, и Илья Ильич в том числе, не могли этого понять. Везение или чутьё не дали Илье Ильичу вляпаться в мошеннические соблазны, он обходил стороной игроков в шарик и три листика, не брал билетов бесплатных лотерей и не вкладывал денег, которых у него и не было, в проекты, обещающие слишком большие доходы. Но одно мучило его и не давало покоя. Мошенники почему-то были слишком похожи на людей. Это невозможно представить: стоит человек, смотрит на тебя честными глазами, а сам...

– Скажите, – перебил Илья Ильич монолог федерального чиновника, – вот вы мошенник, и, насколько я понимаю, мошенник-профессионал. А когда вы решили стать мошенником? Когда поняли, что обманывать хорошо и ни капли не стыдно?

– По-вашему, я похож на мошенника? – оскорбился чиновник.

– Ничуть, – заверил Илья Ильич. – Вы удивительно похожи на честного человека. Поэтому я и спрашиваю: вы нашли себя в этом ремесле? Получаете ли вы моральное удовлетворение, когда вам удаётся облапошить встречного? И ещё... вы потомственный мерзавец или вас воспитывали как человека, и ваша мама, которая, вероятно, тоже находится здесь, была бы огорчена, если бы узнала о вашем промысле?

– Знаете, – оскорбился благообразный, – в таком тоне я разговаривать отказываюсь!

– А вас сюда никто и не звал, – напомнил Илья Ильич.

– У меня дело! Я официальное лицо. Или вы предпочитаете, чтобы вас вызвали повесткой и заставили платить штраф за отсутствие регистрации?

– Идите отсюда, – ласково предложил Илья Ильич, – а повестку можете прислать по почте. Кстати, коммунальных сборов я тоже платить не собираюсь. Лямишка в день, насколько

мне известно, взимается автоматически, а всё остальное – ваши придумки. Так что вы с вашей командой опоздали. Можете быть свободны. Жаль, что здесь нет тюрем и милиции, а то засадить бы вас лет эдак на пятьсот. А ещё лучше – повесить. В прежние годы умерших, случалось, выкапывали из могилы и вешали. Лично я повесил бы вас с большим удовольствием.

– Мнемон в день, и я согласен сидеть в тюрьме, покуда у вас не кончатся деньги, – деловито предложило официальное лицо.

– Оботрёшься, – вспомнив молодые годы, ответил Илья Ильич. – Катись колбасой вместе со своей гопой, а то ведь я не пожалею денег и узнаю, что тебе полагается за то, что ты сюда вломился.

– За отработку-то?.. Ничего не полагается.

– Вот теперь ты и заговорил как урка, – с удовлетворением констатировал Илья Ильич. – Сколько себя ни лакируй, а гнилое нутро покажется.

– Послушайте, – возмутился самозванный чиновник, – в конце концов, я вам не тыкал!

– А я тебе сейчас так тыкну, что насквозь проткну, – пообещал Илья Ильич, продолжая сжимать в кулаке отсыпанные деньги.

– Илюшенька! – возвала из угла тётя Саша. – Успокойся. А вы, – повернулась она к бригаднику, – уходите, пожалуйста.

– Минуты здесь не останусь! – продолжая разыгрывать оскорблённую невинность, сказал псевдоофициальное лицо и кануло в дверном проёме, бросив на прощание: – Ну каков хам!

– Забавные люди эти мертвяки, – заметил Илья Ильич, возвращаясь к прерванному чаепитию. – Вор на воре сидит и вором погоняет. Одно непонятно, где же честные-то люди?

– Есть честные люди, есть... Только они в нихиль без дела не ходят, нечего тут честному человеку делать. Нормальные люди в городе живут, кто побогаче – в центре, кто похуже – на окраинах, в трущобах. Окраины так и называются – Отработка. Там такие, как я, убогие, развоплощения ждут.

– Честные люди, значит, в городе, а новичков этим шакалам на растерзание?

– А ты что предлагаешь?

– Организовать настоящие бригады для поиска новичков и не грабить их подчистую, а действительно помогать устроиться в новой жизни. Встречать, вот как ты меня встретила...

– У нынешних бригадников с этого всё и начиналось, Илюшенька, но ведь дорого это, новичков встречать, а работникам тоже жить надо, только опыт приобретёшь, научишься новому ремеслу, как тебя дома забывать начинают, развоплощение замаячит... Значит, нужно зарабатывать. Вот и появляются один побор за другим, все придуманные, а на самом деле чтобы при свежих покойниках руки погреть, собственное существование продлить подольше. Есть и такие, что без сети маяков работают, на свой страх и риск. Но это таланты, потому они новичков как липку и не обдирают. Например, твой Афоня, ведь хороший человек... а что деньги у тебя выщиганивал, так ведь понемножку, только чтобы себе на прожитьё хватило. А тут – организация, им деньжищ всегда нужно больше, чем есть.

– Хорошо, с этим я разберусь попозже...

– Ладно, – улыбнулась тётя Саша, – слушай, как тебе своих искать...

* * *

Из странной, стоящей посреди нихиля, комнатёнки Илья Ильич ушёл через несколько часов. Перед уходом поправил что мог, вот только книги не сумел сделать вновь читаемыми. Библиотека у тёти Саши была своеобразная и, кроме обязательной классики, насчитывала множество каких-то странных сочинений, о которых Илья Ильич и не слыхивал, а потому и восставновить не сумел. А так – потратил сколько-то мнемон, и комната стала жилой. Заодно оттре-

нировал нехитрое умение – узнавать, за что именно получена та или иная монетка. Зажимал серебристый мнемон между ладонями и узнавал кое-что о той жизни, что продолжалась дома после его ухода, но каким-то боком касалась его. Скажем, шофёр, подвозивший его в Лахту, разменивая накалымленную сотню, подумал мельком: как там поживает щедрый старикан... небось подлатали доктора, и теперь дедуля жалеет о раскиданных деньгах. Нет, парень, не жалеет. Сотенная банкнота оборотилась здесь серебристым мнемоном, а это куда как больше, чем просто деньги. Это немного жизни для того, кто уже умер.

Тётя Саша не вмешивалась в хозяйничанье правнучатого племянника, понимала, что только раззадорит гостя. Лишь на прощание сказала:

– Зря ты это, Илюшенька. Мне ведь не нужно. Знаешь, старики, бывает, уже сами не хотят жить. Устают от жизни. Для них даже царствие небесное хуже ада покажется. Вот и со мной та же история... устала. Я ещё в той жизни устала. Потом, как тут очутилась да молодость вернула, так вроде интерес в жизни появился, а сейчас – опять разочарование. И дело даже не в старческой немощи, а просто... ну, это сам поймёшь, как поживёшь тут подольше. Есть в этой жизни фальшивинка, не все её замечают, а мне она очень заметна. А впрочем, не слушай старческого брюзжания, ступай, а я пойду чай допивать, там ещё осталось на целую чашку.

– Я обязательно зайду через пару дней, – обещал Илья Ильич, и тётя Саша кивала, улыбаясь. Потом повернулась к полочке, сняла самого маленького слоника:

– На вот, возьми на память. Они тут одни только и оставались настоящими, когда ты пришёл. Только из-за них я и жива по эту пору. Их мне когда-то на счастье подарили, и видишь, как вышло, действительно они большую удачу принесли. Я тут всякое про здешнюю жизнь говорила, но ты не всё на веру бери, на самом деле мне тут вторая жизнь выпала, и счастья в ней тоже было с достатком. Пусть и тебе будет не хуже.

Илья Ильич ушёл недалеко. Остановила простая и страшная мысль. Ведь он позаботился обо всём: о вещах, об уюте, но забыл про саму тётю Сашу. А у старухи, по её собственным словам, не оставалось ни единой лямишки...

Илья Ильич развернулся и поспешил обратно.

Комната, вынутая из старого петроградского дома и затерянная среди ниши, встретила его светом, теплом и пустотой. Среди уютных стен никого не было, лишь тончайшая серебристая пыль покрывала новую, только что отреставрированную мебель. Недопитая чашка чая ещё курилась ароматным паром, а под серебряным чайничком мирно мерцал огонёк спиртовки.

Вот так, был человек, а теперь его нету. Не осталось даже в памяти, и значит, нет нигде, лишь немые вещи некоторое время существуют сами по себе. Сыщик Афоня в своих странствиях набредёт на пустующую комнатёнку, снимет шляпу, задумчиво потрёт темя: с чего бы это, не раёк в ниши дрейфует, а жилая комнатёнка. Видать, какой-то домосед скончался и, ослеплённый ужасом, создал не штампованный рай, а собственную норку, в которой так славно пряталось от превратностей судьбы. Но и в норке своей покойничек был сыскан жаждающими бригадниками, извлечён на свет, обобран до нитки (ведь оставалось что-то, комнатка – это не рай на полгектара, она всякому по карману!) и отпущен в новую жизнь. «Опоздал!» – вздохнёт Афоня и, если комната ещё не поветшает к тому времени, переночует на постели с пирамидой разнокалиберных подушек, попьёт чаю из фарфоровой чашки, а может быть, и заберёт себе что-нибудь на память. Только что пользы от мёртвой памяти давно скончавшегося человека? Творить может только память живых, об этом живым никогда не стоит забывать.

Илья Ильич понуро постоял, привыкая к мысли, что уже ничего не исправишь, потом осторожно взял оставшиеся шесть слоников, положил во внутренний карман пиджака, потёр темя, словно копируя будущий Афонин жест, и осторожно прикрыл за собой так недавно созданную, но уже никому не нужную дверь.

Ориентируясь по неумело поставленному компасу, двинулся сквозь нишильную хлябь, надеясь, что город, как было обещано тётей Сашей, появится не позже чем через полчаса.

Компасов было создано два, но один, тот, что ориентирован на Люду, угрюмо молчал, словно бывшая жена уже давно рассыпалась тончайшей отработкой.

Глава четвертая

Ресторан «Дембель» считался не слишком дорогим, но приличным заведением, одним из многих в русском секторе Города. Обычно здесь собирались парни, погибшие в бессмысленных войнах последних десятилетий, а вокруг настоящих воинов, как всегда бывает, тусовался всякий сброд, не военный, но ушибленный армией и даже после смерти не умеющий стать просто человеком. Настоящих было видно и по уверенной повадке, и по нескаредному поведению. Погибши молодыми, они оставили в живом мире родителей, братьев, приятелей и невест. Так или иначе, но их вспоминали чуть не всякий день, поэтому в средствах завсегда и «Дембеля» тоже особо не стеснялись, просаживая порой по мнемону в день.

Столики в «Дембеле», как и во всяком ресторане, были двух сортов: обычными и невидимыми, за которыми сидели те, кто не желал привлекать к себе лишнего внимания. Невидимый столик и все кушанья за ним стоили вдвое дороже обычных, поэтому приватные беседы случались в ресторанчике нечасто.

Музыканты в «Дембеле» играли круглосуточно, сменяя друг друга. Платили им сущие гроши: кормёжку и по две лямишки в день, однако от желающих отбою не было, одни получали таким образом возможность хоть как-то быть услышанными, а другие, обитающие в городе уже много десятков лет, считали и две лямишки вполне приличным заработком. Убогие кварталы Отработки были сверх всякого представления заселены музыкантами, когда-то, быть может, и известными, но ныне прочно забытыми. Обычным ресторанным лабухам в заведения города хода не было, даже для пиликанья под лангет можно было найти по-настоящему талантливого исполнителя.

Двое мужчин сидели за обычным столиком в глубине зала, подальше от сцены, где ненавязчиво играл инструментальный ансамбль. Обоим было лет под тридцать, и только обладатель большого количества мнемон мог бы узнать, собственный это возраст собеседников, омоложены они или, что тоже случалось в «Дембеле», погибнув в неполных двадцать, посчитали нужным накинуть для виду лишней десяток лет.

– Какое же это оружие?.. – внушал чернявый светлоголовому собеседнику. – Трапедия – обычный гимнастический снаряд. Имеем полное право.

– Цирк, – не то осуждающе, не то подсказывая, произнёс светлый.

– Вот именно. Организуем бродячий цирк: клоунов, акробатов, иллюзионистов пару – мозги пудрить...

– Ты ещё ручного медведя не забудь... Не дороговато обойдется такой цирк?

– В Отработке найдём добровольцев задёшево.

– Не пойдут эфемеры на Цитадель. А если и пойдут, то их там в три минуты в распыл пустят, пылесосом собирать придётся. Это ещё до нас пробовали: задавить охранников числом, устроив под стенами Ходынку. Отбились на раз. Теперь эфемеры учёные.

– Да они ничем не рискуют и знать ничего не будут! Цирк и цирк. Наберём труппу, может быть, даже пару представлений дадим на бульваре, пусть со стен поглядят, попривыкнут к нам. А потом как бы случайно станем поближе к стенам...

– Кто прыгать будет? – задал светловолосый главный вопрос.

– Я. Я ещё живым трапедией увлекался, у меня получится.

– Понятно... Значит, ты... А не боишься, что тебя влёт снимут, что утку? Траектория твоего полёта вся как на ладони – из любой пукалки снимут. Я бы снял.

– Они ж не будут ожидать...

– Они всегда ожидают, каждое мгновение. К тому же там старики, уж в чём в чём, а в птичьей охоте они понимают; думаю, всякому из них приходилось уток сшибать. Ещё из луков.

– Это ты злишься, что не тебе прыгать?

– Ещё чего... Идея твоя, ты и прыгай. Я даже пособить могу, так, по дружбе. Но денег в твой цирк вкладывать не буду. Несерьёзно это. Да и нет у меня денег.

– Это у тебя-то нет? Ты же сам говорил, что тебя каждый день вспоминают...

Светловолосый пожевал губами и ничего не ответил.

– Давай, Илюха, соглашайся! – принялся уговаривать первый. – А то всё болтаем, треплемся, планы строим, хуже штабных, а сами ничего не делаем. А время, между прочим, уходит...

– Я, между прочим, в Афганском прорыве участвовал. И о том, как нас тогда сделали, не по рассказам знаю.

– Молодые вы были, – не то согласился, не то возразил его собеседник, – неопытные. Правил ещё не знали, пытались воевать прошлыми мерками.

– Знали. Там ведь не только наши были, из Афгана и Анголы, но и янки, которых во Вьетнаме кокнули, и сами вьетконговцы, и даже со Второй мировой кое-кто, их тогда ещё неплохо помнили. Так что знали мы всё как есть, но принять этого не могли и полезли нахрапом. У тех копья и луки, у нас – акаэмы, значит, не могут они против нас выстоять. А они и не стали сопротивляться. Они просто шарахнули в ответ всем своим капиталом – и были правы. Вот то же самое случится и с твоей трапедией. Пока ты на ней просто так раскачиваешься – это трапедия. А как вздумаешь сальто в сторону Цитадели сделать – так уж не обессуди, кума, попотчуют от души.

– Не успеют. Я считал, у них запаздывание, если противник безоружный, полторы секунды, значит у меня в запасе две десятых секунды. Ты не хуже меня знаешь, что за это время можно сделать...

Светловолосый Илюха не слушал. Он медленно поднимался со стула, оборотившись в сторону дверей. Там, шурясь на яркий свет эстрады, стоял человек, очень похожий на самого Илюху. Те же светлые волосы, такой же вздёрнутый нос, тот же взгляд недоверчивых глаз. Даже возраст у двух мужчин был примерно одинаковым, так что всякий без колебаний назвал бы их братьями. Однако Илюха, сделав шаг навстречу вошедшему, произнёс слово, которое могло быть обращено к ровеснику только в загробном мире:

– Папа...

– Я, Илюшка, – сказал Илья Ильич.

Бесконечно долгие секунды они стояли друг напротив друга и молчали. Всё было ясно и без слов, хотя ничего не было ясно. «Мы увидимся там», – говорят о любимом покойнике. А ведь радость встречи можно испытать только в настоящем мире, там мы все будем, и встреча за гробом означает лишь, что любимого человека тоже нет в живых.

Илья Ильич странно всхлипнул и прижался лбом ко лбу взрослого сына.

– А ты совсем не изменился, – сказал Илья-младший.

– Это я тут подновился, – ответил Илья Ильич, чтобы что-нибудь сказать. – Видел бы ты меня в хосписе, краше в гроб кладут...

Черноволосый собеседник Илюшки, оценив загробный юмор шутки, коротко хохотнул.

– Мама здесь? – спросил Илья Ильич.

Сын чуть заметно поморщился, но ответил:

– Куда ж она денется?

– Видитесь с ней?

– Нет, – коротко ответил сын, а потом, видя, что от него ждут настоящего ответа, добавил: – Она хорошо устроилась, в Цитадели служит, а оттуда в город нечасто выходят. Не поощряется это, да и сами не хотят.

Что-то в этих словах показалось Илье Ильичу сомнительным, но уточнять он не стал, не желая портить радость свидания с сыном.

– Ты здесь как? – излишне быстро спросил Илюшка.

– Да вот, – усмехнулся Илья Ильич, – проездом.

– Я ж говорю, ничуть не изменился. – Илюшка повернулся к черноволосому акробату и торопливо произнёс: – Серёга, видишь, отец это мой. Я с тобой потом договорю...

Серёга понимающе кивнул и, захватив своё пиво, пересел за один из дальних столиков. Настроение у него было под цвет волос... не соврал, значит, друг Илья и действительно сидит без денег. Прежде от батяни подкармливался, отцы часто вспоминают погибших сыновей, мучаясь, что сами живы, а мальчишки угадали под вражескую пулю. А теперь... кто будет вспоминать погибшего тридцать лет назад солдата? Слишком много с тех пор пришло в Россию двухсотых грузов. А «Книга памяти» что мёртвому припарка... – лямишка в пять лет. Потом Серёге пришли в голову ещё какие-то соображения, он встrepенулся, заинтересованно поглядел на толкующих мужчин, но подходить не стал, тоже ведь понять можно, пусть люди поговорят... третий для них сейчас лишний.

* * *

Комната сына оказалась той самой, «Илюшкиной» комнатой, что вплоть до ухода Людмилы продолжала ждать в родительском доме. Это потом Илья Ильич порушил весь некрополь, а была бы возможность – даже квартиру сменил бы. Говорил, что мёртвые в душе живут, а не среди сберегаемого барахла. И ведь как прав оказался, аж жуть берёт. Даже полуразрушенный бобинник с записями Высоцкого стоял на полке. И Илья Ильич вдруг подумал, есть ли там последние записи певца?.. Ведь Высоцкий умер позже его сына, так что от Ильи-младшего не досталось ему ни единой лямишки. Странные вещи приходят в голову в самые неподходящие минуты жизни.

Царил в комнате застарелый холостяцкий беспорядок с неубранной посудой и запахом дешёвых сигарет. Илья Ильич в жизни не курил, даже на фронте, и сыновью слабость не одобрял решительно. Очевидно, и Илюшка помнил это, потому что немедленно смёл со стола весь мусор вместе с затесавшейся посудой и какими-то вещичками. Окна открывать он не стал, но в комнате с ходу повеяло прохладой и липким тополиным запахом.

– Оставь, – сказал Илья Ильич больше для порядка, ибо порядок ценил и соблюдал не только дома, но и во всех своих бесчисленных разъездах. – Расскажи лучше, как ты тут. Не вообще как здесь дела обстоят, а про себя. Как живёшь, чем занимаешься...

– Сам видишь. – Сын широким жестом обвёл комнату. – В нашем положении делом заниматься трудно, тут все вроде как пенсионеры, отдыхают, покуда пенсия капает. – Илюшка уселся за стол, словно в яму упал; видно было, что не один час он провёл сидя вот так, обхватив голову руками и размышляя о грядущем, которого лишился тридцать лет назад. – Ничем я здесь не занимаюсь. С ребятами встречаемся, разговариваем, вспоминаем... чаще – из той жизни, ну... и в этой кой-что было. Развлекается кто как умеет... театров тут много, в кино можно сходить... как кто из режиссёров знаменитых сюда является, так сразу их фильмы крутить начинают, не те, что на экране шли, а как их режиссёр в мечтах представлял. Называется – «правильное кино». Новинки тоже крутят... это по воспоминаниям зрителей, только я туда не хожу, парашное это дело, любой фильм мелодрамой отдаёт. И радио, новости живой жизни, тоже не слушаю, кой ляд мне его слушать, если всё равно ничего изменить не можешь.

– Радио, значит, есть, – задумчиво протянул Илья Ильич.

– Есть, только денег стоит, хотя и небольших.

– А кто этим всем занимается? Это же работа, та самая, о которой ты мечтал.

– Бригадники.

– Как? – Илья Ильич искренне удивился, но тут же понял, что удивляться как раз и не следовало. Не дураки же эти люди, чтобы только деньги грести у свежепреставившихся. Информация – те же деньги. Наверняка у них там и журналисты работают высококлассные, и психологи, и чёрт знает кто ещё. Так что зря он записал в мошенники всех бригадников скопом. На самом деле это маленький кусочек порядка среди мечты князя Кропоткина.

– Не женился? – наконец прозвучал вопрос, который изводил Илью-старшего болью в пульпитном зубе. И ответ был под стать вопросу, сын дёрнул плечом, словно муху стогнял, и произнёс невнятно:

– Да как тебе сказать...

– Так и скажи.

– В мэрии с кем угодно брак регистрируют, хоть заочно. За один мнемон. Говорят, есть идиоты, которые идут и оформляют брак с Клеопатрой или, скажем, Софи Лорен. А сами живут с обычными бабами, которые... ну, ты уже знаешь, что тут внешность можно изменить?

– Знаю, знаю... – Илья Ильич усмехнулся. – О дураках – не будем. Ты же помнишь, мне на бумажки всегда было плевать. Просто, ежели что, так познакомь с невесткой.

– Нету у меня жены, – жёстко сказал Илюшка. – А всё, что было... несерьёзно это.

– Понятно...

– Да нет, пока ещё не понятно, – сын кривовато улыбнулся, не зная, как говорить на такую тему, – тут без пол-литры не разберёшься... Ты, конечно, меня на тридцать лет старше, но здесь ещё новичок, а я как раз тридцать лет отбыл.

– В отцы годишься, – подсказал Илья Ильич, встретив в ответ понимающую улыбку, очень похожую на его собственную.

Сунув руку за пазуху, Илья Ильич, не глядя, добыл немного денег и, внутренне замерев (непривычно ещё было!), соорудил на столе завтрак. Можно было бы и не завтракать, от голода на том свете никто не умирает, но живая привычка к чревоугодию брала своё. К тому же и впрямь легче говорить за накрытым столом. Только вместо помянутой Илюшкой поллитровки как-то нечаянно обнаружились фронтонные сто грамм, «понтонные», как называли их сапёры.

– Ишь ты! – проговорил Илюшка. – Вареники! С творогом небось, как мама делала... Не забыл, значит?

– Я-то не забыл... – Илья Ильич запнулся на мгновение. – Так что всё-таки с матерью? Я компас поставил, а он молчит, как нет его.

– Говорю же, в Цитадели она, – тень снова набежала на Илюшкино лицо, – работу сыскала.

– А мне говорили, что в Цитадель никакими силами не пробиться. Кем она там устроилась-то?

– Кем, кем?.. Вот тем и устроилась!

– Ты что о матери говоришь? – возвысил голос Илья Ильич.

– А я ничего и не сказал. – Сын был мрачен. – Ты сам догадался.

– Не может этого быть. – Слова легли так убеждённо, что точка в конце прямо-таки резала глаз. – Не согласится она на такое никогда.

– Давай я тебе лучше всё прямо расскажу. – Илюшка поднял измученный взгляд, потом быстро налил водки в пузатую стопочку, единым глотком опростал её и только тогда заговорил, уже не морщась, словно горькие слова были лучшей закуской, враз отбившей и водочную и душевную горечь: – Она ведь сюда попала как есть нищая, всё до последней лямишки бригадникам отдала, только чтобы они меня отыскали. Они и отыскали где-то после сорокового дня, когда мнемоны уже не потоком идут, а по одному капают. Тут-то она и поняла, что натворила: и сама растратилась, и меня на голодный паёк посадила. Мы ведь в начале восьмидесятых пытались Цитадель штурмом взять, ещё услышишь – Афганский прорыв. Ничего не вышло, только зря деньги раскидали. А меня она больше всех вспоминала, это уж так водится... Я

– нищий, она – нищая, хоть сразу берись за руки и отправляйся в Отработку. Ты ведь о ней нечасто думал: в работу с головой ушёл, да и утешился быстро. А ей обидно. Вот она и отправилась в Цитадель, когда на очередного зомбака конкурс объявили...

– Постой, – сказал Илья Ильич, – я что-то не понял. Мне говорили, что в Цитадели великие люди живут, о ком память по-настоящему крепкая. А ты о зомбаках каких-то говоришь, штурмах...

– Там всякие живут, – отмахнулся сын. – Ещё узнаешь. Поначалу это интересно, так народ и к призракам бегают, с каким-нибудь дьяконом Фёдором потолковать, и вокруг Цитадели прогуливается. Призраки-то на отшибе обитают, рядом с Отработкой, а зомбаков охранники к рукам прибрали, там хоть и небольшие, а всё денежки.

– Объясни толком! – взмолился Илья Ильич.

– Помнишь, ты меня маленького в Эрмитаж водил? А там – мумия, жрец какой-то... Пта... Пту... Не помню. Ведь этот жрец жил когда-то, жрал и пил, мечтал о чём-то, рабами повелевал. Наконец помер, тело его бальзамировщики замариновали, а он тут очутился. Снова жил в своё удовольствие, тоже небось повелевать пытался. Покуда его в родном Египте помнили, так, может, кем и повелевал. А потом его напрочь забыли, так что он через сколько-то времени отработкой рассыпался. А ещё через тысячу лет его гробницу нашли, имя прочли на стене, мумию выкопали. Мимо этой мумии теперь каждый день тысячи человек проходят, и от каждого ему лямишка. Мнemoнов ему не видать, но зато мелочи этой – до хренища. Ты знаешь, у египтян поговорка была, её тут всякий слышал: «Мёртвого имя назвать – всё равно что вернуть его к жизни». Вот он и возродился из отработки на манер феникса. Только что там могло возродиться? Памяти нет, души не осталось. Одно тело и вернулось к жизни. Таких тут и кличут кадаврами, или, в просторечии, зомбаками.

Илья Ильич кивнул, показывая, что слушает, а Илюшка продолжал, словно радуясь, что может говорить о чём-то отвлечённом, а не о матери и собственных неважных делах:

– Зомбак и не помнит ничего, и делать ничего не умеет. А деньги есть. Тут и объявляется конкурс на то, кому он деньги отдавать станет, силой-то их у него не взять, только в обмен на что-то. Кормить его, скажем, или в постель с ним ложиться, а то просто – сидеть рядом и говорить что-то. Они же лопочут непрерывно... некоторые.

– Так мать там вроде сиделки?

– Вроде лежалки, – зло ответил сын, и на этот раз Илья Ильич не одёрнул его. Теперь становилось понятно, почему так упорно не отвечает поставленный на Люду компас.

Молчали долго. Илья Ильич переваривал услышанное, которое никак не желало укладываться в голове. Собственно говоря, ещё когда Афанасий внушал ему, что здесь людей иными мерками судить следует, Илья Ильич подумал, что за столько-то лет Людмила могла завести новую семью и вообще измениться до неузнаваемости. Но то, что сказал сын, не лезло ни в какие ворота.

– Зачем она так? – выдавил он наконец.

– Обо мне позаботиться решила! – Илюшка хлопнул ещё одну стопку и нервно закурил. – Ты же её знаешь, она всю жизнь только тем и занималась, что алтарь выискивала, на котором себя в жертву принести удобнее. Семье, принципам, долгу какому-то... Мучилась она, что я из-за её самоубийства на бобах оказался. Вот и решила зарабатывать любой ценой. А тут этот конкурс дурацкий, ей возьми да и потрафь.

– То есть она из-за тебя туда отправилась?

– Из-за кого же ещё?

– А ты?

– А что я? Я её денег не беру. И не возьму, даже когда в Отработку скачусь. Я даже не знаю, сколько она там выколачивает... за свой труд.

Опять долго молчали, рюмки три или четыре. «Понтонная» чекушка давно кончилась, Илюшка, по-прежнему молча, вытащил из ниоткуда бутылку «Столичной», привычным движением сорвал станиолевую крышечку, плеснул в пузатые стаканчики. Илья Ильич пил словно воду. Потом выговорил:

– В конце концов, какое у меня право осуждать? Хотя, конечно... – и, не закончив фразы, потянулся к быстро налитой стопке.

Илюшка кивнул, подтверждая, что понял отца, и тоже нарушил тишину:

– Ты уже поселился где?

– Нет покуда, – произнёс Илья Ильич, и последнее, казалось бы лишнее, слово завершило предыдущий разговор, показав, что к тягостной теме возврата не будет, и никто не собирается представлять трагедий. Как получилось, так и получилось, но надо жить, а то, что у запоздавшего с кончиной главы семейства не оказалось ни дома, ни семьи, то это беда временная и поправимая. Покуда – нет, а там – как получится. И слова про осуждение были сказаны больше для сына, ему-то она мать, и останется матерью даже на том свете. А пуще всего – недосказанное «хотя», в котором слилась вся горечь и недоумение. Добро бы сыскала покойница новую любовь или просто сошлась с кем-то от тоски и женского одиночества... было бы по-человечески понятно и сына не касалось бы никоим боком. А так... неудивительно, что молчит поставленный компас и кривит губы ригорист Илюшка.

И всё-таки хорошо, когда тебя понимают, и весь этот клубок вины, горечи и обиды не приходится распутывать от начала и до конца, да ещё на глазах у сына. Перевёл умница Илюха разговор на обустройство будущей жизни, а прошлого как бы и не было вовсе. Даже рубить узел не придётся, сам истлеет и забудется. Тот, кто живёт одними воспоминаниями, понимает это лучше прочих.

– Хочешь, оставайся пока у меня, – подхватил Илюшка, – а там уже без торопливости решишь, как устраиваться.

– Чего тебя стеснять... Мне бы комнатёнку какую-нибудь, не слишком от тебя далеко, но и чтобы не мешать особо.

Только теперь Илья Ильич сообразил, что напрочь не представляет, как тут решаются жилищные проблемы. Комнаты люди обставляют сами, это и по Илюшкиной норе видно, и по тетисашиной коммунальной комнатёнке. А вот где эти комнаты берутся... Опять бригадники распределяют? Не загробная жизнь, а сущий «Марш коммунистических бригад». Коммунальные сборы не платить, это понятно, а как насчёт всего остального? Дома ведь кто-то строит – привычные городские многоэтажки, какими весь центр Питера уставлен: тут и многоквартирные девятнадцатого века постройки, явно после капремонта – из нынешнего фешенебельного центра, тут и монументальный сталинский ампир, и изыски последних лет. Разве что безликих крупноблочных строений, в каких и по сей день при жизни ютится большинство народа, почти не видать. Вроде бы весь город – один спальный район, но дома сташены из центра. И памятников нет... Великим, которые поблизости в Цитадели прячутся, не очень хочется чугунные идола ставить, а себе любимому – долго ли простоит? Вот и получается: по внешности – центр города, а по сути – спальный район. Забегаловки, ресторанчики, казино, театрики и дома, дома, дома... А что в этих домах внутри, как жилплощадь используется, кому принадлежит? Неужто и после кончины людей продолжает портить квартирный вопрос?

– Комнатёнку получить не проблема... – задумчиво протянул сын. – Их тут сколько угодно, хотя лучше получить обычный объём и обставить комнату самому. И дешевле, и жизнь будет привычной. Но давай этим чуть погодя займёмся...

– Давай! – покладисто согласился Илья Ильич.

– Сегодня ты у меня ночуешь. Я, вон, на диванчике лягу, а тебе койку уступлю.

В эту ночь койка и диванчик остались без дела. Илья Ильич с Илюшкой сидели, вспоминая прежнюю жизнь. Такой бы разговор да в реальности, то-то радости было бы скончавшимся

родственникам, друзьям и просто случайным, но почему-то запомнившимся людям. Мнемона текли бы рекой, изрядно украсилось бы загробное царство, и, глядишь, благодарные покойники воздвигли бы на площади монумент человеку, который вспоминает... Конечно, были бы там не Илья Ильич с сыном, а отлитая в бронзе старушка, которая целыми днями не то дремлет в протёртом кресле, не то просто сидит, уставив маразматический взгляд в экран выключенного телевизора. Не спешите включать глупый ящик, рассеивать слабое внимание... бабушка, сама того не зная, занята важным делом: возвращает к жизни тех, кто уже ушёл. А бесконечный сериал отвлечёт ум, в склеротическом мозгу начнут бродить никогда не существовавшие персонажи, а реальные люди пойдут в отработку, превратятся в нихиль.

Порой, во время бесконечной беседы ни о чём, к слову приходилось, что опытный сын поминал что-то о нынешнем бытии, в котором отец покуда не смыслил ни уха, ни рыла. Вроде бы ни о чём специально не рассказывал, но чуткий Илья Ильич успел отметить, как часто поминается в этих оговорках Цитадель и ненавистные охранники. Этого уже было достаточно, чтобы понять: есть у Илюшки цель – и цель жизни и просто цель, в которую палят, – и называется она Цитаделью.

Поначалу Илья Ильич решил было, что нотки ненависти сквозят в Илюшкином голосе оттого, что в Цитадель ушла мать, но потом понял, что сыновья ненависть не к самой Цитадели, а к охранникам, стоящим на стенах.

– Показал бы ты мне эту Цитадель, – попросил Илья Ильич. – Или туда нельзя?.. Опасно?

– Почему опасно? Там бульвар вдоль стены, люди гуляют. Хочешь, с утречка сходим. Только ничего там интересного нет.

– Это тебе не интересно, а я ещё не видал. Кстати, а почему тут утро есть, день, ночь... В нихиле вроде ничто не меняется, там всегда сумрак.

– Это само собой происходит. Где людей много собирается, или просто находится что-то людьми созданное. Почему так – никто не знает. Одни считают, что это вещи эмануруют. Они же на самом деле не снашиваются, а просто портятся от времени. И вот, когда из них вложенная память уходит, она-то и создаёт эффект идущего времени. Другие говорят, что воздух и свет образуются за счёт тех лямишек, что с каждого взимаются автоматически, просто потому, что дышишь. И человек, прежде чем отработкой рассыпаться, задыхается, поскольку дышать ему больше нечем.

Илья Ильич припомнил исчезновение тёти Саши и передёрнул плечами.

– И что же, если спать побольше, то денег меньше уходит?

– Всё одно, лямишка в день.

– Понял... А с прежними приятелями, теми, кто уже тут, ты выдаешься?

– Да как тебе сказать... Специально – нет. А так порой сталкиваюсь на улице. Я себе свойство купил, в те поры, когда мнемона швырял без счёта: ежели вижу человека, сразу знаю, встречался с ним или нет. Припоминать не нужно. А то ведь со мной вечно такое происходило: вижу знакомого человека, знаю, что мы знакомы, а где, когда, как его зовут – убей, не помню. Дурацкое положение. Теперь со мной такого не бывает. Если хотя бы пару раз с человеком словечком перекинулся, то могу вспомнить, где это было и о чём разговор шёл.

– А я знание языков себе заказал, – признался Илья Ильич. – Причём нечаянно. Захотел узнать, о чём люди говорят, а деньги в кулаке держал. Теперь все языки понимаю, что новые, что древние.

Илюшка присвистнул:

– Абсолютный полиглот!.. Это крутенько. Сколько же денег ушло?

– Представления не имею. Я и сейчас не знаю, сколько этих монет у меня. Неловко считать.

– Посчитай, – сказал Илюшка, и отец сразу припомнил Афанасия, дававшего тот же совет.

Илюшка тем временем сунул руку за пазуху, повозился немного и сказал:

– Двадцать мнемонгов. Вообще-то, не так много, а для отработки – целое состояние.

– Что – двадцать мнемонгов?

– Твоё знание языков стоило.

– А!.. А я решил, что ты успел проверить, сколько у меня деньжищ в мошне спрятано.

– Этого никто не определит. Тайна личности, ядрён батон... Всё остальное, пусть за большие деньги, но можно узнать, а этого – нет.

Посмеялись не очень весело и вскоре, как водится в нетрезвых компаниях, перешли к анекдотам, тем более что загробных анекдотов Илье Ильичу услышать было негде. Когда за окном мертвенная ночная серость сменилась дневным светом, отец с сыном вышли на улицу и направились к Цитадели. Шли пешком, благо что недалеко и можно добраться бесплатно.

– Вот идут по улице два Ильи Ильича, – вспомнил отец старую, полсотни лет не звучавшую шутку. – А двое – как будет?

– Илей Ильичей, – убеждённо, как в детстве, сказал Илюшка.

Бульвар и впрямь был бульваром, крепко утоптанной дорожкой, проложенной по оплывшему крепостному валу – бойверку – и обсаженной с двух сторон деревьями, о чём Илья Ильич не без удовольствия поведал сыну.

– Первые бульвары в Париже появились, когда французы стали сносить городские укрепления. Всё равно город давно разросся за пределы крепостных стен, так что пользы от них никакой не было. Стены снесли, а земляные бойверки срывать – себе дороже. Их обсадили с двух сторон деревьями, а может, эти деревья уже и сами выросли, не знаю, по верхушке вала дорогу проложили, и получилось место для гуляния. Сверху вид красивый, и зелень, опять же... Аристократы в каретах туда на променады отправлялись, а кто победнее, те вроде как мы, пешком. Потом в подражание Парижу в других городах специально начали бульвары прокладывать, кое-где даже насыпь нарочно делали. А в России простой люд говорил не «бульвар», а «гульвар», потому что там гуляют...

– Вот она, Цитадель, – сказал сын.

Ничего особо грозного или мрачного не показалось в открывшейся взгляду обители. Стена не то из шершавого песчаника, не то просто из засохшего самана, не особо высокая, метра четыре, не больше. За стеной густо кудрявится зелень и выглядывает пара не то смотровых башенок, не то минаретов или звонниц. Ото всей этой патриархальности веяло музейным спокойствием, а уж никак не военной силой. И даже фигуры часовых серьёзности картине не добавляли. Через каждые полсотни метров, не скрываясь, напоказ, стояли неподвижные фигуры. Юбки, а вернее – опоясания с густой бахромой. Грубые льняные рубахи – и никакого намёка на доспехи, хотя бы кожаные или из нашитых блях. Лишь на головах у некоторых красовались круглые шлемы-мисюрки. В руках короткие копыя с широким лезвием, из-за плеча виднеется конец круто изогнутого лука. Тёмные лица непроницаемы и наполовину скрыты завитыми и выкрашенными хной бородами, так что стоящие кажутся манекенами, а не живыми людьми. Впрочем, живого в них и впрямь осталось очень немного; Илья Ильич вдруг осознал, что воочию видит людей, скончавшихся три тысячи лет назад и сумевших продлить своё эфемерное существование на эти самые тысячи лет. Непобедимые воины, телохранители древних владык, забытые людьми и историей, они давно должны были рассыпаться пылью, но живут, поскольку всё новым и новым владыкам необходимы телохранители и непобедимые воины. И каждое поколение умерших солдат безуспешно пытается сокрушить эту первую когорту, которая держится вовсе не силой своего оружия, а мощью тех, кто живёт за стеной. Пытается сокрушить, для того чтобы... а в самом деле, зачем? Этой ночью Илья Ильич не раз и не два слышал от сына о провалившихся попытках взять Цитадель штурмом, о несостоявшихся попытках взять Цитадель штурмом, о задуманных попытках взять Цитадель... Зачем, и что это изменит в сложившемся положении вещей?

– Смотри!.. – перейдя вдруг на свистящий шёпот, проговорил Илюшка. – Вон, видишь? Ничего особого Илья Ильич не видал.

– Да вон, через два человека, видишь, часовой стоит? Это же из новых, с ружьём!

Воин, на которого указывал Илюха, никак не годился в современники людям, прогуливающимся по бульвару, хотя и меднобородые ассирийцы, составлявшие большинство на стенах, не могли бы назвать его своим. Был он одет в камзол, поверх которого красовалась блестящая кираса, а вооружён допотопным кремнёвым мушкетом и шпагой, которая праздно висела на перевязи.

– Значит, это правда! – возбуждённо повторял Илюшка. – Мне рассказывали, будто бы лет триста назад Цитадель была взята, а я не верил. Там на стенах всё больше ассирийцы, несколько римлян, да ещё китайцев порядочно, говорят, тоже из тех времён. А этот совсем свежий... Значит, брали Цитадель и в Новое время, просто большая группа прорваться не сумела, быть может, вот этот стрелок один всего и прорвался. Но ведь прорвался же! Значит, и мы можем.

– Ничего не понял, – перебил Илья Ильич. – Что значит «взять Цитадель», если стоит она цела и невредима, и зачем это нужно? Вообще, смешно, пока я в гостинице у вольных охотников проживал, так мой друг Афоня о городе говорил сплошными непонятками. А в городе так же точно о Цитадели судачат. Интересно, о чём в Цитадели разговоры идут? Давай-ка, пока мы тут гуляем, расскажи всё по порядку. И прежде всего, зачем вы собираетесь Цитадель разрушать?

– Никто её разрушать не собирается... – проворчал сын. – Просто те, кто на стенах живут, у них работа есть. Не знаю уж, сколько они получают, но когда в город прогуляться выходят, то ни в чём себе не отказывают. Правда, редко такое случается, а вот этого, новенького, и вообще триста лет никто не видал, одни слухи ходили. А взять Цитадель – значит прорваться внутрь и занять место на стене. При этом автоматически становишься её защитником. Только ведь для того, чтобы там встать, надо хотя бы одного вот из этих вниз спихнуть. А мы по сравнению с ними шмакодавки, у них опыт тысячелетний и деньги не чета нашим.

– По-моему, вы от безделья беситесь. – Илья Ильич пристально глянул на сына. – Ничему, кроме войны, не обучились, вот и тут продолжаете воевать. Знаешь, что мне это напоминает? Есть такая игра: «Король на горе»... Вспомнил?

– Я её никогда не забывал. А куда, скажи, мне себя приложить? Ты и сам скоро с этим столкнёшься. Тебе пока всё в новинку, а как побудешь тут лет хотя бы пять, пооботрёшься – и что? Человеку без дела никак нельзя, а какое ты себе применение сыщешь?

Илья Ильич топнул каблуком:

– Ты под ноги-то погляди. Вроде бы это не нихиль. В городе – асфальт, кое-где, я видал, – плитка. Тут, на бульваре, – грунтовка, между прочим, хорошо сделано. Вот и я буду, как встарь, дороги ремонтировать, а понадобится, то и новые строить.

Илюшка усмехнулся:

– Ты знаешь, сколько за последнюю сотню лет дорожных строителей было? Места все заняты давным-давно. Если бы ты крутым изобретателем был, новый тип покрытия придумал, тогда – иное дело. А ведь ты просто строил, добросовестно, не спорю, но обычных строителей тут в десять раз больше, чем дорог. И какого-нибудь заслуженного старика ты с занятого места не стонишь, такое можно сотворить только с охранником Цитадели.

Илья Ильич критически оглядел редкую цепочку стражников. Молчаливые фигуры придавали пейзажу нарочитую театральность, но теперь за этими декорациями виделось иное – настоящее и жестокое.

– Вот мы с тобой болтаем, а они слушают. – Последние слова Илья Ильич сказал как бы самому себе. – Наверняка у них все чувства искусственно обострены, так что они всякий

шепоток слышат и цвет глаз у дальнего прохожего могут рассмотреть. Вот послушают они наши крамольные разговоры, да как шарахнут...

Илюшка ошеломленно уставился на отца, потом медленно произнёс:

– Не шарахнут. У нас свобода слова. Можешь под самой стенкой стать и вопить что заблагорассудится. Только если очень громко или, там, матерно, то оштрафуют. Причём чем больше постороннего народу рядом случится, тем значительней штраф. Деньги эти идут на то, чтобы люди, которым ты можешь помешать, не слышали орежа, мата и не видели непотребств. Я однажды свидетелем был: стоит мужик перед воротами Цитадели, орёт, надрывается, а я не слышу ни словечка. А если бы он штаны спустил и начал стражникам задницу демонстрировать, то я бы и не увидел этого. Вот как я с этим мужичком заговорил, то враз разобрал, какими словами он цитадельников величает. Это тоже верно; раз я к нему обратился, значит сам хочу знать, что он кричит.

– И что же он кричал?

– Да просто матерился на знаменитостей. Вы, мол, при жизни на моей шее сидели, и после смерти слезать не хотите. Дурак, короче. Так что тут у нас не только бандитизма нет, но и хулиганство редко встретишь. Ущучивает народ друг друга с помощью подколов и тонких интриг, иногда так больно ущучивает, что лучше бы уж по морде дали... – продолжая говорить, Илюшка взял отца под руку и повёл прочь от крепостной стены.

– погоди, – воспротивился отец. – Мы же ещё ничего толком не осмотрели. Ворота тут какие-нибудь есть или всюду так и будет сплошная стена?

– Есть ворота, куда они денутся. – Илюшка был недоволен, но послушно повернул обратно. Видно было, что какая-то мысль не даёт ему покоя.

– Хотя если ты занят, то пошли отсюда, – предложил Илья Ильич, только теперь заметивший неожиданную нервозность сына.

– Да нет, мне не к спеху. – Илюшка уже успокоился и глядел, как прежде, весело. – Просто мысль одна в голову пришла, вот я и забегал, чтобы её обдумать. Не умею я думать неторопливо, обязательно надо бежать, словно опоздаешь принять решение.

– У меня – то же самое, – согласился Илья Ильич. – На объекте, бывает, пока план работ составишь – раза три весь выстроенный участок обежишь. При этом ещё и все недоделки заметишь... прорабы боялись меня – жуть! Думали, я специально бегаю, проверить.

Они дошли до приземистых воротных башен. На башнях с каждой стороны стояло по два часовых, а сами ворота были гостеприимно распахнуты.

– Входить, конечно, остро не рекомендуется, – высказал догадку старший экскурсант.

– Можно... – Илюха пожал плечами. – Даже не очень дорого. Там тебя встретит специальный человек, спросит, что ты хочешь им предложить, а затем объявит, что в твоих услугах они не нуждаются. Есть и экскурсии, но это чудовищно дорого стоит, по карману только богатым новичкам, к тому же большинство обитателей Цитадели в этот день из дому носа не кажут. Кому приятно чувствовать себя экспонатом?

– Уговорил, – засмеялся Илья Ильич, – на экскурсию не пойдём.

Подойдя поближе, гуляющие заглянули в проём. Там густо зеленел ухоженный парк, аллея, обсаженная кустами жасмина, скоро сворачивала, так что взгляд далеко не проникал. Ни единой фигуры Илье Ильичу заметить не удалось, – видимо, не здесь было любимое место прогулок покойных знаменитостей. Вспомнив о нервозности сына, Илья Ильич пожал плечами, произнёс пренебрежительно: «Да, пожалуй, это не слишком любопытно...» – и повернул вспять.

Город располагался секторами, которые, словно дольки апельсина к центру, сходились к Цитадели. От распахнутых ворот легко можно было пройти хоть в пакистанский, хоть в испанский сектор. Илья-младший привёл отца в полутёмное кафе немецкого сектора.

– Пиво тут лучше, чем везде, – произнёс он, потеряв ухо, и Илья Ильич понял: «Ушей нежелательных среди немцев меньше».

Тем не менее был взят самый обычный столик, открытый всем взглядам и любознательным ушам. Тоже ясно: если в заведение явились иностранцы и прячутся от посторонних глаз, значит имеет смысл подслушать, о чём они будут толковать. А так – забрели любопытствующие и едят жирные гусиные полотки, запивая тёмным баварским пивом. Немецких пивнушек в русском секторе почитай что и нет, кому они нужны, если за настоящей немецкой кухней за минуту можно дойти в Германию. Это только в американском секторе понапихано всякой всячины – и китайские ресторанички, и итальянские пиццерии, и даже трактиры, имеющие самое отдалённое отношение к русской кухне, зато вполне отвечающие представлениям рядового американца.

Илья Ильич приготовился было, используя свой дар полиглота, объясняться с официанткой, однако обошлись без его помощи, кружки пива и полотки возникли как бы сами собой.

– Так и что тебя озарило? – тихо спросил Илья Ильич, держа гусиную грудку возле рта так, чтобы со стороны было не видно, что двое разговаривают. А то ведь кто его знает, может, и впрямь у Илюхи появился секрет, который ни за какие мнемона не купишь.

– Ай, глупости всё это! – Илюшка махнул рукой. – Просто подумал, что если у этих на стенах и впрямь чувства обострены, то они прекрасно видели, что мы готовимся к штурму. Команды шёпотом передавались, а они их слышали и были готовы. Вот если ввести систему условных знаков... А потом понял, что ерунда. Опытный солдат шкурой чует, когда ему опасность грозит. Поймут безо всяких шепотков. И всё-таки мушкетёра на стене мы видели, значит есть у них в обороне щёлочка. Мизинчик бы туда просунуть, а там – расшатаем...

– Что расшатывать-то? – Илья Ильич покусал губу, стараясь почётче сформулировать свои сомнения. – Ну пробьётесь вы туда, поскидываете со стен меднобородых, встанете сами, не с луками и копьями, а с базуками и пулемётами. Что с того изменится? У вас будет работа: на потеху гуляющим торчать, а Цитадель как стояла, так и будет стоять, потому что не вы её охраняете, а она вас кормит. Это же диалектика.

– Изменится, – упрямо сказал сын. – Те, которые за стенами живут, – это же элита. Это мы тут лямишку в день платим за право дышать, а те, кто в Цитадели, отдают куда больше, за спокойствие платят, за право личной жизни. А собранными деньгами, пусть не всеми, но значительной частью, распоряжается охрана. На эти деньги можно не только Цитадель украсить, но и город. Помощь эфемерам организовать, да и просто обустроить всё как следует. Ты знаешь, в азиатских кварталах до сих пор полно трущоб, люди среди такого убожества ютятся, представить страшно. Хотя... эти люди просто не знают, что можно иначе жить. Моя комната какому-нибудь бошу тоже трущобой покажется. Но ведь есть и настоящие бедняки, которые и не живут, и не рассыпаются.

– Понятно, понятно... – покивал Илья Ильич. – Эфемерам помогать – это хорошо. А через сотню лет их наберётся несколько миллиардов – что вы тогда с ними делать будете? Каждому лямишку в день за то, что дышишь, да какую-нибудь мелочишку, чтобы покушать. Спать им в нихиле тоже не годится – значит, ещё тратиться пусть на плохонькое, но жильё. Миллионы мнемона на поддержание трущоб... поверь, ты очень быстро примешься списывать лишние рты. Начнёшь выбирать, кто жизни достоин, а кто – не очень. И будут вас бояться и ненавидеть. Нет, лучше уж вот так, ничего не мочь, совесть целей останется.

– Ты, между прочим, при жизни пенсию получал чуть не четверть века, – хмуро напомнил сын.

– Получал. Но не потому, что я её заработал, а потому, что смертный. То есть я её, само собой, заработал, но не вечную. А жили бы старики вроде свифтовских струльбругов, то им бы пенсии не платили, будь спокоен.

– Экой ты... трезвомыслящий, – сказал Илья-младший.

– На том стоим. Я строитель, дорожник, и привык думать о последствиях своей работы. А то поплывёт покрытие в первую же распутицу.

Илюшка хотел что-то возразить, даже по лицу было видно, что возражать собрался, но тут их прервали:

– Илье Ильичу горячий привет!

Подошедшая девушка была незнакома Илье Ильичу: либо изменила внешность до неузнаваемости, или непристойно омолодилась. Во всяком случае, на вид ей было лет пятнадцать, а это не слишком характерный возраст для города мёртвых. Лишь затем Илья Ильич понял, что незнакомка кличет по имени-отчеству не его, а Илюшку, который ведь тоже Илья Ильич.

– Антуанетте Арнольдовне горячий привет! – отозвался Илюшка явно кодовой фразой.

Боже, эта фря ещё и зовётся Антуанеттой Арнольдовной! Хороши у Илюшки знакомые девушки, недаром он морщился, когда его спросили о личной жизни.

Очевидно, Илья Ильич не сумел скрыть чувств, потому что юная Арнольдовна резко обернулась, пристально посмотрела на Илью Ильича и сказала совершенно обычным голосом:

– А вас я не знаю, первый раз вижу. Вы Илье друг, да?

Илья Ильич пожал плечами, как бы говоря, что нет ничего удивительного, что кто-то с ним не знаком, а вот кем он приходится Илье, это никого не касается. Раз за одним столиком сидят, то знакомы, а третий в мужском разговоре будет лишний, даже если внешность у лишнего тянет на три сотни мнемонеров.

Антуанетта вздохнула очень натурально, произнесла: «Тогда не буду мешать», – и не просто отошла, а вовсе вышла из кабачка, звякнув на прощание дверным колокольчиком.

Надо же, деликатная девица оказалась. Илья Ильич почувствовал что-то похожее на укор совести.

– А может быть, ты и прав, – подал голос Илюшка. – Ничего больше не умеем, вот и ходим войной на неприступную крепость. А другие живут как люди, стариков своих поддерживают, в отработку скатиться не дают. Один мой сосед, он физиком при жизни был, всё опыты ставит, пытается природу нихиля определить. Но тот не даёт. У нихиля собственных свойств нет, так он любые воображаемые свойства принимает. Горячий нихиль, зелёный, жидкий... Представляешь зелёный цвет сам по себе, без носителя? Вот и я не представляю. А сосед чего-то мудрит с этими качествами – и счастлив. Потом ему, конечно, надоест, да и мнемонеры кончатся. Успокоится мужик, пообнищает, скатится в Отработку, а там и в нихиль свой любимый превратится. Меня та же судьба ждёт, только я не опытами балуюсь, а военными прожектками маюсь. Но пока жив, буду прожектки строить.

– Ну так уж и прожектки... Сам же сказал, брали её триста лет назад. Расскажи-ка ты мне, что известно про оборону этой твоей Цитадели и как вы её взять пытались. У меня боевой опыт какой-никакой тоже имеется, к тому же я не просто пехтура, а сапёр. Может быть, подрываться можно под стену или ещё как-нибудь подкузьмить. Рассказывай, не стесняйся, а я заодно послушаю, какие у вас разведданные собраны.

* * *

Домой возвращались уже под вечер. Илью Ильича, не спавшего предыдущую ночь, качало от усталости, да и Илюшка позёвывал. За день они успели побывать в нескольких секторах города и заглянуть в Отработку, где жители уже не делились по нациям, а просто дотягивали отпущенные дни кто как умел. Кварталы Отработки охватывали город широким кольцом, подобно тому как пятна свалок окружают мегаполис, только здесь на помойке оказались не испорченные вещи, а позабытые люди. Сквозь истоптанную мостовую проглядывал нихиль,

дома казались ветхи, да и не дома это были, а какие-то блоки, фрагменты, выдавленные на окраину, подобно тому как живой организм гноем изгоняет вонзившуюся занозу.

Люди, которые проживали здесь последние лямишки, давно оставили всякие попытки устроиться и заработать на жизнь. Именно на жизнь, в самом прямом смысле этого жестокого слова. Не сыщешь лямишки – нечем станет дышать, терпеливо ждущий nihиль, которым наполнена река забвения, задушит, растворит, уничтожит. Никем ты был – в ничто и обратишься.

Старики, очень много стариков... Когда-то они, должно быть, омолаживались, ходили по улицам, радуясь второй нечаянной жизни, сидели в кафе, любили друг друга, ссорились и ненавидели, старались уязвить противника ловкой интригой или колкой шуткой, искали работы, не заработка даже, а возможности применить то, чему научились в предыдущей жизни. Сейчас каждый из них точно знал, сколько лямишек остаётся в тощем кошельке, и, несмотря ни на что, каждый продолжал надеяться.

Илья Ильич, сроду не подававший нищим, проходя сквозь этот квартал, роздал с полсотни лямишек. Никто не протягивал руки за подаванием, просто холодом обдавало от взглядов. Так смотрят бездомные кошки и скорбящие богоматери со старых икон.

– Понял теперь, почему я успокоиться не хочу? – спросил Илюшка, когда развалины Отработки остались позади и они вошли в русский сектор.

– Понял, не дурак, дурак бы не понял... – механически отшутился Илья Ильич, думая о своём.

И, не желая разговора на тягостную тему, спросил:

– А что за девчонка к тебе подлетела?

– Так, случайная знакомая... здешняя. В «Дембель» она порой заходит, вокруг парней вертится, а приткнуться не может. Я её и запомнил только потому, ну... я тебе говорил, что запоминаю всех, с кем хоть раз поговорить довелось. А так, считай, мы и не знакомы.

– А чего ж приткнуться не может? Внешность у неё хороша, даже если всё это макияж, то нестандартный, на заказ делан. На такую парни липнуть должны.

– Так она же не проститутка, а из тех дур, кто хочет семью и любовь до гроба. А семьи в том мире остались, тут прочную семью редко встретишь, такую, чтобы в прежнюю жизнь корни не уходили. Опять же, возраст. Молодая девушка из себя инженеру корчить не станет, значит этой не меньше пятидесяти лет. Я имею в виду тех, прижизненных лет. Да небось ещё и старой девой была... Нет, я от таких стремглав бегу.

– Ясно... – протянул Илья Ильич и добавил невпопад: – А Цитадель мы с тобой возьмём. Кажется, понял я, в чём тут секрет.

Глава пятая

К удивлению Ильи Ильича, сын остался безразличен к обещанию взять Цитадель силами двоих человек. Они пришли домой, попили чаю и улеглись спать, так и не обсудив свежей изобретённый план. Илье Ильичу пришлось на следующий день напоминать сыну о своих словах.

– Все новички думают, что им удастся Цитадель нахрапом взять, – снисходительно объяснил Илюшка. – Я тоже так полагал. И тоже первым делом начал придумывать, как бы под стены тихой сапой подкопаться. Только ничего не получится, там и без нас рыли. Нихиль разгребать – милое дело, хоть на километр рой, туннель выходит ровный, гладкий и никуда не ведущий. Ну, скажем так, фундамент Цитадели глубже уходит, а уж его тебе даже поцарапать не удастся.

– А если взорвать?

– Мощность взрывчатки зависит от того, сколько ты в неё денег вложил. У защитников денег больше. Так что взрывай – не взрывай, а стена будет стоять как стояла. Фейерверк получится знатный, это верно, а больше – ничего.

– Понятно. Я ждал чего-нибудь подобного. В конце концов, всё, что тут есть материального, существует лишь благодаря мнемонам, значит и отталкиваться следует от мнемонов в чистом виде, а не от их материального воплощения.

– Красиво излагаешь, – улыбнулся сын. – Мы эту нехитрую премудрость на своих шкурах постигали во время Афганского прорыва. Потому и выискиваются способы не силой прорваться, а обманом. Серёга, вон, собирается с трапеции прыгать. Знает, что ничего не получится, а мудрует, расчёты какие-то приводит, запаздывание высчитывает... Поможет ему это запаздывание... против лома нет приёма.

– Есть.

– Другой лом, что ли? Где ты такую прорву денег возьмёшь?

– Зачем лом? Достаточно спицы... если знать, куда ткнуть.

– А ты уже, конечно, знаешь. Давай рассказывай, что ты сумел за один день вызнать...

Когда Илья Ильич коротко в трёх словах изложил свой план, Илюшка долго молчал, затем сказал:

– Всё равно ничего не получится. Нутром чую, что-то здесь не так.

Илья Ильич пожал плечами и не ответил.

Помолчали. Потом, под незначащие разговоры, позавтракали. Никогда в реальной жизни Илье Ильичу не удавалось нормально пожарить яичницу с ветчиной, и сейчас, когда ничего он не жарил, а лишь придумывал, глазунья получилась разом горелая и недожаренная. Съели какая вышла, но кофе, убийственно крепкий и сладкий, делал уже Илюшка.

– Дорожных мастеров им не надо, повара из меня не получится, – подвёл итог молчанию Илья Ильич. – Пойду в управдомы.

Илюшка протянул руку, вытащил из ниоткуда газетный лист, бегло просмотрел, затем предложил:

– Ну что, хочешь посмотреть, как люди деньги зарабатывают? Сегодня полуфинал чемпионата по греческому боксу. Билеты мне по карману, так что пошли, я тебя приглашаю.

– Бокс вроде английское изобретение, – произнёс Илья Ильич. – Ну, ещё о французском боксе я слышал, и кикбоксинге – не знаю, что это такое. А про греческий не слышал.

– А теперь не только услышишь, но и поглядишь. – Илюшка поднялся, показывая, что следует поспешить. – Занятная штука.

Илья Ильич покорно встал и пошёл. Собственно говоря, он готов был идти куда угодно, лишь бы рядом с сыном. Не хочет Илюшка говорить о делах – не надо, время терпит.

Спортивный зал находился в центре города, там, где в диком смешении сливались все сектора. Жилых домов в этом районе не замечалось, зато сплошняком жались всевозможные стадионы, концертные залы, строгие музейные здания и блистающие огнями кабаре – короче, всё то, что не требует особого знания языков. Одни только театры предпочитали располагаться в национальных секторах, хотя чуть ли не каждый второй житель города мёртвых был полиглотом.

– Слушай, – озадаченно спросил Илья Ильич, замерев перед ампирическим зданием с лепной надписью «Европейское искусство», – а что, собственно говоря, тут выставлено? Подлинники все в том мире остались.

– Авторские копии, – пояснил Илюшка. – А есть и новые произведения, которые уже здесь созданы. Художники-то, те, кто не забыт, все у нас. Кое-кто бросил работать, а другие – пишут. Для души или на заказ, кто как захочет. Можно заказать собственный портрет работы Ван Дейка – всего полтора мнемона, я узнавал.

– Под Ван Дейка или сам Ван Дейк будет писать? – уточнил Илья Ильич.

– Сам. Тут с этим строго, подделки определяются на раз.

– Потом надо будет сходить, посмотреть... Дорого это?

– Нет, какие-то гроши. Художники тут все знаменитые, им наши лямишки не нужны, так что берётся только на поддержание музея, чтобы экспонаты не рассыпались, ну и зрителям кое-что перепадает.

– А ты говорил, работы нет. Чтобы зрителем в музее быть, многого не нужно.

– Ага. Только мест таких – раз-два и обчёлся. И каждое занято уже сто лет как. Экскурсию можно заказать за две лямишки, доктор искусствоведения будет по залам водить, лично тебе всё рассказывать. Ему ведь тоже хочется свои знания к делу приложить, да и лямишки не лишними будут, если этот профессор помер лет полтора назад. Сочинения его век не переиздаются, да и не читает их почти никто, вот он и мыкается здесь, ни живой, ни мёртвый, перебивается с хлеба на квас.

– Лямишки – нелишки... – задумчиво пробормотал Илья Ильич. – Любопытно получается, гуманитар здесь худо-бедно, но имеет больше шансов прокормиться, нежели технарь.

– Ясно дело, – согласился сын. – Тела-то у нас умерли, а души покуда нет. А гуманитар, он к душе ближе. Только давай всё-таки пойдём. Хочется соревнования тебе показать. Очень поучительное зрелище.

– Что я, бокса не видел? – пожал плечами Илья Ильич, но послушно двинулся за Илюшкой.

При входе в здание и в обширном вестибюле коловращалась небольшая, но суетливая толпа. При виде вошедших к ним кинулось разом несколько человек, но Илюшка небрежным движением мизинца остановил их всех.

– Тотализатор, – пояснил он небрежно. – И без того сплошная ограбировка, а уж с жучками связываться – вовсе гиблое дело. Что-то не слыхал я, чтобы на этих тотализаторах кто-нибудь разбогател, кроме владельцев. Пошли...

Под завистливыми взглядами собравшихся Илюшка выудил из кошелька блестящий мнемон. На мгновение зажал меж ладонями, сказал:

– Твой.

– Поберёт бы, – посоветовал Илья Ильич. – Теперь у тебя таких монет изрядно поубавится.

– Будет тебе, – грубовато сказал сын. – Сам же не любишь мемориалы. Пошли.

– Билеты где покупать?

– При входе в зал. Билетёров там нет, мы же входим в частные владения, и значит, либо заплатим, сколько положено, либо просто не войдём.

Илюшка продемонстрировал пустым дверям зажатый кулак, и они вошли в зал, где было довольно много народу, хотя и не такая прорва, как ожидалось Илье Ильичу. Во всяком случае, места у самого ринга нашлись.

Уселись, огляделись. Ринг покуда был пуст, по трансляции тараторил диктор, перечисляющий победы и звания некоего Апеллеса, о котором Илья Ильич в прежней жизни и не слыхивал.

– Сколько билеты стоят? – поинтересовался Илья Ильич.

Теперь, когда уже заплачено, можно было и поинтересоваться. И Илюшка, поскольку уже заплачено, так же спокойно ответил:

– Пустяки, по тридцать лямишек с носа. Так что у меня ещё сдачи полный кулак остался. Греческий бокс не слишком популярен, а вот на рыцарские турниры, особенно когда из Цитадели бойцы приходят... Баярд, рыцарь без страха и упрёка, против Генриха Второго – десять мнемонных билет стоил. И ничего, раскупили.

– Был там? – коротко спросил Илья Ильич.

– Делать мне больше нечего. Туда заживевшие бездельники рвались, что при жизни пороха не нюхали. Вот они любят себе нервы щекотать, тем паче что копья у рыцарей не турнирные, а боевые. Убить тут никого невозможно, а покалечить – запросто. У проигравшего, бывает, вся призовая сумма на лечение уходит.

– А как же мне говорили, что здесь и ударить никого нельзя...

– Сейчас увидишь. – Илья кивнул в сторону ринга, где уже появился рефери в белом хитоне, а следом и бойцы. Были они полностью обнажены, мускулистые тела, смазанные маслом, лоснились. Кошели, точно такие же, как и у Ильи Ильича, висели на бычьих шеях, словно оба спортсмена только что явились в потустороннее царство. Впрочем, мир ещё не видал таких пышущих здоровьем покойников. Они были бы схожи как братья-близнецы, если бы не чёрная кожа того, что стоял в правом углу.

– Смотри, – Илюха показал на негра, – этот Свамбо, его при жизни и не знал никто, ну, только в родном племени да враги, которых он громил. А тут – приспособился и уже не первый век кулачными боями деньгу заколачивает. Пять против одного, что он Апеллесу наkostenяет, несмотря на все его титулы.

– Какие титулы, ежели ему наkostenяют?

– Олимпийский чемпион, – с удовольствием сообщил Илья-младший. – Настоящий, ещё из тех игр, что в Древней Греции проходили, в Олимпии. Имя его небось в каких-нибудь документах сохранилось, только кто те документы читает? Раз в год пара лямишек перепадёт – и всё. Такие здесь призраками становятся. И жить не живут, и помереть не могут, поскольку память о них не вполне истлела. А этот вон как лоснится. Хотя как подумаю, что он уже две с половиной тысячи лет только тем и занимается, что кулаками машет да по морде получает... тут ещё подумать надо, стоит ли так жить.

Бойцы сняли денежные кисеты, и каждый повесил его на стойке в своём углу.

«Украсть нельзя, – вспомнил Илья Ильич, – всё-таки хоть это здесь правильно поставлено. Хотя если вспомнить, что в реальной жизни кое-кто умудрялся своровать память о другом человеке, то, думается, такой тип и здесь сумеет чужое умыкнуть».

Повернувшись друг к другу, Свамбо и Апеллес проревели не то приветствие, не то вызов на битву.

– Вот теперь, – сказал Илюшка, – они могут бить друг другу по морде сколько угодно безо всяких штрафных санкций. Так сказать, по обоюдному согласию. Колхоз – дело добровольное.

Хотя вызов и прозвучал, бой всё не начинался. На помосте появилось двое секундантов, которые принялись бинтовать бойцам руки. Глазам Ильи Ильича давно вернулась былая зоркость, но всё же он затряс головой, не веря тому, что увидел: руки бинтовались жёсткими ремнями, на которых, кажется, были наклеены даже какие-то бляхи.

– Они что, без перчаток будут боксировать... вот в этом?

– А ты как думал? В Древней Греции кулачные бойцы перчаток не знали. Чтобы руки не попортить, ремнями кулаки бинтовали, а для пущего удара – свинцовые вкладки ставили.

– Это же кастет получается! – ужаснулся Илья Ильич. – Они же поубивают друг друга!

– Убить любого из здешних жителей довольно затруднительно, – философски заметил Илюшка. – А морды отполируют так, что загляденье.

«Оэ!» – зычно крикнул рефери, и бой начался. К удивлению Ильи Ильича, это не была варварская рубка. С полминуты бойцы выжидательно кружили по площадке, далеко выставив левый кулак и занеся для удара правую руку. Первые удары пришлись кулак в кулак, глухо клацнул сминаемый свинец. По всему было видно, что пара прекрасно изучила друг друга и может не тратить сил и времени на разведку, но кулачный *bon ton* требовал выполнения этикета, и этикет выполнялся.

Затем первые удары пробили глухую оборону. Лица окрасились кровью, Апеллес явно лишился пары зубов, алая струйка сбегала из угла рта, могучие надбровья Свамбо вспухли ещё больше, правую бровь рассекла глубокая ссадина.

– Это же технический нокаут! Куда рефери смотрит? – Зрелище явно не нравилось Илье Ильичу.

– Тут нет технических нокаутов. Пока стоит на ногах – должен драться.

Свамбо глухо ревел, Апеллес сражался молча. Ещё дважды он исхитрился приложить освинцованным кулаком в рассечённую бровь, но негр и не думал падать. Чудовищный удар, пропущенный греком, свалил его наземь, но Апеллес упруго вскочил и в четвёртый раз достал многострадальную бровь противника. Зал немедленно после появления первой крови завёлся и теперь бесновался, распаяясь с каждой секундой. В мире, где невозможно умереть иначе как естественной смертью, где даже пощёчину обидчику нельзя дать без немедленной сатисфакции, из людей выползали такие инстинкты, что не снились римлянам времён упадка.

– Врежь ему, врежь! – орал сосед Ильи Ильича, размахивая кулаками и брызжа слюной. – Жми!

Было совершенно непонятно, за кого он болеет, казалось, ему довольно вида свежей крови, а кто кого нокаутирует в конце концов – совершенно не важно, разве что деньги на тотализаторе поставлены.

– Бе-ей!..

Свамбо перешёл в наступление и безостановочно проводил серию ударов, не столько эффективных, сколько эффектных. Теперь и у древнегреческого атлета физиономия вспухла багровым волдырём, а кровь из расквашенного носа бесследно стекала по намазанной маслом груди. И всё же Апеллес упорно продолжал метить по рассечённой брови негра, стараясь лишить противника зрения.

Илья Ильич отвернулся. Его мутило. И это называется спорт? А на помосте – олимпийский чемпион? Хотя ещё современники Апеллеса сатиры сочиняли по поводу изрубцованных морд кулачных бойцов.

Апеллес улучил момент и с левой руки рассёк вторую бровь Свамбо. Впервые в рычании чернокожего послышалось что-то напоминающее боль. Даже далёкий от бокса Илья Ильич понимал, что теперь греку достаточно выждать время, пока противник ослабнет, а затем попросту добить его. Впрочем, дожидаться, покуда Свамбо ослабнет, можно было неограниченно долго. Руки Свамбо продолжали работать с неумолимостью паровозных шатунов, и хотя лишь один удар из десятка достигал цели, но это были удары сокрушительные, способные оглушить носорога, а не то что человека. И наконец, несмотря на всю свою ловкость, Апеллес тоже пропустил хук, заставивший его покачнуться на враз ослабевших ногах.

– Руби!.. – вопил сосед Ильи Ильича.

Положение немедленно переменилось. Теперь Свамбо добивал грека, а тот уходил от града ударов, каждый из которых оставлял вспухающий рубец. И наконец Апеллес окончательно сломался. После очередного хука он согнулся, закрыв кулаками лицо и уже не стремясь уйти от ударов. Свамбо, глухо рыча, с размеренностью машины лупил кастетом в голову, намереваясь добить почему-то ещё не упавшего олимпийца.

– Работай! – ликовав сосед.

Апеллес пошёл кругом на подкашивающихся ногах. По всему было видно, что сейчас он рухнет без малейшего толчка, но Свамбо обрушил ещё один мощный удар в темя согнувшегося атлета. В этот удар он вложил всю свою страшную силу, это был коронный, завершающий аккорд, после которого возможны только аплодисменты восхищённых зрителей. И конечно же, ради такого удара Свамбо раскрылся, тем более что противник был уже считай что мёртв. И в это мгновение кулак грека снизу ударил в незащищённое горло. Илье Ильичу почудилось,

что даже сквозь единодушный вопль толпы он слышит хруст, с которым бронированный кулак дробит хрупкую гортань.

Сосед захлебнулся собственным визгом.

Секунду Свамбо ещё стоял, и за это время Апеллес пружинисто распрямился и не дал сопернику упасть самому, чудовищным ударом в челюсть швырнув негра на пол. Затем, пошатываясь, отошел в дальний угол и принялся равнодушно ждать, когда его объявят победителем.

– Вот тебе и один к пяти! – озадаченно пробормотал Илья. – Кто-то сегодня наверняка переедет в Отработку.

– Подстроен результат, что ли? – хмуро спросил отец.

– Нет. Ты же видишь, как он его свалил. Этот удар не запрещён, но просто не принято так бить. Весь сбор от этого матча лечение вряд ли оправдает. Видать, действительно у них дело на принцип пошло.

– Поганые у них принципы, – сказал Илья Ильич. – Зачем ты меня сюда привёл?

– А для того, чтобы ты посмотрел, как здешние старожилы удар держать умеют. А ведь эти по сравнению с ассирийцами, что на стенах стоят, – щенки. А тебе вздумалось такого со стены сшибить. Хочешь, пройдем в раздевалку? Там куча спарринг-партнёров мается. С любым можно договориться, что ты ему за полста лямишек в морду дашь. И не просто кулаком, а со свинчаткой. Если с ног собьёшь, он тебе деньги в двойном размере вернёт. Вот только никто ещё на этом деле не обогатился. Тут и исходные данные, и тренировка, и искусственно завышенный болевой порог. Понял теперь, против кого выступать приходится?

– Понять-то понял. Но я вот думаю, а ежели под ремни, когда руку бинтовать начну, пяток мнемонюв положить и таким кастетом твоего спарринг-партнёра перепаять... как думаешь, на ногах он устоит? Ежели вломить ему на всю сумму...

– Ты с ума сошёл! – сказал Илюшка.

– Я всего лишь исхожу из специфики местности. Если здесь нет ничего, кроме мнемонюв, то и бить следует мнемонами.

– Икнуть не успеешь, как в Отработку улетишь.

– Или окажешься на стене.

– Да нет, если даже и собьёшь стражника, на тебя в ту же секунду вся их мощь обрушится. Понимаешь, в ту же секунду. Запаздывание у них две десятых, это уже много раз проверялось. Тут даже с ракетным ускорителем до гребня долететь не успеешь.

– А если бить будет один, а прыгать – другой?

– Даже если другой успеет вспрыгнуть, его скинут прежде, чем он успеет помочь своему товарищу. Уж с ним-то никто не станет церемониться, и запаздывания тут не будет.

Илья Ильич, не поднимаясь с места, глянул в сторону ринга, откуда служители выносили тело Свамбо. Никаких признаков жизни заметить в нём не удавалось, так что пришлось верить на слово, что негра вылечат и через год Апеллес снова встретится в чемпионате с неубиваемым соперником. Диктор по местной трансляции торжественной скороговоркой вещал, что греческий атлет обещал, став чемпионом, часть призовой суммы перечислить на лечение чернокожего варвара. «Иначе на будущий год мне не с кем будет боксировать!» – с восторгом повторил он слова Апеллеса.

«Рекламный трюк, – неприязненно подумал Илья Ильич. – Чемпионом ему ещё стать нужно, во второй полуфинальной паре тоже небось не кисейные барышни встречаются».

Потом он сказал главное:

– А другой, когда он на стене окажется, не должен своему товарищу помогать. Он должен стать в ряды защитников Цитадели и товарища вниз спихнуть. Вот и весь секрет.

Илюшка долго молчал, потом заметил:

– Ты этого утром не сказал.

– Ну не всё же сразу.

– Я так не хочу. Погано это. Это всё равно что стрелять по территории, где свои могут быть. Или то же самое, что раненого оставить унитовцам. Понимаешь, за предел это.

– Другого способа я не вижу, – сказал Илья Ильич. – Ты же не собираешься систему ломать, ты в неё вписаться хочешь. Значит, принимай её законы. Вот как на этом матче: бей и не думай, что кулак свинцом одет.

– Н-да... – протянул Илюшка, – ты, папаня, даёшь! Я хотел тебе правду жизни показать, а получилось, что ты мне показал.

– На том стоим.

* * *

Наконец пришло время пересчитать наличность. Мнемонов оказалось почти десять тысяч. Если бы не чудесная способность кошеля скрадывать вес и не раздуться от больших сумм, то его и с места сдвинуть было бы трудно. Илья Ильич припомнил даже, как в юности подрабатывал грузчиком в одном из ленинградских универмагов, и в бригаде самой тяжкой работой считалось грузить деньги. Мелочь на сдачу привозилась из банка в опечатанных бельтинговых мешочках, медь по сто рублей в мешке, серебро – по пятьсот. И весил такой мешочек ровно десять килограмм. Бухгалтерия в универмаге находилась в мансарде на третьем этаже, и грузчики проклинали всё на свете, таская на третий этаж крошечные, но веские мешочки, которые непонятно за какое место брать и как нести. А тут – красота, высыпал в волшебный кисет – и никаких забот. Хоть миллион мнемонов всыпай. В общем-то, это и правильно, а то покойные знаменитости и шагу бы не сделали под тяжестью своих богатств.

Илья Ильич знаменитостью не был, его мнемоны связаны были в основном с похоронами и оформлением наследства внучатыми племянниками. Дело такое, тут хочешь не хочешь, а по сто раз на дню вспомнишь богатого дядюшку. Илья Ильич не обманывался, понимая, что через пару недель поток мнемонов превратится в скудный ручеёк, а там и вовсе иссякнет. Кому вспоминать одинокого старика?

Но куда сбережённое от лап бригадников богатство лежало перед ним, выстроившись ровными рядами, столбики по десять штук выстраивались в полки, и всё вместе обещало долгую, исполненную радостей и развлечений жизнь. А можно потратить их разом, создав в нихиле раёк или попытавшись взять штурмом Цитадель.

Лямышки лежали отдельно, внушительной кучей. Были тут безликие монетки, полученные на сдачу, были и настоящие поминальнички, от безразличных чиновников, оформлявших документы, от сотрудников Северного кладбища, от землекопов и случайных прохожих, чей взгляд зацепился за траурную машину, от совершенно незнакомых людей, пришедших навещать лежащих в хосписе родственников и услышавших о его кончине во время обязательной беседы с немощной бабушкой. «Вот был у нас один, Ильёй звали, шепутной старичок, даже бежать пытался, а всё одно назад привезли. Вчерась помер от рака в печени...» – от самой бабульки приходится покойнику полновесный мнемон, а от вежливой слушательницы – ни к чему не обязывающая лямышка. Бабулька и сама скоро здесь объявится, а её издёрганная заботами дочь забыла о рассказанной новости в ту же минуту. И больше уже не упадёт от этих людей ни мнемонов, ни лямышек. Вообще ничего.

Явился Илья, оглядел разложенные сокровища, присвистнул:

– Круто! Неужто и у меня столько было поначалу?

– Больше было, – уверенно сказал Илья Ильич.

– Тебе повезло, тебя бригадники не чистили. А у меня считай все сливки в их лапах остались.

Илья Ильич промолчал, а сын снял свой кошель и высыпал на стол его содержимое. Было там куда как поменьше денег, нежели у самого Ильи Ильича. Десятка три мнемон и горстка мелочи.

– Оставь, – сказал Илья Ильич, – это дела не изменит.

Илья промолчал, но решительно придвинул свои деньги к общей куче, и отец не стал спорить. Он лишь отобрал один мнемон и протянул его сыну:

– На память-то возьми.

Илюшка кивнул, зажал мнемон ладонями, потом улыбнулся:

– А это и не от тебя вовсе. Есть ещё один человек, вспоминает иногда... Она меня и не дождалась, через полгода, как я в Африку загремел, замуж выскочила. А потом, как узнала про похоронку, нет чтобы радоваться – мол, объясняться не нужно – ревела целую неделю. Сейчас у неё внуков шесть штук, скоро правнуки появятся, а порой вспоминает, как мы в Приморском парке целовались. Лягушка там есть каменная...

– Знаю.

– Странный всё-таки народ – женщины, – сказал Илюшка, и Илью Ильича в миллионный раз обдало горечью, что сын ушёл, не успев оставить детей, а значит, и прочной памяти.

Сына он уламывал целую неделю, тот считал, что такой способ попасть в Цитадель для него не годится. В ход шли такие доводы, что в ином сне не привидятся. Насилу уболтал. Илюшка твёрдо обещал, если дело выгорит, пересылать отцу часть будущего жалованья, чтобы тот не оказался вовсе нищим и не ухнул прежде времени в Отработку.

– В Отработку мне рано, – усмехался Илья-старший. – Вот устрой тебя, и так жизнь колечком закручу – только держись. Друзей старых нужно повидать, подружек фронтовых...

– Ты с ними никак лет шестьдесят не видался, – поддержал беседу сын. – Узнаешь ли?

– Ничего, заново познакомлюсь. Мужчина я теперь видный...

За полмнемона (ломать не строить!) Илья Ильич вернул себе прежнюю внешность, обратившись в восьмидесятилетнего старика. Только здоровье оставил сорокалетнее. Илюшка аж побледнел, когда увидел отца в настоящем виде.

В течение двух последних дней Илья-младший совершал послеобеденный променад под стенами Цитадели, вызывающе одетый в камуфляжную форму и с акаэмом на ремне. Меднобородая охрана никак не отреагировала на подобную выходку, хотя с автоматами прекрасно была знакома ещё со времён неудачного Афганского прорыва. Зато остро отреагировал приятель Серёга, который, не набравши денег на цирк, установил в опасной близости от стен несколько гимнастических снарядов и предлагал всякому желающему за одну лямишку покрутить солнце или позаниматься на кольцах. Желающих было маловато, так что бизнес этот обещал обернуться сплошным убытком. Зато сам Сергей в порядке рекламы не слезал с перекладины, надеясь таким образом усыпить бдительность стражи. Увидав Илью в военной форме, он примчался объясняться, но внятного ответа не добился.

– Ничего у тебя не получится, – отрезал Илюшка, – а я хотя бы делом занимаюсь. Хочу проверить кое-что.

– Отцовы деньги решил на ветер пустить? – мстительно спросил Сергей.

– Покуда своими обхожусь. Автомат – это же дешёвка, не то что твой спортзал. И арендной платы за личное оружие не берут.

– Ну смотри, испортишь мне проект, я тебя на дуэль вызову.

Тем не менее по городу поползли слухи, что ветераны прошлых войн не успокоились и готовят новое нападение на Цитадель. Народу на центральном бульваре изрядно поубавилось, хотя многие, напротив, стали туда захаживать, желая посмотреть настоящую битву, а не зрелище, при котором участники вешают кошель на гвоздь и произносят ритуальную фразу о взаимном желании бить и быть битым.

Кстати, дуэль, которой угрожал обиженный Сергей, проводилась точно так же, как и любые соревнования. Без денег, но с оружием в руках. Сытые западные покойники такими вещами почти не баловались, а вот поколение россиян, которое было щедро прополото войнами конца тысячелетия и бандитскими разборками, вспомнило старинный кодекс чести. Прорва мнemoнов бездарно улетала на ветер, потраченная на лечение огнестрельных и колотых ран, полученных во время поединков чести. Илюшка, погибший ещё в советское время, о подобных вещах отзывался с усмешкой, хотя трудно сказать, как бы он поступил, если бы дело всерьёз дошло до пистолетов.

План был разработан до мелочей и, казалось, предусматривал всё, однако, когда Илья Ильич с тросточкой и Илюшка с автоматом с разных сторон вышли на центральный бульвар, случилось непредвиденное. Собственно говоря, что именно произошло, Илья Ильич ни осознать, ни тем более запомнить не сумел. Обратил внимание, что среди гуляющих, одетых большей частью по-среднеевропейски, появилась фигура в белом балахоне и со шнуром на голове, затем в глазах полыхнуло, и Илья Ильич обнаружил себя лежащим в нишиле. Болела голова и грудь, пришлось потратить немного денег, чтобы суметь подняться и добраться до дому.

Илюшка ожидал его, сидя за столом. Под глазами у него красовались чёрные круги, по которым нетрудно узнать контуженного. Был Илюшка зол и не скрывал этого.

– Сильно тебя стукнуло? – спросил он отца.

– Сильно... – Илья Ильич потёр ноющую грудь и осторожно уселся в кресло. – Расскажи, что там произошло, а то я ничего не помню.

– Ты не поверишь. – Илюшка нервно рассмеялся. – На террориста напоролись! Шехид недоделанный, свинья арабская! Кого он там терроризировать хотел, уж и не знаю. Завопил «Аллах акбар!» и подорвал себя посреди бульвара. Это ж сколько он деньжищ в этот заряд вложил? Теперь явно в Отработку загремит.

– А говорят, что тут никому физического вреда не причинить, иначе как по договорённости...

– Ты деньги-то пересчитай... там у тебя наверняка лямишек прибавилось. И на лечение хватит, и возмещение морального ущерба. Ты смотри, вот я – подрывник, мне тротиловую шашку или заряд аммонала придумать легче лёгкого, вроде как тебе разметочную вешку. Обойдётся такая штука в лямишку или две. И, ежели в нишиле её рвануть, долбанет будь здоров. А если я вздумаю в городе такими вещами баловаться, то вместо взрыва будет один пшик. Тут уже надо в этот заряд серьёзные деньги вкладывать, которые пойдут на то, чтобы всё тобой сломанное исправить можно было, людей раненых вылечить и штраф заплатить. Чем больше на это дело денег выделить, тем громче бабах получится. А этот тип, вероятно, новенький и, так же как ты, бригадников миновал, потому как осёл полный, жизни здешней не знает, а бомба рванула мощная, на несколько тысяч мнemoнов.

– Против кого он выступал-то? Он Цитадель подрывал или просто хотел народ на валу покрошить?

– Это ты у него спроси. Он, поди, и сам не знает. Ему лишь бы убить. Отморозок, одно слово...

Выяснилось, что в результате теракта у заговорщиков прибавилось больше сотни мнemoнов. И это уже после того, как было поправлено порушенное здоровье.

– Понял теперь, почему у нас террористов не ловят и в каталажку не сажают? – смеялся Илюшка. – Поди, полгорода нам сейчас завидует. И народу на валу прибавится – не продохнуть.

Так и случилось. Гуляющие валили к Цитадели толпами, разглядывали посечённые осколками деревья, обсуждали размеры компенсации, полученной счастливыми, пострадавшими при взрыве. Цифры назывались нереальные, завышенные в сотни и тысячи раз. Сергей, пользуясь ажиотажем, придвинул переносной спортзал в опасную близость к стенам, хотя желающих поболтать на кольцах сильно не прибавилось, зеваки не тот народ, который станет

платить деньги за сомнительное удовольствие заниматься спортом, но Сергей всё выжидал и план свой в жизнь не проводил. В самый разгар ажиотажного гуляния оба Ильи отправились к Цитадели вторично. Особых надежд на этот поход не возлагали, так что даже придумали особый знак, подав который можно было отменить дело в самую последнюю секунду.

Знака подавать не пришлось. Появление десантника с автоматом, о котором точно знали, что он «был там», вызвало всеобщее волнение. Илюшку немедленно окружили и принялись расспрашивать. Бросаться на стену в такой ситуации было бы совершенно невозможно. Илья Ильич понял это и, не дожидаясь условного знака, отошёл в сторонку. Его, впрочем, тоже не оставили в покое. Какой-то господинчик, невысокий и курносый, подошёл и безо всяких политесов вступил в разговор:

– Нет, вы посмотрите, что делается! Получается, что средства массовой информации создают террористам самую настоящую рекламу! Ну кто хоть когда-нибудь слышал об этом ваххабите? А стоило ему подорвать себя, как о нём заговорил весь мир, и сюда он является миллионером! Допустим, что тут он не разобрался и потерял несправедливо добытое, но ведь он и не должен был получать таких сумм!

Говорил словоохотливый господин на чистейшем русском языке, нимало не беспокоясь, понимают ли его. Впрочем, самый вид Ильи Ильича, его потрёпанный «почти новый» костюмчик точно изобличали российского гражданина советской ещё закалки.

– Я вас понимаю, – сказал Илья Ильич.

– Ах, оставьте! Что вы можете понимать? Ведь это же тенденция, понимаете?.. Тенденция! Одни трудятся, другие получают деньги. Так было там, то же самое творится и здесь! Вот я актёр, всю жизнь посвятил искусству. Не спрашивайте, как меня зовут, не спрашивайте!.. Мне это уже не нужно. Они добились своего, затёрли талант, пусть теперь радуются. Тридцать лет на театре, и ни одной главной роли! Это кошмар, пусть он останется на их совести. Но ведь этого мало! Единственная за годы служения роль в кино... и что? Моей фамилии нет в титрах! Я не склочник, нет, но тут я пошёл к режиссёру. И знаете, что он мне ответил? Что я, мол, всю массовку должен в титры вносить? Но я-то был не в массовке, нет! Я играл царя! Хорошо, пусть моя роль занимает меньше минуты экранного времени, но каждый зритель – а их были миллионы! – в эту минуту подумал: «Вот он какой, государь император Павел Первый!»

Экс-актёр приосанился, принял гордую позу, а Илья Ильич подумал, что гримёры должны были очень постараться, чтобы придать этой жалкой личности сходство с царём, который при всех своих недостатках, моральных и физических, всё же умел держаться по-царски.

– Но ведь это ещё не всё! Подумайте о другом: картина была в прокате больше полугода, шла первым экраном, и от каждого зрителя покойному государю досталась монета. Лямишка, не спорю, но ведь их были миллионы! В обычной жизни простой человек не думает о Павле Первом, а мой талант напомнил о нём! А какова благодарность?.. Встретить, поговорить, отблагодарить, в конце концов! Я не требую, чтобы император поделился полученными деньгами, хотя и это было бы нелишне, но по крайней мере спасибо сказать можно?

– Цари не привыкли говорить спасибо, – назидательно произнёс Илья Ильич. Артист, обиженный жизнью и не нашедший успокоения даже в смерти, не вызывал у него ни малейшего сочувствия.

– Это плохо! Ведь он существует только благодаря таким, как я!

– Вот вы ему это и скажите, – посоветовал Илья Ильич.

– Как я туда пройду, как? Я всю жизнь был честным человеком, я трудился, а не воровал, у меня нет миллионов. Как я туда пройду, скажите на милость?

– Трудный вопрос, – признал Илья Ильич. – Хотя вот я, например, не трудился ни единого дня, всю жизнь воровал, но, как видите, тоже здесь. И чем, скажите, мы с вами отличаемся?

Илья Ильич сделал неуклюжую попытку взять актёра под руку, как бы готовясь к долгой доверительной беседе, но тот отшатнулся, судорожно схватился за грудь, где висел неумыкаемый кошель, и поспешно отошёл.

Илья Ильич довольно усмехнулся, удивляясь самому себе. Эту шутку, позволявшую избавиться от докучливого собеседника, он не проделывал уже лет пятьдесят и даже не думал, что ещё способен на такое. Как ни верти, а новая жизнь пробуждает в душе молодые чувства. В этом вопросе гений подвёл Марка Твена.

Илюшка наконец избавился от окруживших его слушателей, и Илья Ильич, постукивая палкой, отправился следом за сыном. По дороге он думал, что если не сгинет при попытке штурма, а потом случай и благосклонная судьба позволят заново омолодиться, то надо будет отыскать Любашу, узнать, как там она...

Шум под стенами Цитадели утих лишь через две недели. К этому времени все уже знали, что именно произошло, знали имя неудачливого террориста, в долгих пересудах обмусолили историю о том, как он пытался повеситься, узнав, что всего лишь обогатил тех, кого намеревался ужаснуть. Сначала безумец твердил о карающей руке, которая и за гробом настигнет неверных, затем заскучал, хотел было покончить с собой, но по неопытности лишь намучился вдоволь и истратил те крохи, что успели капнуть ему уже после загробного теракта. Последнее испытание подорвало фанатичную уверенность, что ему ведома воля Аллаха, и загробный убийца стал обычным тихим психом, каких немало дотлевают в кварталах Отработки.

Во время этих событий то Илюшка, то Илья Ильич ходили на бульвар, приглядывались, прислушивались и ждали удобного времени. И наконец сочли: пора.

Глава шестая

Шамашкар, носитель железного меча, стоял в дозоре. Стоять в дозоре было его право и обязанность, должность и предназначение, предписанное великим Аном, матерью Арурой и Ашшуром – отцом богов и владыкой определяющей судьбы. С того самого времени, как ему перестали брить голову и локон юности затерялся среди отросших волос, Шамашкар служил ассирийскому царю. Двенадцать лет в войсках! Сначала пращником, а затем, после того как отличился под Дамаском, получил предмет всеобщей зависти – железный меч, и уже не выходил первым под удары, а шёл следом за колесницами, закрепляя победу.

В прежние времена такого не было: чтобы воин не занимался ничем другим, кроме войны. Шамашкар хорошо помнил прежние времена. Отец работал на поле, выращивал кусты, дающие шерсть, мать и вторая отцова жена пряли тонкую хлопчатую нить, что так ценится среди знатных. Тем семья и перебивалась. Порой по селениям пробегали царские гонцы, объявляя, что снова Ур или Вавилон восстали на сынов Ашшура. Тогда отец, поминая недобрым словом всех богов, собирался, брал пращу и круглый, обитый буйволовою кожей щит и уходил на войну. С одной из таких войн он не вернулся, семья напрасно ждала хозяина с добычей. Победа всегда улыбается Ассирии, жаль, не все воины возвращаются из победоносного похода.

На следующий раз не вернулся и Шамашкар. Но не потому, что достала его злая вражеская стрела, проткнуло копьё или растоптал взбесившийся конь. Беда не коснулась его, даже хабиры, убивающие из-за угла, не смогли причинить вреда. Шамашкар остался живой и собрал под Арпадом немалую добычу. Но и домой вернуться не удалось. Новый царь – Тиглатпассар, или, как его попросту звали в войсках, Тигли, зачислил удачливого пращника в царский полк, воины которого не могли быть землепашцами и не смели пасти овец. Их уделом стала только война, и даже во сне Шамашкар знал, что оружие его лежит рядом.

Поначалу Шамашкар был недоволен. Хотелось домой к привычным делам, обидно было, что слитки свинца, и шерстяные ткани, и большое бронзовое зеркало, что добыл во время грабежа, он уже отправил родным, а в результате не слышал ни восхищённых возгласов, ни

громких похвал. Однако против воли царя человек не может ничего возразить. К тому же в скором времени бывший пращник привык к новому положению. Конечно, война – трудная и опасная работа, но и там нашлось немало приятных моментов. Весело следить, как таран пробивает ворота кажущегося неприступным микдола, сладко ласкают слух стоны пленников, насаженных рёбрами на острые колья. А уж каких чудес довелось повидать на своём веку! Забиба, царица арабов, платила дань цветными овцами. Шерсть этих животных была изумительным образом окрашена в синий и пурпурный цвет, народ отовсюду сбегался поглазеть на редкостную диковину, и Шамашкар, который был среди стражи, охранявшей удивительное стадо, находил немало поводов для гордости. Хотя, если сказать по правде, овцы были как овцы, они глупо трясли хвостами, бестолково блеяли и всё время норовили шархануться куда-то в сторону. И воняло от их пурпурных боков на редкость гадостно.

Впрочем, лучше уж отгонять домой овец, чем пленников. А пленников было нужно много. Целые народы забирал под свою руку любимец Бэла Тигли. В первую очередь угонял ремесленников, людей искусных во всяком мастерстве и искусстве. Как бы ни был жарок бой, Шамашкар знал, что покорённый город нельзя грабить, прежде чем не пройдут по его улицам люди, которым рабе-кали поручил отбирать мастеров. И лишь когда выедут из разбитых ворот повозки, можно добирать всё, что осталось, жечь дома, рубить пальмы, заваливать камнями источники, чтобы благодатная земля превратилась в пустыню и никогда отсюда не звучало угрозы Ашшуру. Они переселили на новые места народы дамуну, яалила, наккабая и будая, причислив их к жителям Ассирии, установив для них справедливость и возложив все повинности, которые должны нести исконные ассирийцы.

Шамашкар шагал по дорогам Ура и Арпада, и враги растекались при виде его меча, словно вода перед носом лодки. От страха дрожали их жилы и сперма иссохла, как у евнуха. Великое царство раскинулось от солёных вод Бит-Якина до страны Бакни на востоке. Вечерами у бивачных костров солдаты обсуждали небывалые новшества, придуманные и введённые царём. Сам Тигли пришёл к власти на солдатских мечах, подняв мятеж в провинции Кальху, и теперь немало сил положил, чтобы никто из наместников не забрал достаточно власти, чтобы провести в жизнь подобные мечты. В стране больше не было рабани – наместников, управлявших большими провинциями, каждая провинция была разделена на пять или шесть областей, для управления которыми уже не требовались наместники, а лишь назначаемый чиновник – массену. Высокий титул рабани сохранился лишь за наследным принцем Салманасаром. К тому же массену назначались исключительно из числа дворцовых евнухов. У кого нет детей, тот не сможет основать династии и, значит, не опасен. Никогда ещё гарем не был в такой силе, в его тёмных комнатах решались судьбы царств. Вернее, сановники думали, что они что-то решают, на самом деле судьбы царств решал железный меч Шамашкара. Люди моря – финикийцы, иудеи, не знающие бога, крикливые арабы – все пали перед железным ассирийским мечом, и стон шёл по земле.

А потом случилась великая несправедливость, о которой Шамашкар очень не любил вспоминать.

Царский полк двигался по землям Вавилона, внушая непокорным, как следует себя вести, когда приходит хозяин. Всё было как предписано богами, враг не устоял, смелость его ушла, и он облачился во вретисце. Однако нашлись безумцы, заградившие дорогу войску. Боевые колесницы вавилонян врезались в ряды ассирийцев. На каждой колеснице стояли щитосец и лучник, обвязанный вожжами. Топот копыт, ржание, крики и густое гудение стрел...

Точно такие же колесницы были в войске непобедимого Тигли, и Шамашкар частенько слышал споры воинов: чья работа трудней и ответственной. Один должен огромным, в человеческий рост щитом, сплетённым из тростника и обитым кожей, прикрывать от ударов себя и своего товарища. Причём делать это надо так, чтобы не закрывать обзора, не мешать управлять колесницей и пускать стрелы. Второй – бьёт во врага из тяжёлого лука, одновременно управ-

ляя упряжкой коней. Конечно, кони хорошо выезжены и слушаются голоса, а на всякий случай вожжи обвязаны вокруг поясницы стрелка, так что он может, не прекращая стрельбы, движением тела направлять коней. Кто решит, чей труд достойней? И вечной обидой для стрелков и щитоносцев оказывалось то, что самая большая выдача вина и самое крупное вознаграждение полагалось не им, а мукил аппати – воинам, строящим дороги, без которых боевая колесница окажется совершенно беспомощной (Илья Ильич, который в эту минуту кинул из-под бровей оценивающий взгляд на задумавшегося стражника, согласился бы с мудрым решением царя Тигли).

И вот там, в мелкой стычке, для которой не нашлось места на глиняных таблицах, вражеское оружие достало Шамашкара. Срезень – тяжёлая стрела, у которой вместо заострённого наконечника красуется вогнутое лезвие, формой напоминающее полумесяц. В полёте такая стрела гудит наподобие шмеля, и звук этот, для земледельца знаменующий мирное начало лета, воину напоминает о смерти. Срезень с лёгкостью перерубает руку или ногу, но серповидное лезвие специально изогнуто по форме шеи. Именно в шею и ударила проклятая стрела Шамашкара. Сбоку ударила, так что не помогла даже завитая и умасленная маслом накладная борода.

Не было боли, только мир крутанулся, словно в те давние мгновения, когда отец подбрасывал маленького Шамаша и ловил его, смеясь над детским визгом. Вот так же швырнуло ударом срубленную голову Шамашкара. А потом он обнаружил себя среди бесплотной пустыни, безоружным и раздетым, и долго ощупывал шею, стараясь убедиться, что голова крепко держится там, где ей положено.

В нихиле его встретили темнокожие египтяне и попытались обратить в рабство. Угрожая копьями, они хотели заставить высыпать деньги из кошель, оказавшегося на перерубленной шее, но Шамашкар воспротивился и неожиданно сумел голыми руками разбросать вооружённых противников и уйти в «пустыню облаков» – так он называл про себя нихиль. Вскоре он встретил своих и узнал о смысле посмертных денег (великолепная вещь, что пожелаешь, то и сбудется! Не иначе отец богов Ашшур поделился с людьми крохой своего всемогущества).

Очень быстро он привык к новой жизни и, вернув себе железный меч, пошёл биться с египтянами, жителями Вавилона и Дамаска, с другими народами, порой вовсе неизвестными, которые оказались на удивление сильны. Враги не желали умирать от ударов, не иначе их боги тоже дали своим детям частицу всемогущества, отменив приговор Мамиту. Всякая победа немедленно оборачивалась поражением, походы требовали денег, которые почти никогда не возвращались после боёв, а новые деньги прибывали всё реже, родственники – да уязвит их печень тарантул! – вместо того чтобы день и ночь вспоминать об умерших, занимались ничтожными живыми делами, посадив воинов Ашшура на голодный паёк.

Так продолжалось до той поры, пока в заоблачном мире не появился окончивший земные дела мудрый царь Тигли.

С той давней поры, как отец богов Ашшур сотворил небо и землю из тела убитой им Тиамат, минуло множество царей, и многоучёная владычица Белет-цери устала записывать их имена. Цари являлись в облачный мир в блеске и славе, они пытались создавать царства, они требовали дани от покорённых народов и налогов от собственных подданных. Кое-кто по старой памяти даже платил, приближая своё исчезновение, а вместе с тем и гибель царства. Сами цари погибали редко, обращаясь в духов, бродящих среди развалин.

Тигли, во всём любивший новшества, не пошёл по этому пути. Конечно, он, как и его предшественники, собрал верных, но не двинулся в поход, а прежде всего выспросил каждого об удивительных особенностях загробного мира. Потом он заставил сражаться воинов перед своим лицом, обещая победителю награду и благоволение, но прежде награды проверял, насколько изменилось содержание их кошель. Он восстановил царский полк, и впервые под сумрачным небом прозвучали слова: «Жалованье – шестьдесят монет в день». После этого

Шамашкар, в кошеле которого было почти пусто, готов был на всё ради доброго царя Тигли. Но приказ, который им объявили перед началом первого похода Тиглатпассара в загробном царстве, поверг старого солдата в недоумение. Ему запретили нападать! Войско, состоящее из одних только меченосцев, вышло в путь, имея строжайший приказ: никого не убивать.

И без того, не имея прикрытия, они должны были стать лёгкой добычей вражеских лучников и пращников, но ведь им ещё было приказано не обнажать мечей, прикрываясь только щитами. А меч, уж коли он вытаснен, применять только для обороны, не смея ударить врага. Кто нарушит приказ, тот останется без жалованья и вина весь месяц. Разумеется, с такими приказами победы не дождёшься. Эламиты, на которых они напали, обратили ассирийское войско в бегство. Впервые обладатели железных мечей бежали с поля боя!

Зато когда рассеянное войско собралось, обнаружилось, что у каждого, на кого обрушился оставшийся безответным вражеский удар, заметно добавилось денег в кожаном кошеле. Девять десятых прибыли забрал царь, но и того, что осталось, хватило на хорошую гулянку, где, как повелось, пили за славную победу, одержанную ассирийским войском. Хотя многие так и не избавились от удивления при виде такой победы.

На добытые деньги Тиглатпассар выстроил крепость-микдол: систему башен, связанных длинной земляной стеной. Землю для строительства пришлось творить из податливого тумана. Солдаты ворчали, но в глубине души были довольны, что ходят по твёрдому, не проваливаясь на каждом шагу, словно в дельте Евфрата. Вот где мукил аппати, занимавшиеся строительством, доказали, что не зря едят хлеб.

Остатки этого вала и сейчас видны рядом с новой крепостной стеной. Там всякий день гуляют жители раскинувшегося возле Цитадели поселения. Именно от них, а не от кочевников, которых теперь с собаками не найдёшь, охраняет Шамашкар глинобитную стену крепости.

Внутри микдола были поселены простые люди, свои и чужие, без разбору. Им царь обещал защиту и покровительство в обмен на очень небольшой ежемесячный налог. Люди, уставшие от того, что созданное ими немедленно разрушается, соглашались, тем более что денег у них было больше, чем у любого воина, ведь раб, пастух или землепашец редко когда могли нанести удар грабителю и, значит, после каждого грабежа оказывались с барышом. Дивно устроено царство мёртвых, правильно рассказывали старики, что там всё наоборот!

Когда по нихилю разнеслась весть о богатом городе, немедленно нашлись желающие его завоевать. Они приходили великими и малыми отрядами, но все ушли ни с чем. Поначалу было трудно обороняться, не ударяя мечом, а лишь отбивая удары, не нанося раны, а получая их. И всё же именно такой бой приносил победу. После двух или трёх удачных ударов враг уже ничего не мог сделать и впустую размахивал оружием, неспособным достать защитников стены. Раненые воины отходили за спины товарищей, лечить раны и подсчитывать барыши, убитые возвращались на следующий день с кошельками, полными денег, а враги уползали, не получив ни единой царапины, но лишившись всего состояния.

Когда-то, разделив страну на шестьдесят областей и вручив управление евнухам-массену (арабы называли этих людей эмирами), Тиглатпассар все заботы о процветании крошечного удела переложил на их ожиревшие плечи, сам ограничившись получением налогов и рекрутов в царское войско. Точно так же и здесь мудрый правитель открывал ворота царской крепости перед всяким, кто хочет жить мирно и согласен платить за это. При этом житель Цитадели мог кланяться любым богам, говорить на любом языке, вовсе не признавать ассирийского владычества и даже не знать о существовании владыки определяющей судьбы. Почестями и рёвом труб Тиглатпассар пресытился ещё в прежней жизни.

Когда желающих поселиться в Цитадели стало слишком много, плата была повышена, а затем поднималась ещё несколько раз, так что простой обыватель уже не мог там жить. Зато рядом со стенами появилось целое поселение, обитатели которого называли себя «живущими в мире». Как и полагается, главная опасность исходила именно оттуда: по ночам бандиты, воору-

жёнными длинными ножами, ползли на стены, мечтая проникнуть в богатые дома жителей Цитадели. Глупцы, подобные ишаку, не знали, что стражники давно умеют видеть в темноте и разучились спать на посту. Шамашкар лишь посмеивался, глядя на старания воров. Пару раз он даже позволял себя порезать, а потом пил на вырученные деньги жёлтое финиковое вино.

Шамашкар мало задумывался о жизни, он просто брал от неё, что считал нужным: вино, женщин и войну. Война в мире серых облаков оказалась иной, чем в первой жизни, но ведь это ничего не значит. Побеждает не тот, кто первым ударил, а тот, кто победил. А он, любимец царя Тигли, непобедим, ибо могуч и вооружён отличным железным мечом. Ни медь, ни бронза не могут противостоять железу, и ничья сила не может противостоять мощи сынов Ашшура. Давно уже не появляются под крепкими стенами войска Мидии и Элама, и вечный противник Вавилон не присылает своих сынов. Все они умерли, и память о них стёрлась. Другие народы живут в городе, раскинувшемся у стен, и враги нападают уже не для того, чтобы разрушить Цитадель и ограбить жителей, но желая занять место истинных хозяев, чтобы самим охранять покой живущих.

Дважды это им удавалось, и тогда среди воинов, искони защищавших Цитадель, появлялись чужаки. Первый раз Цитадель была взята чуть ли не случайно. Римляне, грубый варварский народ, в ту пору возвысились ненадолго и, считая себя хозяевами мира, вздумали захватить власть в Цитадели. О том, что готовится нападение, было известно заранее, только слепой мог бы не заметить его, и воины уже предвкушали, как станут тратить деньги победённых. Нескольким воинам атакующей когорты опрометчиво позволили подняться на стену, чтобы они могли как следует потратиться в бою. Но когда на стене завязалась свалка, плебеи, собравшиеся поглазеть на кровавое зрелище, повытаскивали ножи и с криком кинулись добывать себе места наверху. Часть римлян, наученные горьким опытом недавних гладиаторских бунтов, спешно поворотила мечи против черни, так что бить их было уже нельзя. По счастью, догадливых оказалось не так много, а остальных воины Ашшура просто пошвыряли вниз, под ноги разъярённой черни. Там случился взаимный мордобой с бесцельной тратой денег. И всё же несколько кичливых римлян остались служить в гарнизоне и со временем даже перестали восприниматься чужаками.

Прошло чуть меньше двух сотен лет, и приятелей Шамашкара проредило ещё раз. Вернее, не проредило, поскольку в ту войну никто не погиб, а разбавило чужаками. Самое удивительное, что это произошло чуть ли не с ведома царственного Тигли. Мудрый владыка знал, что небрежением потомков и решением судеб его земное царство разрушилось и память о нём сгинула, что жив он только благодаря своим здешним заслугам. Потому особое внимание Тиглатпассара Третьего привлекали те жители Цитадели, память о которых не убывала спустя полсотни лет со дня их кончины, а возрастала, словно покойник поднесь пребывал среди живых. К таким людям великий царь приходил как равный, чтобы учиться мудрости. Так он оказался в доме прославленного полководца Чжугэ Ляна, чьё имя в поднебесной империи известно всякому и не забудется вовеки. Там среди неспешного разговора о делах земных и потусторонних прозвучали слова: «Нет такой крепости, которую было бы нельзя взять». И когда ассириец напомнил о своём неприступном микдоле, Чжугэ Лян ответил, поглаживая редкую седую бороду: «Эту крепость, как и любую другую, можно взять штурмом. Вопрос в том, нужно ли её брать».

Что-то в этой беседе осталось недосказанным, так что Тиглатпассар, вернувшись в свои покои, приказал усилить стражу на стенах и быть особо бдительными. Предчувствие не обмануло, через несколько дней под стенами появилась толпа вооружённых китайцев. Они громко кричали и размахивали оружием, так что даже самый сонный охранник успел бы проснуться и приготовиться к бою. И только потом желтокожие двинулись на приступ.

Заранее предвкушая прибыльное развлечение, ассирийцы раздвинулись, допустив на стену первый ряд атакующих. Дело было знакомое – несколько ударов, и китайцев, лишив-

шихся своих монет, можно будет скинуть на головы тех, кто теснится внизу. Однако именно этих нескольких ударов и не последовало. Поднявшиеся на гребень обернулись ко второму ряду атакующих и принялись не зло, но торопливо спихивать их вниз. Тогда ещё никто не знал, что весь второй ряд составляют воины, не имеющие денег. Их кошельки были обвязаны ритуальными шёлковыми шнурками в знак того, что владелец не желает тратить ни единого поминальничка. Разумеется, и вреда они не могли причинить ни малейшего, и немедленно обратились в бегство. Зато те китайцы, что отогнали своих товарищей от стен, теперь считались защитниками крепости, нападать на них стало равносильно самоубийству. Несколько рыжебородых, не сразу сообразивших это, были откинуты далеко в нихиль, где могли на досуге размышлять о превратностях переменчивой судьбы. А вышколенные китайцы и не собирались набрасываться на опростоволосившихся ассирийцев. Два войска стояли словно изготовившиеся к драке коты и не знали, что делать.

Второй раз Тиглатпассар появился в покоях китайского полководца, но на этот раз не для философской беседы, а для переговоров.

– Я понял, в чём была моя ошибка. Больше никто из чужих даже края пальца не положит на гребень стены. Их будут гнать раньше. А тех, кто уже поднялся на стену, я готов принять на службу наравне со своими воинами.

– В обороне наверняка найдутся и другие слабые места. Но я рад, царь, что ты принял верное решение. Только принять на службу следует всех, кто участвовал в штурме, – поправил Чжугэ Лян, протянув лист жёлтой рисовой бумаги, покрытый каллиграфически выведенными иероглифами – именами тех, кто сейчас стоял на стене, и тех, кто своим поражением помог им устоять.

– Мне не нужно так много солдат, – возразил царь.

– Не следует оставлять внизу тех, кто знает твою тайну. К тому же я думаю, что вскоре тебе понадобится много солдат. Твоя крепость невелика, а людей, прославленных среди потомков, становится всё больше. Мне кажется, пришла пора строить новую Цитадель, больших размеров, иначе её построят без тебя, и в мире появится два владыки.

– Хорошо, я возьму всех. Но тогда я верну в войско и тех ассирийцев, что были скинуты со стены.

Чжугэ Лян молча поклонился, соглашаясь со словами царя.

– Что ты хочешь для себя?

– Ничего. Ты царь, а я всего лишь полководец, верно служивший своему государю и не завидующий никому. Мне не нужны ни власть, ни почести; пока меня помнят в Поднебесной, у меня будет всё, что требуется человеку моих привычек. А если я буду забыт, то стоит ли длить бесцельные годы?

Они разговаривали долго и неторопливо, и всё это время два войска стояли друг напротив друга, готовые сорваться в бессмысленную резню, и только железная выучка позволила им устоять.

Шамашкар был среди тех, кто отстоял весь срок в первом ряду. Он был готов к любому повороту событий, но искренне обрадовался, услышав команду опустить оружие. Старый солдат нутром чувствует, когда предстоит весёлая стычка, а когда следует молиться всем игиги, чтобы командир приказал отступить. То, что после несостоявшейся битвы загробный мир изменился, осталось для него незамеченным. Шамашкар как и прежде отстаивал свой срок на стене, бесконечно отрабатывая на плацу приёмы боя, а в свободное время спал или развлекался с девицами. Служба была необременительна, жизнь проста и понятна. Так может неприметно пролететь не две, а двести тысяч лет.

Из города внизу доставляли небывалые чудеса и диковины, предметы роскоши и наслаждения. Шамашкар оставался холоден при виде изысков нового времени, все они напоминали ему крашенных баранов царицы Забибы. Особенно новинки последних лет: яркий, нежи-

вой свет, громкая, непривычная музыка, гремящее оружие, самобеглые колесницы, воняющие нефтяным дымом, – всё это во множестве появилось внизу. Удивляло только великое скопление народа, населившего город. Никогда людей не было так много, и никогда они не были так ничтожны.

Сегодня, как и всегда, всё спокойно. Ничтожные ходят внизу, он возвышается над ними, глядя с высоты своего величия. И всё же они знают, что за торжественной неподвижностью скрывается сила, способная сокрушить любого из них и всех сразу. Слизняки ползают у подножия стены, порой они собираются в кучи и лезут на приступ. Тогда он обнажает меч. Не бьёт, он давно отвык ударять мечом, но обнажает его, показывая свою власть. Смешно, на что они надеются? Всякому, имеющему глаза, ясно, что не могут пукалки и пыхалки новых людишек сравниться с прекрасным мечом из настоящего железа. Хотя и за нынешними нужен глаз да глаз. Побеждает тот, кто всегда готов к битве. Вот внизу ходит раб с гремячей трубкой. Раб, конечно, у мужчины должна быть борода, а если ты воин и не можешь носить настоящего мужского украшения, то бороду следует подвязывать, дабы внушать страх робким и обманывать в сражении сильного. А этот, внизу, выбрит, и волосы подрезаны коротко. Значит – раб. И всё же умышляет что-то, иначе не приходил бы со своим жалким оружием. Неподалёку фигляр, канатоходец, вертится на поперечной палке, словно цыплёнок на вертеле. Этот тоже умышляет, иначе не ставил бы своего вертела каждый день на пол-локтя ближе к стенам. Прочие – гуляют, вот только старик в тёмных одеждах смотрит пристально, с прищуром, как глядят враги, готовые кинуться на верную смерть, лишь бы не склонить шею под рабское ярмо. Но что может старик? Пусть глядит и бессильно исходит желчью.

И в этот миг старикашка, стоящий внизу, что-то бросил. Такое случалось часто, хотя и не каждый день. Зависть и кажущаяся безнаказанность порождали подобные выходки. Шамашкар твёрдо помнил приказ: до тех пор, пока выходка не угрожает крепости, – не предпринимать ничего. Они могут орать, плевать... могут мочиться на стену – провидение само накажет их за это. Они могут кидать камни и помёт в стену, это разрешается. А вот если что-то полетело в стражника, это уже наказуемо. Но необязательно. Выгоднее просто отбить летящую гадость, не трогая дурня, а потом в твоём кошельке прибавится денег. Шамашкар вскинул ладонь, чтобы отразить летящий камень, и лишь потом понял, что бросил в него сумасшедший старик.

Кошель! Точно такой же, что и у самого Шамашкара, какой боги дали всякому пришедшему к подножию крепости. Испугаться Шамашкар не успел. Он успел приготовиться к бою и вызвать подмогу, успел выдернуть меч и встретить удар не грудью, а щитом. А вот на испуг времени уже не хватило: мир качнулся и погас, не дав осознать, какая ужасная несправедливость произошла с ним вот уже второй раз за его долгую жизнь.

* * *

Деньги исполняют волю владельца. Они не умеют быть экономными и расточительными, не подсказывают, что такое хорошо и что такое плохо. Захочет владелец, и всё до последней лямишки пойдёт на создание посреди нихилия игрушечного эдемчика. Захочет – просадит на тараканьих бегах или проиграет в рулетку. Есть такие, азартные, которых не останавливает даже мысль, что проигрывают они не просто деньги, а собственную жизнь в самом прямом смысле слова. Что делать, если без этого мелкого азарта для них жизни всё равно нет.

И когда Илья Ильич не торопясь полез за пазуху, движением, никого не удивляющим, вытащил кيسет, а затем резким злым броском метнул его в торчащего на стене стражника, ничто в мироздании не возмутилось таким непригожим поступком. Это только моралисты полагают, что память сохраняется лишь для добрых дел и по самой природе своей призвана созидать. Это не так, разрушать она может ничуть не хуже, и хрестоматийный пример Герострата тому порукой. Пара лямишек ушла на то, чтобы полёт небывалого снаряда был точным

и стремительным, поскольку сам Илья Ильич, никогда не отличавшийся в метании гранаты, не мог бы кинуть кошель как следует. Всё остальное богатство бессмысленно растратилось в пустой стихии разрушения. Потом, много дней и лет спустя, Илья Ильич думал порой, что если бы не эти человечески понятные, но неразумные порывы, если бы не дурацкие религиозные представления, заставляющие тысячи людей расшвыривать самих себя, создавая безжизненные райки и эдемчики, если бы не великое множество иных необдуманных поступков, то как бы могло процвести загробное царство! Однако люди хотят разного, и единственная ценность – человеческая память – во многом тратится на то, чтобы уничтожить самое себя.

Не было ни взрыва, ни грохота, ни прочих пиротехнических эффектов. Просто стражник, встретивший щитом летящую бомбу, нелепо взмахнул руками и исчез, словно никого и никогда тут не было.

– Давай! – заорал Илья Ильич, хотя уже видел, что Илюшка и без того бежит к стене, готовясь вспрыгнуть на гребень. Тренированному десантнику подобный прыжок не в диковинку, если, конечно, стену не охраняет тысячелетняя стража.

Сам Илья Ильич тоже бежал, изо всех сил понукая старческие ноги. Он понимал, что на стену ему не вскарабкаться, но до последнего изображал нападение на Цитадель, чтобы ответный удар пришёлся на него, а не на Илюшку.

Илья уже взлетел на невысокую глинобитную стену и стоял там напряжённый, готовый к бою.

– Бей! – крикнул Илья Ильич.

С неожиданной ясностью он понял, что Илюшка не сможет ударить его и, значит, через секунду будет сброшен с верхушки, так и не сумев закрепить за собой место среди защитников Цитадели.

– Меня подожди! – Сергей, красиво державший на гимнастических кольцах крест, уже всё понял. Он успел соскочить и помчаться вперёд, чтобы встать рядом с товарищем. Не заметив, он сшиб Илью Ильича и уже в прыжке увидел бешеные Илюхины глаза и занесённый для удара приклад.

Илья Ильич, упавший на четвереньки, увидел, как Серёга, не успев зацепиться за край стены, изогнулся и исчез точно так же, как секунду назад рыжебородый охранник. А затем по всему периметру крепостной стены возникли фигуры охранников, и Илью Ильича ударило едва ли не сильнее, чем во время взрыва самодельной арабской бомбы.

* * *

Когда за месяц третий раз кряду приходишь в себя посреди хлябей Лимбо, к этому можно привыкнуть и уже не задаваться вопросом, куда тебя занесло. Хотя на этот раз пробуждение было на редкость мучительным. Болело всё, так что казалось, будто боль не вмещается в слишком маленьком теле и разливается окрест, заставляя болеть разреженный воздух. Даже nihilу под ногами было больно, и эта боль отчётливо ощущалась. Как всегда при слишком сильной боли (такое не забудешь, когда ждёшь укола, а смерть, затаившаяся в печени, грызёт неторопливо и расчётливо), остаётся место для неестественно спокойных мыслей на отвлечённую тему. Казалось, надо бы думать, успел ли Илюшка зафиксироваться на стене, или вакантное место занял так некстати прыгнувший Серёга, а Илье Ильичу вспомнилось, как Илюшка рассказывал о своём соседе – физике. Тот сейчас был бы доволен, ощутив боль, существующую отдельно от тела. Ничего не скажешь, забавная вещь nihil, и прав был мудрый Аристотель в своих представлениях о бескачественной первоматерии, в которой потенциально скрыто любое качество.

Трудно завозившись, Илья Ильич негнушались пальцами распустил шнурок кошель и вывернул его над подставленной ладонью.

Пусто. Ни единой лямишки. Вообще ничего. Странно, что он ещё жив, не задохнулся среди бескачественного нихиля, который бесплатно позволяет только боль. Хотя на сегодняшний день за воздух у него заплачено, да и завтра он тоже ещё не умрёт. Со дня смерти прошло слишком мало времени, множество живых людей помнят его, и значит, даже при самом плохом раскладе он не исчезнет, а обратится в призрак, подобно тем квазиисторическим личностям, что обитают где-то на задворках Цитадели. У города – Отработка, а у Цитадели – квартал призраков. Жаль, что они с Илюшкой не удосужились сходить туда, сейчас по крайней мере знал бы, чего ожидать. Говорят, у них собственная память выпадает, бормочут бедняги то немногое, что сохранилось о них среди памятливых живых людей. Этакие склеротики загробного царства. Не хотелось бы попасть туда, лучше уж сразу...

Денег не осталось ни лямишки, но одежда цела, зубы, которых в реальном восьмидесятилетии почти не оставалось, сейчас при себе, да и возможности полиглота, видимо, сохранились. Цитадель была аккуратно, стараясь наказать как следует, но не повредить того, за что плачено живыми деньгами. Ничего не скажешь – профессиональная работа: получил по полной программе, и ни единой лямишки штрафа. Всё при себе, вот только компас, поставленный на Илюшку, молчит, словно и не было никогда ни компаса, ни Илюшки. Неужто всё-таки сын сейчас в Цитадели?

Невнятное рычание заставило Илью Ильича обернуться. К нему, размешивая ногами бесплотный нихиль, мчался рыжебородый стражник. Лицо его было страшно, на губах выступила пена.

– Шакал! – хрипел он. – Пададь! Я растопчу тебя в кашу, порву голыми руками!

Пугаться Илье Ильичу было уже нечего, поэтому он обезоруживающе улыбнулся и хотел что-то сказать. Потом он сам не мог вспомнить, что именно, потому что тяжёлый кулак рыжебородого с размаху впечатался в подбородок. Свамбо или Аpellес и не заметили бы такого тычка, но Илья Ильич немедля кувырнулся в нихиль. Недавно вставленные зубы ляскнули, рот наполнился кровью. Боль, только начавшая утихать, полыхнула с новой силой.

Стражник наклонился, сгрёб Илью Ильича за грудки, рывком поставил на ноги и, прежде чем тот успел вскинуть руки, чтобы защитить лицо, вмазал каменным кулаком в глаз. Илья Ильич не упал только потому, что противник продолжал держать его за лацканы. Следующий удар пришёлся в солнечное сплетение, и тут же двумя сцепленными руками по шее. Илья Ильич, которого больше не удерживала лапа разъярённого воина, мешком рухнул в нихиль. Он уже не пытался защищаться, сознание мутилось, тело не слушалось, и оставалось покорно дожидаться, когда бушующая тварь соблаговолит добить его.

Словно в замедленном кино видел Илья Ильич, как убийца заносит ногу для удара. Последствия представлялись мрачно и отчётливо: сломанные рёбра, отбитая печень... В долгой жизни Ильи Ильича бывало всякое, но подобное только в кино видеть доводилось, да и то в старых лентах такого не показывали. И словно в кино у спятившего режиссёра, который вдруг спутал боевик с фантастическим триллером, фигура рыжебородого заколебалась в сером воздухе, теряя очертания, взметнулось облачко серебристой пыли, а потом на Илью Ильича упала пустая, пахнущая чужим потом одежда. Закон, о существовании которого забыл и Илья Ильич, и его противник, свершился с механической неотвратимостью. С каждым ударом в кошеле рыжебородого убывало денег, и едва он отвёл душу на всю сумму, нихиль забрал его себе. Уж этому человеку, о котором в памяти людей не осталось ничего, не грозила судьба призрака. Нихиль и есть нихиль. Ничем он был, в ничто и обратился.

Илья Ильич сплюнул кровь, проверяя, целы ли зубы, хотя и странно заботиться о таких вещах, когда самому осталось существовать в плотском облике от силы один день. Зубы шатались, но, кажется, были целы.

С брезгливым интересом Илья Ильич шелохнул опустевшие вещи рыжебородого. Кафтан из грубого льна, а медные бляхи, отсутствие которых так удивило Илью Ильича, оказывается,

вшиты с исподу. Внутри кафтана, рукава в рукава, вложено что-то вроде рубашки. Надо же, хлопчатобумажная... Любопытно, был ли у ассирийцев хлопок, или это дань новому времени? Хотя кафтан тоже подбит ватой, так что, видимо, своё, по моде тех лет. Вместо штанов – опоясание, длинная лента материи с бахромой по краю. Илюшка рассказывал, что во время штурма крепостей воины, оказавшиеся на гребне, скидывали опоясания и с их помощью втаскивали на стену ждущих товарищей. А дальше, видимо, воевали с голой задницей, потому что обернуть эту штуку вокруг чресл – задача не из простых. Вся одежда грязная, засалена до крайней степени. Хорошо хоть вшей здесь не бывает, а если и бывают, то за особую плату. Сапоги с подмёткой, вывернутой на носок, чтобы не так сильно снашивались на каменистых дорогах. Таким сапогом припать – мало не покажется. Изношены чуть не до дыр. И этому человеку завидует всё царство мёртвых?! Хотя, скорее всего, он просто не знал, что можно жить комфортней. Он получал от жизни всё, что пожелает, и не виноват, что скудная фантазия не умела пожелать чистой одежды... Меч, дурно выкованный из дурного железа. Странно, вроде бы – Древний мир, у них там бронзовый век должен быть. Во всяком случае, в школе так учили. В Египте метеоритное железо было дороже серебра. Опять дань новым веяниям или обычное незнание истории, отличающее чуть не всякого русского человека?

Илья Ильич поднял грубо сделанный медный браслет, сунул в карман – на память. Странно – на память о человеке, который только что бесследно рассыпался именно потому, что памяти о нём у людей не осталось. Браслет был тяжёл и ещё хранил тепло чужой руки.

Потом внимание привлёк кожаный мешочек – кисет для денег, в точности такой же, как у самого Ильи Ильича. Выходит, за тысячи лет внешний вид кошелька ничуть не изменился. Быть может, в таких вот ксивниках наши неандертальские пращуры хранили своё немудрящее достояние – скребок, проколку, пару кремешков для высекания огня. И с тех самых пор, едва у людей появилось представление о самих себе и память об умерших, умершие стали воскресать среди нихила с кожаными мешочками на шее. Интересно, какого вида были в ту пору поминальнички – мнемоны и лямишки каменного века? Особо причудливые каури, не иначе, говорят, эти ракушки по всей ойкумене в качестве денег ходили, и на заполярном Урале археологи находят в могильниках тропическую ракушку.

В мешочек Илья Ильич заглянуть не успел, от первого же прикосновения истлевшая кожа расползлась, и чужой кошелек рассыпался, канув в ничиль. Что ж, это правильно, такая вещь владельца переживать не должна.

Потеряв интерес к трофейному бараклу, Илья Ильич хотел было встать и тихонечко, пешком по конному, как полагается вконец обнищавшему жителю Отработки, направиться к дому. Как ни верти, но Илюшкина комнатка теперь его, а за комнату заплачено сполна, так что она переживёт своего владельца. Однако приступ дурноты опрокинул его обратно в ничиль. Чёрт бы подрал проклятого ассирийца! Последний удар двумя руками по затылку явно вызвал сотрясение мозга, так что идти куда бы то ни было оказалось совершенно невозможно. Придётся куковать тут, без капли воды, так что даже рот, полный крови и желчи, не прополоскать. Илья Ильич скорчился в позе младенца в утробе и приготовился к долгому и мучительному ожиданию.

– Иду, сударь, иду! – послышался голос.

Илья Ильич разлепил один глаз, тот, по которому не приложился кулак стражника, и увидел сыщика Афоню. В свою очередь тот, увидав бедственное положение Ильи Ильича, всплеснул руками и воскликнул:

– А я гадаю, чего у меня компас так странно сработал!

Глянул в избитое, вновь постаревшее лицо, сокрушённо покачал головой.

– Говорил я, земля, рано тебе в город. Ну что, на кого ты там пошёл как не надо?

– На Цитадель, – признался Илья Ильич.

– Ой-я! – Сыщик страдальчески схватился за щёку, словно у него занули зубы. – Хуже ничего придумать не мог! И деньги небось все профукал.

– До последней лямишки. Только что проверял.

– И что теперь?

Илья Ильич не ответил, ему вновь стало дурно. Тягучая желчная рвота обжигала горло.

– Ну чего с тобой делать, земля, – посочувствовал Афанасий. – Давай, пошли. Буду тебе по две лямишки на день выдавать. Одну на воздух, а другую – чтобы уйгур во дворе спать разрешил и водички дал. – Афанасий поморщился страдальчески и добавил: – Ты не думай, я тебя не за красивые глаза ссужаю, а потому что ты ещё свежак, тебе ещё деньги приходиться будут. Как появятся – отдашь, я таких, как ты, знаю, ты отдашь. Вставай, тут недалеко, своими ногами дойдём.

Илья Ильич попытался встать и не смог. Голова болела нестерпимо, ноги подкашивались.

– Ить, как тебя корёжит, – заметил Афанасий. – В другой раз прежде думать будешь, а не лезть нахрапом, куда не просили. Что мне теперь, на закорках тебя переть? У меня денег тоже не полный амбар, после тебя удачу как отрезало, ни одного человечка не отыскал.

Наставительный голос мучил больную голову несказанно, Илья Ильич не выдержал и застонал сквозь сжатые зубы.

– Ладно, где моя не пропадала, – сжалился резонёрствующий сыщик, – довезу тебя.

Афоня наклонился поднять тряпки, которые, видимо, принимал за вещи Ильи Ильича. Из кучи тряпья вывалилась завитая, выкрашенная хной накладная борода.

– Ишь ты, поди ж ты, что ж ты говоришь! – восхитился Афоня. – Это ты стражником наряжался, что ли? Думал, не признают, да? Не, тебя ещё учить и учить. Меня слушать надо было, если жизни не понимаешь! Ты ещё свой маскарад придумать не успел, а они там на стене уже всё знали и посмеивались. Усёк теперь, голова еловая?

– Это не моё, – выдавил Илья Ильич. – Это настоящий стражник был. Я его со стены скинул, а он меня избил. Лупил, пока сам не рассыпался.

Афоня замер с раскрытым ртом, затем гулко сглотнул и переспросил:

– Настоящий стражник? Из Цитадели?

Илья Ильич кивнул, с трудом сдержав вскрик от полыхнувшей в затылке боли.

– И это он тебя тут изволтузил?

– Он.

– Ты не врешь? – свистящим шёпотом спросил Афоня. – Так у тебя же денег должен быть полный кисет! За этакую кулачную расправу! Если бы у него денег не было, он тебя и пальцем коснуться не сумел, махал бы кулаками что мельница – и всё впустую.

Только теперь эта очевидная для загробного мира истина вошла в больную голову Ильи Ильича. Непослушными пальцами он распустил завязку, и на подставленную ладонь потекла струйка лямишек.

– Ого! – возопил Афоня. – Да ты богач! Ты глянь, сколько их у тебя!

– Только что ни единой не было, – смущённо пробормотал уличённый Илья Ильич.

– Так небось до драки смотрел?

– Какая там драка... Бил он меня и сдачи не просил.

– Так, – переходя на деловой тон, сказал Афанасий. – Давай-ка я тебя подлечу...

– Сам... – не согласился смурной Илья Ильич.

– Опять наделаешь как не надо, – поморщился Афанасий, но настаивать не стал, лишь посоветовал: – Голову поправь, а синяки да шишки сами пройдут, нечего на это деньги швырять. Экономить приучайся. Экономия, она, брат, должна быть экономной.

– Экономика, – машинально поправил Илья Ильич.

– Тебе виднее, ты у нас профессор. А экономить всё равно приучайся, тех денег, что прежде, у тебя уже не будет. Небось дома и сороковины прошли, так что особо вспоминать тебя больше не станут.

Голову отпустило разом, словно и не болела она никогда, лишь рвотный вкус во рту никуда не делся, напоминая о недавних страданиях. Илья Ильич осторожно поднялся, не доверяя обрётённому здоровью.

– Рёбра-то целы? – заботливо спросил Афанасий.

– Вроде целы.

– Ну, тогда пошли.

Таверна уйгура ничуть не изменилась, что показалось даже странным, ведь с самим Ильёй Ильичом за эти же дни случилось столько всего, что на несколько лет могло хватить. Уйгур встретил их поклонами, взгляд его на мгновение задержался на вспухшей физиономии гостя, но и теперь восточный человек дипломатично промолчал, никак не высказав своего удивления. Зато Афоня дал волю чувствам.

– Ты гляди, – закричал он, дёргая уйгура за рукав, – видишь, кто пришёл? А ты говорил – не вернётся! Нет, старая дружба не ржавеет!

Илья Ильич усмехнулся потаённо и ничего не сказал.

Вновь, словно в первый день, выставленный на улицу столик был накрыт крахмальной скатертью, объявились кушанья, о доброй половине которых Илья Ильич и не слыхивал. И когда Афоня извлёк из воздуха четверть «Смирновской», в том не было уже ничего удивительного, а только дань традиции.

– Со здоровьичком! – произнёс тост благодуществующий Афанасий.

За это Илья Ильич выпил с готовностью.

Закусили лосиной губой, тушённой в сметане. Квакер, видимо окончательно перешедший на должность полового, принёс с кухни блины с припёком и мёд. Афоня, щуря сытые глазки, наклонился к Илье Ильичу и шёпотом спросил:

– Слушай, как тебя всё-таки угораздило стражника прикончить? Они же бессмертные.

– Сам помер, – коротко ответил Илья Ильич. – Бил меня, пока деньги не кончились, а там и рассыпался.

– Так ты его действительно со стены сбил или просто в Городе встретил и до того довёл, что он на тебя с кулаками кинулся?

– Со стены.

– Чудеса на постном масле! Сам бы не видел, не поверил бы ни в жисть. А как ты его?..

– Старался... – Илья Ильич пожал плечами.

Афоня понял, что подробностей не дождёт, и вновь перешёл на менторский тон.

– А всё равно, как ни верти, получается, что ты в прогаре. Денег нет, омоложаться заново нужно будет, а что стражника ты порешил, так на его месте уже кто-то другой стоит.

– Не кто-то, а мой сын.

– А!.. Тогда понятно. Значит, как ты этого дурачка сделал – тоже не скажешь. А вот у меня детей нету, даже случайных. Я проверял, тут это нетрудно узнать, осталась в живом мире твоя кровь или ты весь сюда убыл.

– Я тоже весь, – сказал Илья Ильич. – Сын у меня молодым погиб, не успел пожить.

Афоня кивнул и наполнил стаканчики. Выпили ещё по одной. Говорить было не о чем, и Илья Ильич, удивляясь самому себе, запел на мотив старой песни «Полюшко-поле» текст, слышанный от студентов-стройотрядовцев на прокладке трассы:

Глокая куздра штеко будланула бокра,
И теперь она куздрючит тукастенького бокрénка!

Очень хорошо слова эти ложились на ситуацию, объясняли всё и всё оправдывали. Зачем зря трепать языком, когда можно спеть, и всё станет понятно? В прежней жизни он бы ни за что не позволил себе такого, но сейчас... какие могут быть комплексы? Единственное неотъемлемое право усопшего – быть собой. Поётся, значит пой, и пусть кто-нибудь попытается осудить тебя за несоответствие месту, времени или ситуации.

Афанасий некоторое время слушал молча, потом, ничего не спрашивая, начал подпевать, и вскоре они пели на два голоса:

Ой ты, куздра, зачем ты будланула бокра?
Ведь у бокра был бокрёнок, очень тукастенький бокрёнок!

Глава седьмая

Компас замолк. Много лет кряду она ежедневно слушала его тонкие гудки, возвещавшие, что с сыном всё в порядке, насколько может быть порядок с человеком, давно ушедшим из жизни. И вдруг – тишина. Полная. Могильная тишина.

Сначала она подумала на самое простое: сын поставил блок, не хочет, чтобы она знала хоть что-то о его житье. И объяснение этому было подходящее: долгожитель-муж встретился с Илюшкой и восстановил его против матери. То есть особо восстанавливать там было нечего, ригорист Илья не простил матери её работы, но мужёнок напомнил, чем ещё можно досадить бывшей супруге. Потом в голову пришло простое соображение, что муж ничего о её нынешней жизни не знает, во всяком случае не знал до недавнего времени, что полжизни назад он похоронил её всерьёз и навсегда, не надеясь на встречу, и потому никакой злости и обиды накопить за эти годы не мог. Это у неё злость на саму себя и обида за несложившуюся жизнь переродились в недоброжелательство к мужу, оставшемуся жить, поступившему умнее, чем она.

Тогда пришёл страх. Если Илюшка не поставил блока, не заслонила от матери стеной молчания, то куда он делся? Вдруг он в один день растратил все свои деньги и вновь погиб, прежде чем мать успела помочь ему? А ведь такое запросто может случиться, мальчик привык жить, ни в чём себе не отказывая, а теперь, когда отец тоже здесь и не вспоминает его каждый день, Илюшка мог и не рассчитать, разом пустив деньги на ветер.

Людмила успокаивала себя, что даже в этом случае сын не исчезнет бесследно, а обратится в призрак, ведь документы в военных архивах хранятся, «Книга памяти» издана, но от подобных успокоений становилось ещё хуже.

А в сожителе, как назло, словно что-то человеческое проснулось. Он сидел на топчане, время от времени вопросительно поглядывал на Людмилу, но, не дождавшись слов, начинал тянуть заунывную, выматывающую душу песню. Песни, которые пел зомбак, были без слов: одна весёлая и одна унылая. Сегодня весёлой не было слышно, зомбак с небольшими завываниями тянул одну и ту же ноту, от которой у Вселенной начинали болеть зубы. Прежде Людмила не злилась на эти песнопения, лишь удивлялась порой, неужто из подобных завываний родились знаменитые тирольские йодли? Места вроде те самые, зомбак в живом мире, где сыскалось его вмерзшее в лёд тело, носит гордое звание тирольского человека. И учёные спорят, был ли он предком современных людей, или же приходится им двоюродным пращуром. А чего спорить? Ясно же, что не был он ничьим предком, помер бездетным, замёрз на Альпийском перевале. Те, у кого дети есть, так своей жизнью не кидаются.

В конце концов Людмила не выдержала, споро собралась и вышла, заперев дверь снаружи на шеколду, чтобы зомбак в приступе неожиданной активности не умотал куда-нибудь в никуда. Хотя, скорей всего, он так и будет сидеть на топчане и подвывать отвратительным фальцетом. Вот только глядеть с немим вопросом ему будет не на кого.

Где живёт Илюшка, она знала отлично, хотя уже лет пятнадцать не появлялась в его квартире. Сын не гнал, но и не привечал родную мать, так что немногие встречи происходили где-нибудь на нейтральной территории.

Квартира оказалась не заперта. Собственно говоря, потратив определённую сумму денег, можно открыть любой замок, но именно поэтому соваться без спроса в чужие дома было не принято. Себе дорожке обойдётся. Но сейчас дверь не прикрывалась ни единой лямией, так что Людмила смогла беспрепятственно зайти и оглядеться. Сразу стало ясно, что покойный муж побывал здесь совсем недавно: нигде не видать ни единого окурка, и даже в воздухе не чувствуется табачного запаха, Илья-старший терпеть ненавидел курево.

И что теперь? Пойти опрашивать соседей? Так ведь наверняка никто ничего не слышал, не знает, не видал... Сидеть и ждать, рискуя, что зомбак упрётся куда не следует, а она лёгкой пташкой вылетит с работы, которая теперь необходима как никогда? Илью ещё будут поминать, а она – кому нужна?

Ничего не высидев, Людмила прошла на лестничную площадку и позвонила в соседнюю дверь.

Вообще дома в городе представляли странное явление. Снаружи это были самые обычные дома, какие высятся в фешенебельном центре любого крупного города. Но внутри обнаруживалось невероятное смешение стилей, ибо свою квартиру всякий планировал исходя из собственных вкусов и предпочтений, а в дом квартиры вписывалась лишь оттого, что людям свойственно жаться друг к другу, и если очень немногие способны купить собственный особняк на окраине или в центре, то и жилище, дрейфующее среди нихилия, способно удовлетворить лишь крайне нелюдимого мизантропа. Но уж зато разнообразие квартир превышало всякое воображение. Конечно, большинство людей воссоздавали то жилище, к которому привыкли в прежней жизни, разве что слегка улучшали свой быт. Так было дешевле и привычнее. Но кое-кто устраивал истинную фантасмагорию, благо что тонкие с виду стены обеспечивали абсолютную изоляцию от соседей.

Едва палец коснулся кнопки звонка, как дверь распахнулась (лямяшка долой, а не суйся без дела в чужой дом!), в глаза полыхнул слепящий синий свет и мрачный голос пророкотал:

– Добро пожаловать в истинный рай!

Тьфу ты пропасть! Сновидец... надо же так неудачно напороться. Последние десятилетия их становилось всё больше и больше. И прежде человек, недовольный своим положением, мог залечь в постель, заказавши за небольшую плату приятный сон. Однако случалось, что из подсознания выползали такие монстры, что приятное сновидение оказывалось пострашнее любого кошмара. К тому же рано или поздно приходилось просыпаться. Но теперь можно купить компьютер со специальными программами, которые сновидение корректировали, и миллионы человек ушли из одного ненастоящего мира в другой, ещё более искусственный. «Тень тени» – вспоминали Платона люди грамотные. Сновидцы не посещали зрелищных мероприятий, поскольку в своём придуманном мире могли испытывать любые приключения, они не ходили в кафе и рестораны и вообще ни единой лямии не тратили на «настоящую» еду, ведь мёртвый умереть от голода не может, а пиршества виртуального мира вполне утоляли привычный голод. Владельцы традиционных развлекательных учреждений скрежетали зубами и толковали о падении нравов и грядущей гибели культуры. Зато всякий, кто мог претендовать на звание программиста, с лёгкостью находил себе занятие. Математики и физики прежних поколений изо всех сил пытались переквалифицироваться, и многим это удавалось, так что к тому времени, когда создатели компьютерных программ начнут умирать от старости, все приличные места в компьютерном бизнесе будут уже заняты. Поневоле задумаешься – стоит ли жить долго?

Людмила уже собиралась отступить и захлопнуть гостеприимно распахнутую дверь, как вдруг почувствовала, что финансовые её потери одной лямишкой не ограничиваются. Проклятье! Если хозяин светящейся берлоги вздумал брать большие деньги за вход в свой дом, он обязан заранее предупредить об этом посетителей!

Людмила, как и всякий старожил, прошедший в городе достаточно много времени, прекрасно знала, что может и чего не может делать один человек в отношении другого. Лямишку за звонок он вполне может слупить, но не десять же мнemoнов! А ведь именно на столько полегчал сейчас Людмили́н кошелёк.

Людмила задумалась. Можно, конечно, развернуться и уйти, вознегодовав на несправедливость, но не сказав никому ни слова. Тогда деньги вернутся, почти все. Десяток лямишек пропадёт, это стандартные вычеты при любом автоматическом перечислении денег, но всё-таки десять лямишек, а не десять мнemoнов. Но с другой стороны... Людмила вдруг усмехнулась коротко и жёстко. С другой стороны, перед ней открылась редкая возможность крепко насолить дуралею, вздумавшему без спросу лазать в чужой кошелёк. Хозяин, не предупредивший о платном входе, оказывается в полной зависимости от уплатившего гостя. Они сейчас словно два боксёра, только один произнёс традиционную формулу честного поединка, а второй зажимает в кулаке те десять мнemoнов, что были отняты у него бесчестным образом. Что ж, любезный, сейчас ты получишь удовольствий на всю сумму!

Усмехнувшись ещё раз, Людмила вошла в голубое пламя.

Перед ней вспыхнула надпись: «Выберите оружие».

Игровичок! Людмила умерла в ту пору, когда об этой заразе и слухом не слыхали, а теперь модное веяние проникло и в загробный мир. Презрительно оттопырив губу, Людмила бегло проглядела предложенный арсенал. Всё понятно, ей предлагается взять на себя роль хищного монстра и на все десять мнemoнов натворить безобразий в придуманной сказочной стране, после чего её начнут долго и старательно убивать. Разумеется, тоже понарошку. Не дождёшься, милый. Деньги ты у меня спёр настоящие и по башке получишь на самом деле.

Подойдя к стенду с пометкой «Создать самому», Людмила в полминуты истратила практически весь свой резерв. Прежде ей не приходилось сталкиваться с подобными развлечениями, но она с полувзгляда определила нехитрую логику создателей игрушки. Чем более могучее оружие выбирал игрок, тем меньше ему предоставлялось возможности пустить его в ход. А с оружием ценой в полмнemoна с тебя сойдёт семь потов, прежде чем причинишь недругу ущерб на оставшиеся девять с половиной монет.

Прежде чем войти в следующую дверь, Людмила критически оглядела свой наряд. Она уже давно не носила модных вещей и, даже отправившись на поиски сына, не сменила рабочую одежду. меховая кацавейка и юбка из грубой некрашеной шерсти – думается, там, куда она попадёт, подобный наряд никого не удивит. Бедная пейзажка – именно то, что надо.

За второй голубой пеленой сиял яркий солнечный день. Под ногами травка, ровная, травинка к травинке, направо – лес, скомбинированный из набора повторяющихся деревьев. Пара неопределимых птиц вперебивку пускают мелодичные трели. Покуда всё это создано компьютером, который жужжит где-то неподалёку от постели владельца квартиры. А вот как начнётся нечто нестандартное, значит он сам вмешался в цифровую идиллию. Тут уже нужно держать ухо востро.

Налево – поле и красивая деревенька за ним. Видимо, с уничтожения всей этой красоты ей и предлагают начать. И сколько же стоит пожечь деревню и разогнать жителей?.. Две лямишки... Выбери она какой-нибудь огнепал за пять мнemoнов, она могла бы разнести полстраны. Но и так несколько лямишек у неё в запасе ещё есть. Прощай, деревенька!

Огнепала у Людмилы не было, поэтому она воспользовалась зажигалкой, с помощью которой ежеутренне растапливала очаг в доме зомбака. Сначала подожгла скирды, расставленные на лугу, а потом, когда пейзажане в одинаковых куртках, штанах и деревянных башма-

ках сбежались тушить сено, перешла к деревне, благополучно подпалив её с трёх концов. Уж теперь-то владелец игрушечной страны узнает о её приходе и примчится на зов.

Безропотные пейзажи суетились среди огня, что-то вытаскивая, что-то пытаясь тушить, но пожар, оплаченный двумя ля-мишками, разрастался. Людмиле даже стало жалко несчастных игрушечных человечков, чем-то напоминавших муравьев, суеющихся в разворошённом муравейнике. Тем не менее она, не оглядываясь, отошла по дороге километра на полтора и присела возле развилки на большой плоский камень, вероятно и положенный здесь для этой цели. Долго ждать не пришлось, раздался цокот копыт, и из-за поворота появился всадник. Никаких особых доспехов на нём не было, просто белая рубаша с отложным воротником и непрямые кожаные штаны. Шпага в потёртых ножнах была единственным его оружием. О внешности хозяина можно было сказать ещё меньше: волнистые волосы, серые глаза, волевой, гладко выбритый подбородок.

– Красавец, – определила недруга Людмила, – Жан Маре недоделанный.

Сразу было видно, что владелец страны проводит время в пирах и битвах, всякую ночь спит с новой свежеспасённой красавицей и думать не желает о том, чтобы сменить свой индивидуальный рай на нормальное посмертие. Судя по неистребимой инфантильности, это мужик лет этак пятидесяти пяти, инженериска или чиновник, не наигравшийся в детстве в казаки-разбойники и хотя бы теперь навёрстывающий упущенное. Вот национальность его определить трудно... не азиат, во всяком случае, а каким-нибудь афроамериканцем он может оказаться запросто.

– Милорд! – возвала со своего камушка Людмила. – На вас наша последняя надежда! Чудовище разорило нашу деревню, дома сожжены, люди убиты...

Всадник приостановил коня.

– Чудовище? – переспросил он, озарив лицо белозубой улыбкой.

– Да, чёрный дракон, ужасный и неуязвимый. – Людмила отвечала фразами со стенда выбора оружия, нимало не сомневаясь, что именно так и должны говорить жители компьютерного сна.

Перевоплощение в чёрного дракона, «ужасного и неуязвимого», было самой дорогой услугой, предлагаемой персонажу. Конечно, витязю придётся изрядно попотеть, прежде чем он угробит чудовище, но зато и дракон сможет причинить вреда стране лишь на несколько лямишек. Это был самый приятный вариант для жаждущего развлечений сновидца.

– Хорошо... – протянул герой. Судя по всему, он спешно пытался составить афоризм, который прославит его имя до окончания программы.

– Милорд! – Людмила протянула изготовленную пять минут назад фляжку. – Вот единственное, что у меня осталось! Это вино из подвалов родительского замка. Оно подкрепит вас перед битвой!

Очевидно, дуралей привык получать от случайных встречных всевозможные подарки и приспособления, необходимые для грядущих подвигов, потому что он, ни секунды не колеблясь, принял флягу, небрежным движением вышиб пробку и сделал большой глоток. Лицо его исказилось, герой судорожно принялся плевать прямо на холку белоснежного коня.

– Ведьма! – прохрипел он. – Отравила!

– А ты чего хотел? – спросила мстительная ведьма. – Чтобы я тебя развлекала за свои же деньги?

– Тварь! – Всадник потянул из ножен шпагу. – Убью!

– Тихо! – Людмила вздёрнула руку с зажатым кошелём. – Я тут в подлинном виде, игровой ресурс у меня полностью вышел, а никаких обязательств честной борьбы я не давала. Ударись – до самой отработки не рассчитаешься.

Всадник с проклятием бросил шпагу. Его начало рвать.

– Сволочь ты, – простонал он в промежутке между приступами. – Я тебя пригласил к себе, дал тебе всё, а ты...

– Не пригласил, а затащил, не спросив согласия. Так что теперь – не жалуйся. Кстати, мне некогда, а игровой ресурс, повторяю, у меня кончился. Дальше удерживать меня можешь только за свой счёт. А я тебе разрешения не даю.

– Убирайся! – страдальчески выкрикнул неудачливый драконоборец.

Сон покорно растаял, Людмила очутилась в тесной комнатёнке, в которой обитал любитель сказочных снов. В запасе у неё оставалось ещё пятнадцать лямишек, на которые она могла наделать безответных гадостей, поэтому торопиться Людмила не стала, а принялась оглядывать комнату, прикидывая, чем ещё можно досадить владельцу квартиры. Сам хозяин лежал на неразобранной постели, глаза его были открыты и немигающе уставились на придвинутый к лицу крошечный экранчик. Вероятно, именно так и достигалось слияние сна и компьютерной игры. Людмила громко рассмеялась, обнаружив, что и здесь сновидец создал себе внешность киногероя. Как говорится, если человек дурак, то это надолго. В животе у лежащего громко бурчало. Это пока ещё самовнушение, вирулентная культура дизентерийной палочки, созданная Людмилой, начнёт по-настоящему действовать лишь через пару часов. Всё-таки удачно, что при жизни она была микробиологом, так что создание оружия, которое было и здесь, и во сне, обошлось ей не так дорого. Теперь спящий дурак бросит свои подвиги и станет носиться от одного придуманного знахаря к другому и обосрёт весь свой мир, прежде чем догадается, что это всего лишь сон, а лечиться надо наяву. К этому времени и тут всё будет залито жидким поносом. Жаль, что спящий не ест и не пьёт, а то бы вовек не отмылся. Зато внешность у него сильно испортится, исхудает, бедняга, как щепка, от призрака не отличить будет. И жаловаться некому, выпил дизентерийную культуру он сам, так что всё в рамках законности.

Людмила развернула экран, плюнула на него, а потом придвинула обратно к лицу спящего. Вот так, теперь её ресурс и впрямь полностью исчерпан, и нужно побыстрее выметаться из гостеприимной квартирки.

Теперь, когда месть осуществилась на полную катушку, ей было жаль потерянных мнемон. Опять же, хорошо, что попался ей индивидуалист, не имеющий за пределами своего сна никаких контактов. А то ведь многие соединяют свои компьютеры в единую сеть и ведут там жизнь, почти не отличающуюся от настоящего загробного бытия. Вот только нихилия там нет, а жизнь, говорят, куда красивей и насыщенной, чем здесь. И даже город там имеется, слегка напоминающий настоящий. Но вместо нихилия и кварталов Отработки – леса и степи до самого горизонта. Ненастоящая компьютерная природа, но всё же это лучше, чем мёртвые просторы Лимбо. И жить в том городе дешевле, чем в настоящем, если, конечно, не лазать по особо дорогим сайтам. Компьютерные маньяки называют свой город Дополнительным городом, или, коротко, Доп-Тауном. Людмила не так давно читала, что Доп-Таун придуман вовсе не здесь, а в живом мире, причём не компьютерщиком, а каким-то литератором. Выдумщик этот по сей день жив и не знает, с каким восторгом ждут его умершие фанаты. Впрочем, профита с такого восторга немного, лишь держатели платных сайтов заранее объявили, что, когда создатель Доп-Тауна скончается, ему будет позволено безвозмездно бродить по всем закоулкам виртуального города.

А окажись сновидец одновременно и сетевиком, что тогда? Впрочем, тогда он не смог бы поставить свою ловушку, в Доп-Тауне нравы суровые, любителя подобных штук мигом раскрутили бы на всю его наличность.

Людмила осторожно притворила дверь, подумала, не написать ли объявлениице, что, мол, за этой дверью ловушка, но не стала – и без того сегодня потрачено денег больше, чем можно себе позволить.

Сын так и не появился, квартира была пуста, и даже, как почудилось матери, словно нежилым духом повеяло в ней. Куда теперь идти, у кого спрашивать? Пропал человек, а окру-

жающим и дела нет... И лишь через минуту Людмила догадалась, кто может наверняка знать о судьбе сына. Илья! Вряд ли он заслонился от бывшей жены, ему даже в охотку будет с ней повидаться. Жаль, что поставленный тридцать лет назад компас она уничтожила так некстати.

Постоянная проверка наличности и прозванивание приобретённых способностей с течением времени становятся чуть ли не ритуалом: вспомнив о компасе, Людмила немедленно ощутила, что никуда он не делся, цел и невредим, но просто приглушён той недавней лямишкой. Как удачно! Всё-таки тот, кто придумал ставить компас на другого человека, понимал толк в своём деле, знал, что сегодня ты и слышать не хочешь об этом человеке, а завтра он тебе нужен, так что минуты без него не прожить. И стереть и вновь восстановить раз поставленный компас можно за какую-то лямишку.

Компас загудел сразу, громко и настойчиво, словно и не выключался никогда. Илья был где-то совсем рядом, через мгновение Людмила поняла, что он идёт сюда. Подавив мгновенное желание выскочить навстречу, Людмила опустила в кресло, и не встала, даже когда хлопнула входная дверь.

В комнату вошёл старик, и это неприятно резануло Людмилу. Конечно, тридцать лет со счетов не спишешь и со счётов не сбросишь, но тут, где за не слишком большую цену можно не стариться, было тяжело видеть морщинистое лицо и пергаментные руки когда-то близкого человека. Плюс ещё страшные чёрные круги под глазами, какие, говорят, бывают при сердечной недостаточности, но больше всего напоминают следы побоев.

– Ну, здравствуй, Илюша, – произнесла Людмила.

Илья не удивился, не вознегодовал и не обрадовался. Словно и не увиделись они впервые после сорока лет разлуки и двух смертей. Прежде всего он сел на край дивана – кресло в комнате было всего одно – и лишь затем проговорил:

– Здравствуй, Люда. Что скажешь?

Людмила встретила его взгляд. Все восемьдесят прожитых лет смотрели на неё... из них последние тридцать лет в разлуке. Всё-таки правильно мечтают влюблённые – умереть в один день. А если не довелось, то уже ничем не склеишь того, что расколото временем.

Мгновение Людмила молчала, осознавая, что не будет ни семейных сцен, ни шагов к примирению. Она боялась и того и другого, но сейчас ей показалась обидной понимающая мудрость, светившаяся в глазах старика. И потребовалось ещё мгновение, чтобы проглотить эту обиду и заговорить о главном:

– Где Илюшка? Он куда-то пропал, я его не слышу.

Илья Ильич развёл руками и сказал примиряюще:

– Я его тоже не слышу. Скорее всего, он в Цитадели.

– Как?..

– Да вот, – Илья Ильич снова развёл руки, – мы вчера на Цитадель штурмом ходили, и вроде бы Илюшка сумел на стену подняться. Во всяком случае, с тех пор я его и не слышу. Возможно, это обязательное у них условие, чтобы не следили за ними...

– Нет там никакого условия, – сказала Людмила не то мужу, не то самой себе.

Она прямо из воздуха выдернула газету – Илья Ильич так и не удосужился узнать, как это делается и сколько стоит местная пресса, – и зашуршала страницами.

– Вон оно, на первой странице, – сказал Илья Ильич, сразу углядевший жирный заголовок: «Попытка штурма».

– Тут сказано «неудачная попытка», – казалось, Людмила не говорит, а стонет, – во что ты его втянул?

– Если бы была неудачная, – напомнил Илья Ильич, – то компас бы работал. Он даже на призраков работает. А совсем погибнуть Илюшка не может, ты же сама знаешь.

– Что я знаю?! – Людмила наконец перешла на крик. – Пока тебя не было, всё было нормально, а как ты появился – нате вам!

Илья Ильич хотел съязвить, что, мол, не по своей воле он тут, но сказал только:

– Извини.

– Что извини, что?.. Где теперь его искать?

– В Цитадели. Компас не работает, но должны быть и другие способы... – Илья Ильич коротко глянул на Людмилу, и та поняла несказанное: «Ведь у тебя же есть там знакомства...»

Опять намёк показался ей оскорбительней прямого обвинения, потому что намёк пришлось молча глотать.

– Хорошо, – сказала она, – я поспрошаю кой-кого.

– Как узнаешь – мне скажи, а то я тоже волнуюсь.

– Хорошо, я позвоню.

– У меня телефона нет, – чуть виновато сказал он.

– Тут можно без телефона, если компас поставлен.

Людмиле было неприятно признаваться, что компас на мужа у неё поставлен давным-давно и молчал все эти пустые годы, поэтому она выпрямилась в кресле и спросила язвительно:

– Чего ж ты не спрашиваешь, как я тут жила самостоятельно?

– Мне Илюшка рассказывал.

– И что он тебе рассказывал, позволю поинтересоваться?

– Что же я, не понимаю?.. – Илья Ильич говорил, уставившись себе в колени, не глядя на Людмилу, так что глухой старческий голос казался совсем чужим. – Я ведь тоже эти годы монахом не жил, что ж я теперь буду – пенять, что ты другую семью нашла?

– Нет у меня семьи, – отчётливо произнесла Людмила. – Работа у меня такая – шлюхой!

– Перестань, – тихо произнёс Илья Ильич.

– А чего скрывать? Шлюха она шлюха и есть. – Людмила с особым удовольствием повторяла оскорбительное слово, которого не дождалась от мужа. – Добро бы ещё с нормальным человеком жила, тут ещё можно было бы про любовь соврать, а то ведь зомбак – он вроде животного, с ним только за деньги и можно. А это знаешь как называется? Тебе шлюхи мало, на «б» слова ждёшь?

– Я вчера человека убил. – Илья Ильич вскинул прозрачные глаза, в упор глянув на Людмилу. – Совсем убил, так что он на моих глазах в пыль рассыпался. А между прочим, он мне ничего не сделал, я его вообще первый раз увидел. Я знал, что охранник, если его со стены скинуть, долго не живёт, но всё-таки убил. И тоже ради Илюшки, чтобы он мог на свободное место встать. Что же я теперь, тебя осуждать буду?

Людмила встретила его взгляд и лишь теперь поняла, что круги под глазами не от старческих немощей, а таки от побоев. Слегка подлечено, но если приглядеться, видно, что и губы расквашены, и скула рассечена. Ногами его били, что ли? Видать, изрядно досталось под стенами Цитадели.

– Да-а... – медленно выдохнула Людмила. – С какой стороны ни глянь, всюду ты хороший, а я в дерьме. Я без сына жить не смогла, грех на душу взяла – и что? А ты – разумник, тридцать лет его кормил. Тут всякий скажет: ты отец, а я дрянь себялюбивая. И теперь я как последняя сука в грязи валяюсь, чтобы сыну помочь, хоть немножко исправить, что сама же натворила, а ты пришёл и снова устроил всё, так что лучше не бывает. Одна я осталась, как цветок в проруби. И при жизни ты меня перешагнул, и после смерти...

– Не надо, – попросил Илья Ильич.

– Отчего же не надо? – Видимо, Людмила вздумала до конца пройти крестный путь и, начав с самобичевания, уже не могла остановиться. – Я-то про тебя всё знаю. Не часто вспоминал, но всё-таки бывало. А я монетку в ладонях зажму и узнаю, при каких обстоятельствах этакое чудо случилось. А ты про меня ничего не знал, думал, я давно сгнила и лопух вырос. А я – вот она. Сначала не знала, куда себя приткнуть, Илюшке я, мёртвая, не больно нужна, у

него тут свои приятели, дела какие-то... Я, дура, всё пристаю: сыночек, малыш... А ему, если посчитать те года вместе со здешними, уже под шестьдесят, просто смотрится парнем, стареть не хочет. Так и я, видишь, не постарела... один ты правде в глаза глядишь.

– Я тоже омолаживался. А это... в общем, нужно это было, чтобы Цитадель взять.

– Они и на Цитадель ходили, давно уж. Я тогда чуть со страху второй раз концы не отдала. Выхаживала потом Илюшку. Единственный раз, когда он у меня деньги брал. А у меня самой денег шиш да маленько, ты меня уже почти не вспоминал, а другим я и вовсе была без надобности. Вот потому, когда объявили конкурс этот поганый, я минуты не колебалась. Шла и знала, что место получу. А что в постель с этой чуркой ложиться, так ты как раз в ту пору свою Любашу завёл, так что мне сам бог велел.

– Не надо...

– Почему же – не надо? Ты муж, имеешь право знать. А мне ведь и рассказать больше некому. Живу я с ним, мужчина видный, только зубы гнилые, изо рта у него воняет. Опять же, содержит меня за свой счёт, так что если тебе слово «шлюха» нежный слух режет, можешь звать меня содержанкой. А что, содержанка и есть, вот только содержание скудное, словно родной жене. В этом мужики все схожи, и этот тупее полена, а денежки держит крепко, зомбак чёртов!

– При твоей жизни и слова этого в русском языке не было.

– При жизни – не было, а сейчас – есть. Мертвецкое это слово, тут без него не обойтись.

– Перестань. – Илья Ильич наконец сумел придать голосу достаточно твёрдости. – Что я тебя, не знаю?... Зачем ты юродствуешь?

– А что мне осталось делать? Раньше хоть надежда была, что не зря всё, а теперь – куда я?

– Бросай эту свою работу, Илюшка теперь пристроен, а нам с тобой много ли надо? Будем просто жить, как будто и не умирали...

– Нет уж. Не знаю, как ты, а я давно умерла. И реанимировать меня не надо. Не нужно мне твоего благородства, и всепрощения не нужно. Знаешь, как немцы говорят: «Где себе постелила, там и спи». Так что пойду я. Прощай, муженёк. Не половинка ты, а ломоть отрезанный...

– Куда ты пойдёшь?

– А вот это тебя вовсе не касается. Полжизни ты без меня жил и ни разу не задался вопросом, куда я пошла... Живи ещё сто лет, или сколько у тебя получится. И я тоже буду жить, как получится. Домой я пойду. Есть у человека такое понятие – дом. Это не крыша над головой, а место, где ты у себя. Вот туда и пойду.

С прошлой жизни знакомая дверь захлопнулась, щёлкнув замком, Людмила торопливо сбежала вниз, словно боялась, что Илья догонит её, но Илья не стал её догонять, замок не щёлкнул вторично, наверху было тихо.

Городской транспорт в городе существует больше для порядка и в угоду ностальгии. Кому торопиться некуда – ходят пешком, благо что ноги не болят. Остальные – тоже ходят пешком, но за деньги, пользуясь тем, что в нихиле нет ни пространства, ни расстояний, и откуда угодно куда угодно можно дойти за десять минут, если, конечно, не станет поперёк пути забор, созданный чужими мнемонами. Забор называется изысканно-красиво: Цитадель. Туда и направилась Людмила.

Дурни полагают, что Цитадель – это бесконечная вереница дворцов, где в неге и праздности великие покойники вкушают заработанное блаженство. А там куда больше обычных домов, ибо каждый старается продлить ту жизнь, к которой привык и где чувствовал себя если не счастливо, то хотя бы комфортно. Конечно, есть и дворцы: череда однообразных Людови-ков, различаемых лишь стилями мебели, проживает среди потрёпанной пышности, содержа остатки двора, министров и прочую шуштуру, которые без сюзерена давно стали бы полуразвоплотившимися призраками. Да и сами короли существуют большей частью благодаря неуны-вающему гению Александра Дюма. Вот папаша Дюма тот и впрямь живёт во дворце, ибо любил

и любит роскошь и хотя бы после смерти может позволить себе исполнение чуть ли не любой прихоти.

Но порой встречаются в Цитадели такие норы, что оторопь берёт: как могут люди жить в подобном хлеву? И больше всего таких нор в стороне от основных поселений – там, где обитают зомбаки.

Полуземлянка-полуизба из небрежно отёсанных брёвен, низкая и закопчённая внутри: именно в такой согласился жить альпийский предок, и за право слезить глаза возле открытого очага щедро отсыпал строителям мелких поминальничков, которые рекой потекли ему, когда восторженные газеты всех стран завопили о сенсационной находке в глубине ледника. Сейчас, когда шума в прессе уже нет, лямишки капали неторопливо, лишь от посетителей музея, где были выставлены вещи найденного покойника. Но и этих копеечек хватало на поддержание дома, на еду, за которую приходилось платить втридорога, ибо сам альпийский предок ни приготовить ничего не мог, ни поесть толком. Хватало и на женщину. На неё...

Людмила солгала, сказав, что зомбак крепко держится за свои копейки. Другим и впрямь не давалось ничего, но перед ней альпиец с кретиническим радушием развязывал кошель, позволяя брать сколько угодно. Видимо, так было при жизни с давно сгинувшей супругой, которую напоминала Людмила, так стало и теперь, когда злой случай воскресил бледную пародию на человека.

Шестьдесят лямишек Людмила ежедневно отдавала охранникам, прочее оставалось ей. Не так это было и много, в иные дни десятков монеток, не больше, так что не хватало даже на содержание кормильца. Зато в сезон, когда наезжали в Швейцарию туристы, порой набегало и по мнемону.

На себя Людмила почти ничего не тратила, иной раз неделями крошки не брала в рот, благо что голодная смерть тут никому не грозит, только от ванны не могла отказаться, бегала туда дважды в день, словно отмыться от чего-то старалась. Смешно, конечно, что рядом с первобытным жилищем приткнулась облицованная кафелем ванная комната, но Людмилу подобная эклектика не возмущала. Имеет она право хоть на что-то? И без того всю жизнь положила на других. И всё зря...

Те деньги, что оставались, небольшие, но всё-таки деньги она никуда не тратила, сохраняя на чёрный день. Для сына, которому теперь ничего не нужно, ему свои копейки капают. Кап, кап, капейка за капейкой... И здесь она оказалась ненужной... никому.

Илья-то не попенял, деликатным прикинулся. Но и доброго человеческого слова от него не дожидаться. «Ничего, выветрится из него жилой дух, начнут забывать, развоплощение замаячит – придёт, будет лямишку вымалывать...» – подумала она и тут же поняла: не придёт. Гибнуть будет, а о ней не вспомнит, и помощи станет искать где угодно, но не у неё.

Зомбак привычно ходил из угла в угол, широко размахивая рукой, гордо оглядывал самого себя. Был он в кожаных, подбитых мохом штанах и таких же сапогах. Видать, и в древние времена пушнина не всякому была по карману, и беднота утеплялась мохом. Не помогла моховая подкладка альпийцу, замёрз в горах... Шубейка, которая не уберегла от ледяной могилы, валялась поперёк постели, а иной одежды у альпийца не водилось, так что целыми днями он расхаживал, демонстрируя мускулистый и совершенно не волосатый торс. Странно, вроде бы дикарь, должен быть в шерсти, а он человек как человек, только ноги кривые от детского рахита и зубов считай почти нет. По здешним местам подобные недостатки легко исправимы, но ему ничего такого не нужно, и без того сам себе он нравится необычайно. Особенно татуировка на правом боку: скачущая лошадь. У лошади этой шесть ног, но две лишних непременно прикрыты рукой. И если идти, размахивая руками, то кажется, что лошадь и впрямь скачет. Этаким кинематографом каменного века. Время от времени нечто подобное входит в моду среди живых, тогда люди вспоминают про альпийскую мумию, и Людмиле перепадает чуть больше денег.

При виде Людмилы зомбак заулыбался невразумительно, загукал, энергичнее замахал рукой, демонстрируя вечно и бесцельно скачущую кобылу, с которой Людмила порой сравнивала саму себя.

– Что, Федя, проголодался? – спросила она. – Сейчас покормлю.

Она и сама не могла бы сказать, почему называет сожителя Федей. Какая-то давняя ассоциация, не то слышанное что-то, не то читанное. Дикий человек, обитающий во льдах, должен носить такое имя.

Зомбак налопался просяной каши с варёным салом, и его разморило. Вместо того чтобы возобновить беготню, он притулился к Людмилиному боку и затих.

– Так-то, Феденька, – тихо произнесла Людмила. – Один ты меня не бросил. Да и то потому, что дурак.

* * *

Двое охранников с непроницаемыми лицами привели Илью в низкий зал с прямыми давящими потолками. Здесь царил полумрак, на стенах дымились курильницы с ладаном, пахло как в церкви. Всё это очень напоминало исторический фильм, и не будь Илья старожилом, давно привыкшим к странностям потустороннего мира, он мог бы перепугаться или, напротив, воспринять происходящее не всерьёз. Но куда всё шло как следует, а во что одеты окружающие и что пованивает со стен – его не касается.

Честно говоря, он ожидал, что к его появлению на стене отнесутся более эмоционально, всё-таки лет триста сюда никто не мог пробиться, а триста лет срок приличный даже для бессмертных воинов. К тому же способ, каким он проник сюда, вряд ли мог оставить безразличными защитников Цитадели. Илья ждал угроз, готов был и к репрессиям. Вместо этого подошедший воин коснулся его плеча и коротко бросил:

– Идём, Тигли хочет видеть тебя.

«Тигли-Мигли, – подумал Илья. – Неужели тот самый Тиглатпассар Третий, который, по преданию, основал Цитадель? Эх, надо было, прежде чем на штурм идти, историю подучить покрепче. Хотя бы знал, с кем разговоры разговаривать буду».

И вот теперь он стоял перед древним царём, которого солдаты меж собой по-простецки звали Тигли.

Всё было словно в учебнике истории для пятого класса: завитая крашенная борода, не своя, а явно искусственная, прямые складки одежды, чадное пламя масляных светильников, хотя уж здесь-то можно было бы провести электричество... Впрочем, здесь как раз и нельзя – тронный зал, не хухры-мухры, тут всё должно быть торжественно и по старинке. Не верилось, что вот эта дремучая древность правит бурлящим городом, расположенным за стенами. Хотя кто там правит? Вот захочет он сейчас развернуться и уйти – и никто не посмеет остановить его. Только вновь сюда попасть уже не получится ни при каком раскладе. Поэтому надо стоять и ждать, что ему скажут.

Честно говоря, Илья не очень представлял, что ему скажут. Ведь он враг, напавший на Цитадель и сумевший войти в неё с боем. С такими обычно разговоры бывают недобрыми.

– Служил? – коротко, почти не разжимая губ, спросил царь.

– Да. – Илья не знал, как следует титуловать царя, и не собирался этого делать. То есть военная дисциплина есть военная дисциплина и обращение должно быть уставным: к одному – товарищ генерал, к другому – ваше величество. Но о таких вещах следует предупреждать заранее.

– Погиб в бою? – Очевидно, титулы за почти три тысячи лет приелись царю. Куда больше его интересовали ответы.

– Да.

– И снова пошёл в бой... это хорошо. Мне трусы не нужны.

Илья промолчал, понимая, что здесь ответа не требуется.

– Ты знаешь, кого ты убил, взойдя на стену?

– Нет.

– Этот воин служил мне, ещё когда я ходил на Аскалон, и царь Митини сошёл с ума от страха, услышав мою поступь. Это был хороший воин, и у меня нет причин любить тебя.

Илья молчал, понимая, что любые оправдания усугубят неловкость положения.

– Служба будет трудна, – продолжил царь.

– Я солдат.

– Жалованье – шестьдесят монет в день и еда из общего котла.

Илья молчал.

– Это вовсе не так много, как болтают в городе. Ты, наверное, рассчитывал, что тебя осыплют золотом за всё, что ты сделал нам?

– Я рассчитываю, что мне за службу будут платить так же, как всем остальным.

– Всем остальным платят шестьдесят монет в день. Если тебе не понравится солдатская еда – можешь есть своё. Тебя никто не ждал, и никто не горит желанием делить с тобой пищу.

Это Илья сам понимал и потому оставил царские слова без ответа. На мгновение перед внутренним взором мелькнули картинки, какова может быть дедовщина в воинском подразделении, где старослужащие тянут ляжку уже третью тысячу лет, но тут же Илья отбросил эту мысль, как ни с чем не сообразную. Каким ни будь новичком, а сделать тебе ничего не смогут, разве что условием приёма на службу поставят согласие, чтобы над тобой мог свободно издеваться всякий желающий. Вот только воевать такой салажонок с трёхсотлетним стажем не будет. И военачальник это, конечно, понимает. Солдат есть солдат, и ему дозволено многое, в частности называть промеж себя владыку определяющей судьбы попросту Тигли и исповедовать принцип талиона, платя ударом за удар. Солдат, который не уважает сам себя, не сможет как следует воевать.

– У тебя есть внизу родные или друзья?

– Есть. – Илья не счёл нужным лгать, тем более что ложь так легко проверяется.

– Ты их больше не увидишь.

Илья вновь промолчал. Вступать в пререкания не имеет никакого смысла.

– Непременное условие для всех новичков, поступающих на нашу службу, пока не пройдёт установленный срок, не подавать о себе никаких вестей живущим внизу. Срок установлен – шесть раз по шестьдесят лет. За это время ничтожные рассыплутся в прах, а достойные уже не будут нуждаться в твоих монетах. Таким образом я забочусь о своих солдатах. Воин должен думать о службе, а не о голодной родне. Если ты не согласен с этим решением, можешь уходить прямо сейчас.

Разумеется, Илья был не согласен с таким решением, но возражать было бы верхом глупости, и он промолчал уже в который раз. Тигли усмехнулся, показывая, что видит новобранца насквозь, и странно выглядела живая усмешка над подвязанным футляром накладной бороды.

– При казармах достаточно челяди, женщин и мужчин, пиати и бел-пиати, все они получают меньше, чем будешь получать ты, и с радостью станут служить тебе. Не пытайся их подкупать, все, у кого в душе обитала неблагодарность, уже не живут, и прах этих людей давно остыл. Я не стал вешать их на колья, я просто отпустил их, лишив своего покровительства, как отпускают тех, с кого палач содрал кожу. Они плакали, стоя под стенами, а когда пришёл срок, они умерли без моей опеки, как умирает человек, лишённый кожи. Я давно никого не казню и не наказываю болью. За малые прегрешения накладывается пеня, за большие – виновный изгоняется. Напшану расскажет тебе, что является большим прегрешением, а что малым.

Илья не понял, кто именно будет вводить его в курс дела: Напшану – должность или имя собственное, – но уточнять не стал, решив, что разберётся по ходу дела. Он лишь спросил,

с каким оружием ему придётся иметь дело, и услышал в ответ правильную мысль, что воин должен быть с оружием, но не должен пускать его в ход, поэтому что именно он будет держать в руках, никого не касается. Главное, чтобы внизу видели, что стража вооружена.

На этом аудиенция закончилась и началась служба.

Черноволосый Напшану, по виду типичный армянин, хотя кто знает, быть может, ассирийцы как раз и звали этим словом предков армян, показал Илье его комнату (Илья ожидал общей казармы и был приятно разочарован при виде убогой, но всё-таки отдельной каморки). Затем Напшану объяснил, что служить Илья будет во дворцовой охране, стоять на воротах и не должен пускать во дворец никого, кроме сут-рези и рабани. Кто эти счастливицы, Илья не знал, но поверил, что очень быстро научится определять их. К стене Цитадели он не смеет приближаться на сто локтей, разговаривать можно только со слугами и сослуживцами; за разговоры с обитателями Цитадели полагается штраф, а за появление на стене – изгнание. Жалованье выплачивается первого, одиннадцатого и двадцать второго числа каждого месяца, как было заведено ещё при жизни Тиглатпассара. Воинские занятия начнутся завтра, а сейчас он может отдыхать.

Оставшись один, Илья перевёл дыхание и достал письмо, которое дал ему отец перед тем, как они отправились к Цитадели.

«Илюха! – писал отец. – Ты помнишь, что мушкетёра, при виде которого ты так удивился, никто не видел на стене больше трёхсот лет? Почему-то мне кажется, что это у них там такая учебка. Пока солдат не станет той самой крутью немереной, о какой ты рассказывал, и примерной службой не докажет своей верности, на боевое дежурство его не допустят. И ещё мне кажется, что тебе не позволят послать мне весточку. Скромный жизненный опыт подсказывает, что именно так и получится. Твоё новое начальство поначалу будет не слишком жаловать тебя, а других способов досадить тебе у него нет. Так что не дёргайся зря, я не буду беспокоиться, что с тобой. Убить или швырнуть в тюрьму тебя невозможно, так что отсутствие вестей будет означать, что всё в порядке. А я постараюсь протянуть триста лет, только для того, чтобы ещё раз увидеться с тобой. Так что не вешай носа, как-нибудь до понедельника доживём. Папа».

Илюшка горестно покачал головой. Как всегда, отец оказался прав и всё предвидел заранее. Вот только об одном не подумал: а стоило ли рваться сюда? Ту сумму, что они потратили, он заработает здесь за двести лет. Новая жизнь вряд ли обещает быть очень интересной, а отцу теперь придётся сидеть на голодном пайке, но и в этом случае проживёт ли он эти три столетия? И даже три с половиной, ведь срок карантина назначен шесть раз по шестьдесят лет, чёрт бы побрал этих шумеров с их шестидесятеричной системой счисления!

Вот и получается, что он рвался сюда просто потому, что не пускают. Что-то вроде альпинизма: лез, лез и если сумел победить самого себя, то залез. А что дальше? Покричал «ура!» – и спускайся в долину. А вот он даже в долину спуститься не может, потому что это значило бы, что всё было зря. Как напрогножил друг Серёга: «Решил отцовские денежки на ветер пустить?» Как-то там Серёга? Фингал под глазом небось на пол-лица...

Дверь отворилась без стука, на пороге возник мушкетёр, тот самый, появление которого на стене так поразило Илью. Был он невысок ростом и гладко выбрит. Длинное, породистое, как у артиста Филиппова, лицо выражало живейший интерес.

– О, так это ты нокаутировал старину Шамашкара? – спросил он по-английски и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Изрядная была скотина, между нами говоря. Всё время норovil выдуть чужое пиво, и кости у него были фальшивые.

Илья кивнул, соглашаясь.

– Меня зовут Том Бэрд, – представился гость. Повернувшись спиной, он постучал себя по кирасе. – Развяжи-ка ремни у этой железяки, а то устал, сил нет.

Илья встал и принялся управляться с ремнями.

– А я почему-то решил, что ты француз, – сказал он. – Вроде бы мушкетёры были французами.

– Вот ещё, – фыркнул Том Бэрд. – За лягушатника приняли... Дурной народишко, мы их и прежде били, и впредь будем бить.

Освободившись от доспеха, Том уселся и вытянул ноги в проход. Набил крохотную трубочку с длинным прямым чубуком. Илья щёлкнул зажигалкой.

– О, забавная штука! – Англичанин протянул руку, повертел колесико, изучая несложный механизм. Лошадиная физиономия озарилась улыбкой. – Меняем, – сказал он и, не дожидаясь согласия, придвинул Илье истёртые за столетие кремён и кресало, а зажигалку пихнул куда-то под камзол, где, видимо, скрывался карман.

Илья повертел допотопное приспособление и сказал:

– Вери вэлл. Только зажигалка недели через полторы выдохнется и уже не будет работать.

Том пожал плечами.

– Обмен есть обмен, – сказал он. – Кто-то всегда проигрывает.

Потом он кивнул на поставленный в угол автомат.

– Это твоё ружьё?

– Да, но меняться не буду.

– У солдата, – произнёс Том, наставительно подняв палец, – есть бог, командир и ружьё.

Оружием меняться нельзя.

Том оглядел пустую каморку и спросил:

– У тебя пиво есть? Портер или эль... поляки пиво пьют?

– Поляки пьют пиво. И я тоже пью, но пива у меня нет. – Илья похлопал рукой по пустому кисету.

– Понимаю... я тоже попал сюда нищим. А жалованье выдают трижды в месяц по два фунта, да и то неполных. И вообще служба паскудная. Общества нет, развлечений никаких, только со шлюхами валяться. В город тебя ещё долго не пустят, а с господами из Цитадели разговаривать запрещено.

– Любая служба не сахар, – уклончиво ответил Илья. – А сам-то ты как сюда попал?

– А так и попал... Стражника из ружья застрелил и встал на его место.

– Ты что-то путаешь. Не берёт огнестрельное оружие тех, кто на стене. Что я, не знаю? Лет пятнадцать назад мы уже ходили на Цитадель штурмом.

– О!.. – уважительно протянул англичанин. – Я это помню. Меня тогда первый раз на стену пустили. Весело было.

– Это кому как.

– В драке всегда так, одному тумаки, а другому весело. А я стражника не просто застрелил, а всыпал в аркебузу пригоршню мнемон и выпалил как картечью. Это теперь, едва начинаешь целиться, тебя в оборот возьмут, а прежде было иначе – стреляй, если денег не жалко. Стражники даже подначивали, если кто с луком или пищалью вздумает у стены появиться. Если у стрелка в кошельке пусто, так он и не попадёт, а если мощна тугая, то деньги ваши будут наши. Рана заживёт, а прибыль от такого получается немалая. А я придумал не пулей стрелять, а прямо деньгами. Был там один среди стражи, очень он мне не нравился, вот его я и пристрелил, он только ногами дрыгнуть успел.

– А на стене как закрепился?

– Так же, как и ты. Помощничка себе сыскал, виконта одного. Он же не знал, кто я такой, думал, я тоже из джентльменов, раз в камзоле и при оружии хожу. А я из железнобокой гвардии Оливера Кромвеля! Кавалеры называли нас круглоголовыми, и виконт не признал во мне йомена! – Бэрд хохотнул. – Его убили в битве при Нейзби, застрелили из аркебузы... может быть, я и застрелил, а он, как услышал, что я при Нейзби сражался, такими ко мне чувствами проникся, хоть плачь, хоть смейся. Даже не спросил, за короля я был или индипендантов. Вот я

его и уговорил, что буду стрелять в стражника, а потом, ежели повезёт попасть, то и виконт ко мне на стену заскочит. Мы ж тогда не знали, что выстрел от количества денег зависит, думали, стража заговорённая. Ну а у меня, кроме аркебузы, ещё и пистолет был, тоже монетой заряженный. Виконт, как меня на стене увидел, ко мне полез, а я ему из пистолета – промеж честных глаз. Ничего, вылечился. Чжао, тут такой китаёза есть, говорил, что видал его у стены. Ох как он ругался, меня на дуэль вызывал! Меня тогда в дозор не ставили, так я Чжао попросил, чтобы он сказал дураку, что я не кавалер, а из железнобоких. Тот, бедняга, как узнал, что я из простых, скукислся и прочь уплёлся. Где он теперь – не знаю, благородные редко до конца помирают, должно быть, он и сейчас среди призраков бродит.

Рассказ кромвелевского солдата произвёл на Илью двойственное впечатление, но Илья за благо почёл не давать сослуживцу моральных оценок. Сам тоже не ангел... Поэтому, выслушав исповедь до конца, Илья перевёл разговор на более спокойные рельсы.

– Всё-таки ты как сюда попал? Не на стену, а вообще. При Нейзби ты вроде уцелел...

– Меня через полгода в стычке с диггерами убили. Из лука... представляешь? В наше время из лука стрелять... Но попали хорошо, два дня подыхал. Под конец одного хотел – чтобы скорее.

– А меня сразу. Я и понять ничего не успел. Но всё равно дурацкая смерть.

– Да уж, на войне умной смерти не бывает... Но виконту дважды дурацкая досталась. Он-то себя полагал в безопасности, думал, что если у меня ничего не получится, то он тут ни при чём, просто на променад вышел, а ежели я поднимусь на стену, то и он за мной. Службы он не хотел, он, дурак, представлял, что командовать будет, по меньшей мере в начальники гарнизона метил. И чистку заранее задумывал: добрых христиан в Цитадели оставить, а Магомета и всех остальных – в никуда выгнать. Болван, одно слово, богаче Магомета здесь никого нет, ему весь Восток в молитвах деньги шлёт. Захочет, так он нас всех в никуда выгонит, а не мы его.

– Христос разве не богаче? – для порядка полюбопытствовал Илья.

– Христос – бог, – убеждённо сказал Бэрд и перекрестился. – Он у себя в раю, тут его никто не видал. А вот Понтия Пилата я видел и даже заговорил, хотя запрещено разговаривать с жителями Цитадели, если они сами тебя не подозвали. Штраф начислили сто фунтов, заработок почти за два года! А Пилат мне ничего не ответил. Не помню, говорит, никакого Христа. Бродяг всяких много повесил, а сына божьего не припомню... Да ну, он от старости, наверное, в детство впал. Тут много таких, дома их зачем-то помнят, а сами они хуже малых детей. Праздность многих развращает. Вот среди солдат ни один умом не тронулся, а всё потому, что служба.

– Слушай, – сказал озарённый неожиданной мыслью Илья, – а мне это ваш Тиграт... в общем, Тигр Полосатый сказал, что триста лет нельзя живущим внизу вестей передавать...

– Так это разве весть? Гадость врагу сказать – дело святое. К тому же я не сам, китайца попросил.

– Так, может, и ты крикнешь там одному... Парень, что на турнике возле стены вертится, ну... тот, которому я промеж глаз врезал. Крикни ему: «Илья, мол, просил передать, что дураком ты, Серёга, был, дураком и после смерти остался!»

– Вери вэлл. – Лицо англичанина озарилось улыбкой. Он явно представлял, как будет беситься незнакомый ему Серёга, получив такую весточку. – Он был твоим врагом?

– Он был дураком, а дураков надо учить.

– Вери вэлл. Я передам.

Бэрд извлёк из-за пазухи трепаную колоду карт и гордо объявил:

– Во, видал вещь? Однополчане наши, блудники вавилонские, такого и не знают, они только в кости умеют, да ещё в зернь. А христианину в такие игры грешно играть.

– А в карты что, не грешно? – искренне удивился Илья, который, как человек неверующий, игрывал во всякие игры, кроме разве что зерни, о каковой имел довольно смутное представление.

– Карты – самая христианская игра, – убеждённо сказал Бэрд. – Тут четыре масти, они символизируют добродетели христианского воина. Это пики – храбрость в бою. Это бубны, или щиты – упорство в обороне. Это крести – они означают веру в Иисуса Христа. А черви – это любовь к даме сердца. В прежние годы у рыцаря обязательно дама сердца была, а мы люди простые, нам и маркитантки довольно.

– Ясно, – протянул Илья, тасуя засаленные карты. – Это король, это дама, это валет...

– Кавалергард, – поправил железнобокий революционер.

– А туз что означает?

– Туз – это воля небес. Видишь, карта чистая? Над королём только господь бог.

– Тогда, конечно, игра безгрешная, – признал Илья. – А во что ты играешь?

– Игра называется «сражение». Делим колоду пополам. Открывай верхнюю карту... видишь, твоя карта больше моей. Значит, забираешь себе обе и кладёшь под низ. А теперь у меня больше, значит я твою карту беру в плен. Можно играть на деньги, можно на щелбаны.

– Так это же «пьяница»! – разочарованно воскликнул Илья, никак не думавший, что глупейшая из карточных игр имеет столь почтенную историю.

– Это «сражение»! – оскорбился англичанин.

– Хорошо, пусть «сражение». Но всё равно лучше уж тогда в очко играть. Тоже на щелбаны... тремя картами по носу.

– Это как? – заинтересованно спросил Том. Между делом он успел соорудить две кружки пива, одну из которых щедрым жестом придвинул Илье. Прославленный английский эль оказался мутной бурдой отвратительного вкуса. Впрочем, в семнадцатом веке он, видимо, таким и был.

Илья на последние лямишки сотворил новую колоду и принялся объяснять мудрые правила игры в очко. Железнобокий оказался игроком страстным и неумелым, так что в самые короткие сроки Илья выиграл больше двух сотен щелбанов и через полчаса уже трепал карты о вспухший английский нос, приговаривая при каждом щелчке:

– Не умеешь играть, так и не берись!

Служба начиналась плодотворно, содержательно, и конца ей не предвиделось ни ныне, ни присно, ни во веки веков.

* * *

Оставшись один, Илья Ильич долго сидел, глядя себе в колени. Осмысливал холодное понятие: «один». За последние годы он привык к этому состоянию. После смерти Любаши так и жил бобылём, благо что до крайнего предела худо-бедно мог себя обслуживать, и, даже согласившись на хоспис, сбежал оттуда за день до кончины. И лишь после того, как Русланова пророчески провизжала ему: «Ленты в узлы вяжутся!» – завязалось бытие таким узелком, что никакому Гордию не измыслить и никакому Александру не разрубить. Два месяца посмертная жизнь неслась галопом, и вдруг разом остановилась. Сиди как в недавнем прошлом, отдыхай, радуйся, что бок не болит.

Спрашивается, что теперь делать? Бежать за Людой, уговаривать, возвращать, каяться неведомо в чём? А потом? Налаживать эфемерный быт, который будет держаться исключительно за счёт непрочной памяти о нём? Людмила, покончившая с собой тридцать лет назад, забыта основательно. Кому нужно вспоминать давнюю трагедию? Покуда, быть может, раз в год кто-то из бывлых знакомых и пошлёт ей мнемон, а лет через десять все знакомые тоже очу-

тятся здесь, так что её уделом станет Отработка. И она это понимает. Обижена, оскорблена, но ушла сама и по доброй воле не вернётся.

Больше всего в прошлой жизни Люда ценила прочность, основательность, надёжность. Профессия мужа, связанная с непрерывными разъездами, была ей что нож острый. И при жизни, и в посмертии ей прежде всего нужен верный заработок. Не для себя, для сына... но теперь Илюшка далеко и в копейках её не нуждается. Вот и вся простая трагедия.

Последние годы Илья Ильич умудрялся едва ли не сутками сидеть, размышляя ни о чём, но сейчас уже через полчаса тело потребовало движения, а мысли потихоньку перешли к насущным делам. И всё же, словно оправдываясь перед самим собой за несуществующую вину, Илья Ильич упорно сидел, не ложась на диван и не вставая, пока не умудрился уснуть и не проснулся за полночь с затёкшими ногами и шеей.

Нужно было чем-то заняться, и Илья Ильич решил пересчитать лямишки, заработанные собственными боками и битой физиономией. Высыпал на стол многотысячную кучу монеток и замер, увидав, что поверх всего лежит новенький блестящий мнемон. Неужто древний шумер, или кем там был неудачливый стражник, мог тысячелетиями сохранять не разменянную монету? И неужели в древней Мидии и Ассирии мнемоны были точно такими же, что и сегодня?

Илья Ильич осторожно зажал монету между ладонями и облегчённо вздохнул. Мнемон был его собственный, пришедший совсем недавно. Лика, жена двоюродного племянника, которую он и видел-то раза два на больших семейных сборах, но которая теперь поселилась в его квартире, пытаясь со стула дотянуться до высоко приколоченной кухонной полки, подумала невзначай, как же восьмидесятилетний хозяин лазал на такую верхотуру? А так вот и лазал, пока ноги держали, с табуретки... А потом перестал лазать. Не помню, что у меня там было напихано...

Лямишки Илья Ильич пересчитывать не стал, решив, что посмотрит, много ли ему будет прибывать мнемон, и последующую жизнь станет планировать, исходя из полученной цифры. Сгрёб лямишки в кошель и замер, услышав, как в прихожей тренькнул звонок. Поспешно вскочил, побежал открывать, ожидая всего: хорошего и дурного.

На площадке насупленный и злой стоял гимнаст Сергей. Вид у него был неважнецкий, видать, он только что выбрался из нихилия. Не иначе, пешком шёл, двое суток.

– Илья где? – хрипло спросил он, не узнавая Илью Ильича.

– Нет его. И впредь не будет.

– Это же его квартира, – недоумевающе произнёс Серёга. – Вы кто такой?

– Отец.

Сергей потряс головой, недоумевая, как умудрился так чудовищно состариться мужчина, с которым его познакомили в кафе, но, решив, что обманывать смысла нет, произнёс с чувством:

– Сука ваш сынок, ясно? Так ему и передайте, когда увидите. И пусть не прячется, я его всё равно найду!

– Его искать не надо, – миролюбиво произнёс Илья Ильич. – Он теперь в Цитадели служит. Угодно – лезьте на стену и говорите ему всё, что думаете.

– Да вы хоть знаете, что эта падла сделала?! – закричал Серёга. – Против своих пошёл!.. За такие дела брюхо вспарывать надо, а не разговоры разговаривать!

Ещё во время беседы с умницей Афанасием Илья Ильич решил, что никому и ни при каких условиях не станет выдавать несложной тайны взятия Цитадели, и потому на выкрик Серёги отвечал спокойно, хотя и покривив слегка душой:

– А вас, милостивый государь, никто не просил туда лезть. Возможно, вы позабыли, так я напомним, что, кинувшись на стену, вы сбили с ног одного пожилого человека. Меня сбили. В результате я остался здесь, да ещё в таком непрезентабельном виде. И вы надеялись, что мой сын встретит вас с распростёртыми объятиями?

Было неловко врать простодушному Серёге, притворяться, будто тоже надеялся попасть в Цитадель, но другого пути Илья Ильич не видел. Если тайна Цитадели станет общей, стража на стенах начнёт меняться с удивительной быстротой, а значит, в скором времени кто-то скинет вниз и Илюшку. И самое главное, что в общем положении вещей это ничего не изменит. Так что пусть на стенах стоят рыжебородые, а среди них один аркебузир и один десантник с акаэмом – дразнящее доказательство, будто Цитадель можно взять штурмом.

– Так он что, прорвался?! – отчаянным шёпотом прокричал Серёга.

– Ну, – по-скабарски ответил Илья Ильич, приготовившись к долгому и выматывающему допросу.

– Так, значит, можно снова... – немедленно загорелся Серёга. – Давайте вместе! Я вас выведу первым...

– Не получится. Эта дырка в обороне уже законопачена, я проверял. Старику теперь тоже не дадут подойти вплотную.

Полсотни лет Илье Ильичу не приходилось врать, и он сам восхищался той лёгкостью, с какой вспомнилось забытое искусство пудрить мозги. Ясно ведь, что и прежде ни старику, ни девушке, ни мальцу не позволили бы напасть врасплох, но теперь этого уже не проверишь. Пусть гимнаст Серёга думает что угодно, лишь бы на стену не лез.

– Чёрт... – огорчился Серёга. – Ну, лопухнулся я, но ведь и он мог бы предупредить. Вдвоём бы вас легче на стену подняли...

«Не успели бы, – прикинул про себя Илья Ильич. – А если бы и успели, то немедля были бы скинуты вниз. Чтобы закрепиться на стене, нужно принять участие в её обороне, а не в нападении. Такая вот маленькая хитрость: обязательное условие победы – бить своего. Потому и стоит твердыня несокрушимо, что может быть взята только с помощью подлости. Но тебе, мой горячий друг, этого знать вовсе не обязательно. Да и всем остальным – тоже: незачем умножать в мире подлость».

– Что теперь переживать, – смиренно сказал он.

– Ничего, – упрямо сказал Серёга, – зато теперь у нас есть там свой человек. Заступит на пост, перемигнёмся, и пусть рыжебородые молятся своему рыжебородому богу.

– Ежели увидите его на стене – мне свистните, – попросил Илья Ильич.

– Не маленький, понимаю как-нибудь, – разумно сказал Серёга.

«Ничего ты не понимаешь, – продолжил молчаливую полемику Илья Ильич. – Первая же попытка предательства вышвырнет „нашего человека“ из рядов защитников. Да и не увидишь ты его на стене, уж не знаю, учебка у них там или просто карантин, но думаю, что Илюха лет триста на караул заступать не будет. А через триста лет если и останутся у него знакомые в нижнем городе, то такие, что обладают прочным положением и на стену переть не станут. Уж до такой простой вещи можно додуматься».

– А заранее договориться? Вы способ связи предусмотрели?

– Цитадель, – нахмурившись, напомнил Илья Ильич. – Всё заблокировано. Придётся ждать, когда он на пост заступит. А там у нас разработана система условных знаков.

«Пилите, Шура, пилите...»

Разговор окончился за полночь, Серёга убежал окрылённый, забыв и о пустую растроченных мнемонах, и о том, как получил прикладом в лоб от того самого Ильи, на которого теперь возлагал все свои надежды. А Илья Ильич долго мылся холодной водой, не думая об утекающих в никуда лямияшках. Про себя он твёрдо положил остаток жизни провести по-старчески, ни во что не вмешиваясь и не занимаясь ничем, кроме собственного хрупкого здоровья. А наутро, обнаружив в активе ещё десяток мнемонах (Лика с мужем обсуждали перепланировку квартиры, и Илья Ильич несколько раз пришёлся к слову), омолодился, истратив прорву ассирийских лямияшек, и отправился в город искать хоть кого-нибудь знакомого.

Вообще-то, по совести, нужно было бы повидаться с матерью и хотя бы после смерти поглядеть на отца... Оба они должны дожидаться его, ведь он вспоминал их, хотя и не так часто, как полагалось бы любящему сыну, но именно это и мучило Илью Ильича всего более. Не мог он представить, что скажет этим людям, одного из которых в жизни не видал, а о второй если и вспоминал, то безо всякой любви и сыновней почтительности. И вот теперь предстояло поглядеть им в глаза, и это новое испытание и без того помятой совести мучило Илью Ильича хуже пародонтозного зуба.

Именно поэтому и нужно идти, покуда совесть не замолчала успокоенно. А то ведь бывают люди, в самодовольный разум которых и тени сомнения не закрадывается – а правильно ли я живу? Совесть у таких то ли скончалась во младенчестве, то ли не родилась вовсе, пав жертвой аборта. В загробном мире такие люди тоже чувствуют себя комфортней других, но Илье Ильичу очень не хотелось походить на этих кадавров. Пока совесть болит, мы живы, а замолкла навеки – то и человек умер, хотя ходит среди людей, даже не в посмертии, а в настоящем мире, смотрит, разговаривает и внешне вполне благополучен.

Поставить маяк обошлось бы в полновесный мнемон, а этого обнищавший Илья Ильич позволить себе не мог. По счастью, в городе существовала адресная служба, где за три лямишки можно было узнать место проживания любого ещё не истаявшего гражданина.

Адрес у отца с матерью оказался разный, что уже не удивило Илью Ильича. Так или иначе, мама пережила отца почти на девятнадцать лет, а проведя столько времени в разлуке, почти невозможно заново начать совместную жизнь.

Илья Ильич опасался, что мать окажется в Отработке, но адрес указывал вполне благопристойный квартал. А вот отец... Илья Ильич так и не понял, что за странный адресок выдала ему справочная служба. Во всяком случае, никаких улицы и дома там не было, а лишь исполненный цифири и латинских букв индекс.

Адрес – это не маяк, он не показывает, где находится адресат в данную минуту, да и действует всего одни сутки, но, зная адрес, дорогу спрашивать не надо, иди, и придешь напрямик куда надо.

Мать жила в обветшавшем сталинского ампира доме. Илья Ильич поднялся на третий этаж, повертел медную ручку механического звонка. В квартире долго стояла тишина, потом раздались шаркающие шаги и давно позабытый голос спросил встревоженно:

– Кто там?

Не повернулся язык произнести слово «мама», Илья Ильич судорожно глотнул и выдавил сквозь перехваченное горло:

– Мне Елену Ивановну...

– Я никому не открываю, – донеслось из-за двери.

– Это я, – произнёс Илья Ильич.

Живо вдруг вспомнилось, как в далёкие предвоенные годы он прибегал из ФЗУ и тоже не мог попасть домой, потому что мать не открывала, покуда не убеждалась, что сын пришёл один и за спиной у него не стоит грабитель, желающий прирезать её ради скудного вдовьего барахла. Бывало, что выведенный из себя Илья принимался трезвонить, призывая на выручку соседей по коммуналке, за что ему потом порядком влетало. А тут, где жилищный вопрос разрешён и у всякого имеется отдельная квартира, надеяться не на что. Вот возьмёт и не откроет...

– Какой ещё – я? – ворчливо спросили из квартиры.

Спрашивается, чего ей бояться? Или за семьдесят лет, что она ютится здесь, мать окончательно рехнулась и уже не понимает, на каком она свете?

– Я это, – возвысил голос Илья Ильич. – Илья!

– Ты ври, да не завирайся, – упорствовал голос за запертой дверью. – Илья ещё в Гражданскую помер.

Так и есть, маманя искренне полагала себя живой.

– Сын я ваш! – выкрикнул Илья Ильич, отметив, что обратился к матери на «вы», как только с чужими людьми говорят.

– Какой ещё сын? Нет у меня никакого сына! Убирайся давай, пока милицию не вызвала.

– До свидания, мама, – сказал Илья Ильич обшарпанному дерматину и сбежал вниз по лестнице. Если за закрытой дверью и бормотали ещё что-то, он этого не слышал.

Второй адрес привёл его в места, о которых он много слышал, но так и не удосужился побывать. Больше всего оно напоминало помойку, а вернее, свалку какого-то промышленного предприятия. Только предприятие это было столь ядовитым, что даже неистребимый бурьян не мог прижиться на белёсых отвалах. Всё вокруг, словно дустом, было засыпано тончайшим порошком отработки. От Лимбо эти места разительно отличались отсутствием ровности, на каждом шагу из белой почвы торчали какие-то обломки, выпирали руины старой кладки, металлические конструкции, груды слипшихся книг и чуть ли не присыпанные пылью человеческие кости. Всё было хрупким и эфемерным, лишь в стороне незыблемо прочно поднимались глинобитные стены Цитадели. Здесь их не украшали изразцы и скульптуры крылатых быков, невысокие стены красовались во всём своём глиняном убожестве, мёртвые и мертвящие, лишь фигуры стражников, маячившие через каждые шестьдесят локтей, оживляли ландшафт.

При виде молчаливых фигур с мечами и копьями Илья Ильич невольно поёжился. Легко говорить, что, пока он не напал, никто его не тронет, а не избавиться от ощущения, что сейчас его узнают и сторицей отплатят за погибшего сослуживца. И почему-то особенно страшно было заметить среди стражи знакомую фигуру сына. Вроде бы всё сделал, чтобы Илюшка попал на службу, а теперь самому неловко. Хотя кому тут смотреть, узнавать, обсуждать... не то место.

Район назывался Призраки, и обитали здесь тени тех, кто по несчастному стечению обстоятельств не мог ни жить, ни сгинуть окончательно. Вот, скажем, жил в полузабытом семнадцатом веке воровской казак Игнат Заворуй, и всей памяти о нём осталось челобитная княжеского приказчика с жалобой, как стянул негодный Игнат с клетки жареного гуся. Лежит та челобитная в уездном архиве и не даёт истереться памяти об Игнате Заворуе. То архивариус, перекладывая бумаги, заглянет в папку, то дотошный историк, глотая пыль, извлечёт на свет полуистлевший документ и тиснет статеечку в малотиражном журнале, что, мол, триста лет назад нравы столь повредились, что и жареного гуся с клетки слямзить могли запросто. Коллеги прочтут, покачают головами, и от каждого капнет воровскому казаку малая лямишка. Жить с тех доходов нельзя, но и окончательно исчезнуть они не дают. Вот и шатается вблизи стен неприкаянный призрак, почти ничего о прежней жизни не помнящий. И только гуся никак не может забыть... скусный гусь был, право слово, жирнющий! А то вдруг какой ни на есть литератор, бельетрист-дивнописец, наковыривая фактуру для романа, споткнётся о сочное имя и выведет Игната Заворуя малым мазком всеохватного исторического полотна. И тогда закапают лямишки бодрым ручейком, облечётся Заворуй плотью, заговорит в голос, приедется и, покуда у романа читатели есть, гуся жареного всякий день будет на стол ставить.

Многие полагают, что оживший призрак ничем от зомбака не отличается, но это неверно. Конечно, склеротик он преужасный, а в остальном – человек как человек. И не важно, что он забыл чуть не всю прежнюю жизнь, себя он помнит и ощущает живущим, а это главное.

Но и среди призраков таких аристократов, которые имеют надежду на воскрешение, меньшинство. Основную массу составляют призраки, которые в скором времени исчезнут навсегда.

Поняв, куда он попал, Илья Ильич ничуть не удивился. И в самом деле, где ютиться незнакомому отцу, как не среди призраков? Илья Ильич вспоминал о покойном родителе не часто, а если учесть, что в настоящей жизни они не виделись, то от единственного сына Илье-самому-старшему доставался не мнемон, а лямишечка. Прочим же, по прошествии восьмидесяти с лишним лет, помнить об этом человеке и вовсе было без надобности. Разве что, знакомясь с Ильёй Ильичом, кто-нибудь подумает мельком, что и папаша у старика был Илья...

Значит, получит покойник лямишкой больше – а толку с той лямишки? Так что, по всему виду, уже полста лет, как живёт отец среди призраков, и со дня на день растворится вовсе. Жив покуда только тем, что в последние земные дни Илья Ильич много думал о смысле жизни, и как-то само собой мысли обращались к прошлому.

Одно беда, как среди этого развала искать человека, по сути, незнакомого? Блюдце вертеть, вызываю, мол, тень отца Гамлета?.. Явится папаша, сообщит, зачем жил, за кого воевал, порадует, что не на то сынок растратил все свои восемьдесят четыре года.

Илья Ильич усмехнулся и, не испытывая никакого священного трепета, отправился через развалины города призраков. Приведёт однодневный компас куда нужно – замечательно. Не приведёт – тоже беда невелика. Всё равно ни помочь здесь живущим он не может, ни огорчить их своим появлением. Разница невелика, все мы умерли, только кое-кого не успели позабыть окончательно.

Кругом было спокойно, то ли призраки народ не любопытный, то ли Илья Ильич показался им неинтересен. А потом из ниоткуда сконденсировалась бледная фигура в длиннополой шинели, спокойно, без ожидания и надежды глянула в лицо пришедшему. Был явившийся удивительно похож на Илюшку, только лицо тоньше и злее, а возможно, такие черты неосознанно придал ему сам Илья Ильич.

Всё-таки одно хорошо в царстве призраков: лишившись плоти и не имея за душой ничего материального, видение не смущает свидетелей кажущейся наготой, а является таким, как помнится или может помниться в покинутом мире. Пехотная шинель начала прошлого века, без знаков различия: ни красных нашивок, ни белогвардейских погон, ни вообще ничего.

– Здравствуй, отец, – сказал Илья Ильич. – Я сын твой, Илья.

– Иль я, иль не я, – знакомо пошутил призрак, и Илья Ильич подумал, что и этот семейный каламбур пришёл из глубины веков от рассыпавшихся пылью предков. Маленький Илюшка тоже любил распевать его на варварский мотивчик, и если бы не пресёкся род, то так и пошла бы шутка от дедов к внукам. Потому и призрак не забыл её и произнёс как пароль, по которому можно признать своего.

– Я не знаю, зачем я пришёл, – признался Илья Ильич. – Жил я, о тебе особо не думая, а сейчас вдруг потянуло.

– Я тоже хотел на тебя посмотреть. – Призрак слабо улыбнулся. – Там не успел, а здесь не торопился... Сына ты как назвал?

– Ильёй.

– Это хорошо.

Илья Ильич не стал говорить, что его Илья погиб бездетным и фамилии их на Руси больше не будет. Скорей всего, призрак знал это когда-то, но благословенный склероз избавил его от ненужной боли. «Амнезия – амнистия души», – писал последний из великих поэтов.

– Расскажи о себе, – попросил Илья Ильич.

– Жил, – произнёс призрак и надолго замолк. Потом добавил: – По Малинину и Бурнину...

Ещё одна шутка, не забытая в череде годов: старый как мир учебник арифметики, в котором можно найти решение любой задачи. Илья Ильич понял, что не услышит ничего, о чём бы не знал прежде. И не в том беда, что отец не хочет говорить с ним, но помнит он только то, что может помнить призрак. Никогда тень отца Гамлета не откроет ни единой роковой тайны.

Они долго стояли, глядя друг на друга, Илья Ильич мучительно прикидывал, можно ли дать призраку денег, не оскорбится ли тот и сумеет ли взять милостыню, но прежде, чем он пришёл к какому-то выводу, тень в солдатской шинели шагнула в сторону и немедленно растаяла в сумраке, который разливал окрест близкий nihil.

* * *

Ещё три лямишки, и новый адрес привёл Илью Ильича обратно в район, где доживала его мать. И квартира у Любаша тоже была на третьем этаже, только в другом доме, поновее и всяко дело поудобнее строения времён четвёртой пятилетки. На звонок незваного гостя из-за двери послышался весёлый Любашин голос:

– А нас нет дома. Мы ушли и вернёмся часиков в пять. Если очень нужно – входите и можете обождать нас. Дверь не заперта.

Вот так. Наконец-то нормальная человеческая жизнь, только ему нет места и здесь. И не важно, встретила ли Любаша со своим прежним мужем или нашла новую судьбу, безличное «мы» сказано так, что поневоле почувствуешь себя третьим лишним.

Не коснувшись незапертой двери, Илья Ильич спустился во двор. По дороге глянул на часы: начало шестого – надо поторопиться, не хватало ещё мордой к лицу столкнуться с Любашей, да ещё у самого её дома.

И всё же не успел. Едва вышел на улицу, как увидел Любашу. Илья Ильич никогда не считал свою сожительницу особо красивой, а тут, увидав её помолодевшей, совершенно неприлично замер от восхищения. Внешности Любаша не меняла, она просто была счастливой, а это состояние украшает человека лучше любого косметического салона. Любаша шла под руку с невысоким и несколько субтильным мужчиной, который, прямо скажем, не смотрелся рядом с пышной Любашиной фигурой. Илья Ильич вспомнил, что Любашин муж страдал пороком сердца, отчего и умер, не дотянув до сорока. Значит, он и есть... Ждал её здесь больше двадцати лет, получал мнемони и узнавал о жизни своей суженой. Любаша часто вспоминала покойного мужа, иногда в такие минуты, когда не принято говорить ни о каком другом мужчине, кроме того, что рядом. А она на такие глупости внимания не обращала, вставляя мужнину имя к месту и не к месту. Значит, и муж знает всё о её грешной вдовьей жизни. Однако понял и зла не накопил. И вот теперь идут рядом, рука об руку, несхожая, чуть карикатурная пара, при взгляде на которую у встречающих теплеет на сердце. У всех, кроме Ильи Ильича.

Хотя, если вдуматься, никогда Любаша ему в страстных чувствах не признавалась и к телачьим нежностям относилась в высшей степени неодобрительно. Видно, угадывала что-то вещим сердцем и сберегала нежность для того, по ком сердце сохнет.

Закаменев лицом, Илья Ильич шагал навстречу идущей паре. Теперь вся надежда, что его не узнают. Пустые слова никому не нужны, проще всего пройти мимо, не узнавая.

Любаша узнала его с полувзгляда. Счастливая красота разом слетела с её лица, взгляд затравленно заметался, Любаша даже попыталась свернуть в сторону, но ровно шагающий муж, сам того не замечая, заставил её идти прямо. Уж он-то Ильи Ильича узнать не мог и, почувствовав смятение женщины, лишь крепче прижал её локоть, как бы говоря: «Всё в порядке, ведь я рядом». И своенравная Любаша покорно пошла навстречу Ильи Ильичу. Саму её ничуть не смутила бы неловкая встреча, излишней стеснительностью Любаша не страдала, но сейчас она испугалась за ничего не подозревающего мужа.

Они разминулись, не покосив взглядом, и, лишь пройдя десяток шагов, Илья Ильич оглянулся вслед уходящим. В это самое мгновение оглянулась и Любаша. Они встретились глазами, позволив себе наконец узнать друг друга. Может быть, это показалось Ильи Ильичу, но в Любашином взгляде светилась благодарность.

Илья Ильич улыбнулся и послал Любаше воздушный поцелуй.

* * *

Теперь, кажется, совсем всё. Сыновний долг отдан, с былыми привязанностями развязался на удивление быстро, старых приятелей искать – охоты нет, от недавнего богатства не осталось и следа, и значит, можно начинать жизнь сначала. И прежде всего – следует пообедать, потому что после вчерашнего пиршества в уйгурской гостинице у Ильи Ильича росинки маковой во рту не было. Оно, конечно, не смертельно, но если хочешь жить, а не предаваться скорби по несложившейся жизни, – изволь завтракать, обедать, а порой и ужинать.

Илья Ильич пошёл в «Дембель». Серёга сегодня вряд ли появится, других знакомых там нет, значит можно посидеть за кружкой пива и тарелкой чего-нибудь мясного с большим количеством соуса. И если кто-то захочет обвинить его в бесчувственности, то пусть сам и постится.

Нашлось пиво и баранина по-африкански – тушённая с черносливом и бананами. Вышколенная официантка принесла заказ, а потом вдруг наклонилась и доверительно шепнула:

– Простите, ведь вы тот человек, который здесь с Ильёй был? С афганцем?..

Илья Ильич, ничего не ответив, поднял вопросительный взгляд.

– Понимаете, в газетах написано о неудачной попытке прорыва, а люди говорят, что один человек прорвался.

– Если б я знал... – честно ответил Илья Ильич. – Может быть, и прорвался. Компас молчит.

– Вы его сын?

– Я его отец.

– Ясно. Я же вижу, что вы похожи. Знаете, я очень рада за Илью, за вашего сына... И за себя тоже. – Официантка ослепительно улыбнулась и поспешила объяснить: – Наш ресторан теперь в моду войдёт, уже сейчас посетителей видите сколько? Нам прибавка к зарплате обещана. И всё благодаря вашему сыну. Вот этот столик, где он обычно сидел, будет теперь стоять полмнемона... вы не беспокойтесь, вас это не касается. Вам мы всегда будем рады, и всё по старым ценам, ведь вы его отец...

«Вот оно, дыхание славы», – подумал Илья Ильич. А вслух сказал:

– Я вам очень благодарен.

По каким-то неведомым каналам слух о нём распространился по небольшому залу, Илья Ильич чувствовал на себе любопытные взгляды, и африканская баранина стояла ему поперёк горла. Довольно неприятно, когда тебя рассматривают, словно редкую диковинку, такого австралийского какаду, которого посадили в клетку, но не велели тыкать пальцами, чтобы птичка чувствовала себя естественно. Поэтому Илья Ильич даже обрадовался, когда в кафе впорхнула (опять птичьих ассоциаций...) какая-то девица и, увидав Илью Ильича, прямоком подлетела к нему и уселась напротив. Сегодня это ещё можно было сделать, не заплатив полмнемона.

– Здравствуйте, – прошептала она. – А я вас помню. Вы были тут с Ильёй Ильичом.

Теперь и Илья-старший припомнил, кто с ним разговаривает. Непристойно омолодившаяся дама... Илюшка предполагал, что это старая дева пятидесяти лет, которая таким образом лелеет прижизненные комплексы. Чёрт, как же её зовут? Что внешность на триста мнемона – запомнилось, а имя – нет. Что-то ужасно вычурное и неестественное...

– Абсолютной памяти я себе не заказывал, – признался Илья Ильич, демонстративно подцепляя вилкой кусок мяса, – так что, простите великодушно, имени вашего я не запомнил.

– Анютой меня звать, – сказала неожиданная собеседница.

Илья Ильич чуть приметно нахмурился. Сын называл эту девушку (или всё-таки деву?) как-то иначе... Антуанетта – точно!.. Ему тогда ещё вспомнилась строчка из позабытого стиха: «Гильотины весёлый нож ищет шею Антуанетты», и он подумал, а получает ли автор, если,

конечно, он уже здесь, лямишку за подобное цитирование, если, конечно, цитирует живой человек. Ведь любитель стихов не помнит ни имени стихотворца, ни даже где он прочёл запавшую в душу строку.

– Меня зовут Илья Ильич. – Совсем не представиться казалось неприличным.

– Опять вы смеётесь. – Антуанетта надула губки. – Илью Ильича я отлично знаю, он вместе с вами был.

– У нас в роду всех так зовут, и старших, и младших.

– Ой, так вы братья! – обрадовалась Антуанетта. – А я уж подумала...

«Неужели она такая дура?» Разговор начал забавлять Илью Ильича. Казалось невероятным, что кто-то умудрился прожить целую жизнь и помереть, сохранив столь сокрушительную наивность. Интересно, что она ответит, если прямо в глаза прочитать ей мораль о недопустимости такой внешности и подобного поведения. Если бы это была проститутка, всё стало бы ясно: ночная бабочка ищет клиентов, охочих до малолеток. Но Илья говорил, что девчонка вполне приличная...

– Простите, запямятовал, как вас по батюшке? – затруднительно было бы читать мораль, называя собеседницу Анютой или даже Антуанеттой.

– Никак. – Ясные глаза под ресницами, не требующими туши, уставились на Илью Ильича. – Это ваш брат так шутил. Я его по имени-отчеству называла, и он тоже, придумал, будто бы я Антуанетта Арнольдовна. А у меня отчества нет, мама сама не знает, от кого она меня родила.

«Вот те на! Дитя городских трущоб». Этого Илья Ильич не ожидал.

– Сколько же вам лет, Аня?

– Семнадцать.

– Не понял. Вы там прожили всего семнадцать лет или появились здесь семнадцать лет назад?

– Здесь, конечно. А там я нисколько не жила. Нам не велели вспоминать, что было до смерти, но всё равно все вспоминают. Я тоже потратила немножко денег и вспомнила. Меня мама родила дома, засунула в полиэтиленовый пакет, такой, знаете, с ручками, и выбросила на помойку. И когда меня нашли, я уже была неживая.

– Простите, – шёпотом произнёс Илья Ильич.

Мгновение он молчал, осмысливая услышанное. Недавнее желание читать мораль казалось теперь таким ханжеским, что хоть в nihil проваливайся от стыда. Невыносимо было сидеть под любопытствующими взглядами зевак, словно каждый из них видит его насквозь со всем его самодовольством и менторским тоном, который он, к счастью, успел проглотить вместе с недожёванным куском баранины. И ещё это дурацкое мясо с этими идиотскими бананами; так и видится картинка: жуирующий фарисей поучает бедную девушку. А ведь эта девушка за полчаса настоящей жизни, что выпали ей на долю, испытала такое, о чём ему за восемьдесят четыре года лишь слышать доводилось. Попалась бы ему эта мамаша, в nihil бы закопал, чтобы и памяти не осталось.

– Пойдёмте отсюда, Аня, – предложил Илья Ильич. – Покажете мне местные достопримечательности, а то я новичок, кроме Цитадели, ещё ничего не видал.

– А как же ваш брат? Он искать вас не станет?

– Простите, Аня, но Илья мне не брат, а сын. На самом деле я старик, а это, ну вы знаете, можно омолодиться... Я понимаю, получается вроде обмана, но ходить стариком, страдать от немощи, когда так легко можно поправить здоровье... А Илья сюда не придёт.

Аня легко вскочила из-за стола.

– Ну и пошли тогда. Я вам покажу самое красивое место в городе.

Они пошли по улице. Илья Ильич обратил внимание, что Аня идёт просто, не срезая углов, как ходят люди, которым некуда торопиться или у которых очень мало денег. «Срезать

углы» – одно из местных словечек, которые успел подцепить Илья Ильич. Это значит – ходить, скрадывая расстояние, так что через пару минут можно очутиться в любом районе города. Правда, такие прогулки стоят денег, хоть и небольших.

– Я всегда удивлялась, – щебетала Аня, – что на том свете, сколько бы о человеке ни думали, он всё равно состарится и попадёт в Отработку.

– Там нет Отработки. Там человек просто старится, – сказал Илья Ильич, отметив про себя, что «тем светом» Аня называет настоящую жизнь.

– Но ведь там тоже есть деньги. И что же, совсем-совсем нельзя снова стать молодым? Даже если очень много заплатить?

– Совсем, – сказал Илья Ильич. – Это было бы чудо.

– «Чудо, чудо! – все кричали. – Мы и слыхом не слыхали, чтобы лезя похорошеть», – продекламировала Аня и добавила: – Значит, у нас тут жить лучше.

– Жить вообще лучше, – согласился Илья Ильич.

Они прошли мимо городского парка, куда можно было войти за шесть лямишек, свернули в сторону тихого голландского квартала. Здесь тоже было довольно много зелени, маленькие народы умеют и любят вспоминать дорогих покойников, так что голландцы и на том свете живут лучше многих. Невысокие дома расступились, открыв мощённую плиткой площадь. Пара скамеек, несколько бесплатных муниципальных кустиков и памятник посередине. На невысоком постаменте в мраморном кресле сидит худенькая старушка. Забытое вязанье распласталось на коленях, клубок скатился к ногам и ждёт шаловливого котёнка. Застывшее морщинистое лицо, в широко раскрытых глазах плавают масло безмыслия.

«Memento vita»¹, – гласит врезанная в камень надпись.

– Хорошо тому, у кого там бабушка осталась, – тихо произнесла Аня.

Илья Ильич медленно покачал головой:

– Бабушки должны вспоминать подруг и своих бабушек...

Он хотел добавить, что каждый человек должен сполна прожить обе отпущенные ему жизни, но вовремя прикусил язык, сообразив, что снова впадает в менторский тон, исполненный неосознанной жестокости, и спросил иное:

– А как же ты тут жила – одна?

– Да как и все. Меня бригадники в нихиле нашли и отдали в приют. Вы думаете, таких, как я, мало? Тут почти в каждом секторе приюты имеются. В Русском секторе большой приют. Там я и жила.

– Дорого это?

– Что дорого? – не поняла Аня.

– Денег с воспитанников много берут? – уточнил Илья Ильич.

– Нисколько... – Аня была искренне удивлена. – Они же маленькие, как с них деньги брать? У каждого воспитанника был свой кошелек, но его специальным шнурком обвязывали и пломбу ставили, чтобы никто туда залезть не мог. Пломба от чужих, а от самих детей – шнурок, он какой-то особенный был, не распутать. А то ведь малыши не понимают, они такого могут натворить, если им позволить деньгами распоряжаться. У некоторых денег было много, их часто вспоминают. Но всё равно, пока он не вырастет, никто не знает, что у него в кошельке. Одевают всех одинаково, и кормят одинаково, и учат. Мальчишки, которые постарше, хвастались, что умеют шнурок распутывать и деньги доставать. Хвастались, у кого сколько мнемон. Даже считалка была: «У тебя один мнемон, у меня один миллион, у кого мнемон нету, в Отработку выйдет вон».

– Н-да... – протянул Илья Ильич, отмечая про себя мрачный смысл считалки и двусмысленность, которая проскользнула в речи Ани, когда она произнесла слово «натворить».

---

¹ Memento vita (лат.) – помни о жизни.

Ведь, скорей всего, она так и понимает это слово: что дети, дорвавшись до мнемон, начнут творить нечто ненужное, а быть может, и вредное. Вот уж действительно бытие определяет сознание.

Они уже никуда не шли, а сидели на бесплатной скамеечке под невидящим взглядом мраморных глаз. Анята рассказывала, а Илья Ильич слушал, лишь изредка вставляя что-то от себя.

– Там один мальчик был, маленький, ему ещё год не исполнился, он и ходить толком не умел, так утром нянечка приходит, а его нету – рассыпался. Представляете? Оказывается, его мама ни разу про него даже не вспомнила. Она его придушила и в печке сожгла и с тех пор больше ни разу про него не вспоминала, а другие люди о нём и не знали. Этот мальчик как свой единственный мнемон прожил, так и рассыпался. А другие вырастают – такими богачами становятся! Иногда в гости заходят, подарки дарят. Тогда нянечки и воспитатели премию получают.

– А вообще им кто платит? Воспитателям, учителям, за еду и одежду для детей?

– Бригадники. У них специальный детский фонд есть, из него и оплачивают все расходы.

Илья Ильич потёр нос, скрывая смущение. Живо вспомнилось, как костерил он бригадников за рвачество, как считал всех без исключения мошенниками. А ведь на этих людях тут всё держится. И эта скамейка, даже если поставлена неведомым доброхотом, в порядке подерживается всё теми же бригадниками.

– А воспитатели многие работали бесплатно, – сообщила Анята. – Некоторые могли бы в Цитадели жить, а они с нами возятся. У нас попечителем писатель Ушинский, а в соседнем – другой писатель, Януш Корчак, простым воспитателем работает, хотя он ещё знаменитее, чем наш. Мать Тереза к нам приходила, подарки дарила всем...

– Надо же?.. – удивился Илья Ильич, который по неграмотности своей в подобных вопросах путал мать Терезу с Дэви Марией Христос и считал авантюристкой, прогремевшей по России в пору её самого печального развала.

– Многих ребят новые родители забирают, – продолжала Анята, – но это трудно, разрешение получить на усыновление. Потом настоящие родители помрут, они ведь обижаются будут. Кроме того, нужно год ждать, а то некоторые сначала захотят усыновить кого-то, а потом расхотят. Это же дорого... то есть это совсем бесплатно, но нужно предьявить десять тысяч мнемон, чтобы тебе позволили ребёнка взять. Я вот думаю, если бы у вас там так же люди поступали, небось никто бы детей на помойку не выбрасывал.

– Это точно, – согласился Илья Ильич. – Только тогда бы и детей не рождалось, и мы бы все лет через сто вымерли.

– Меня два раза хотели удочерить, но у одних денег не хватило, а другие через год просто не пришли. Развелись, наверное, или расхотели со мной возиться. А вот я бы взяла малыша из приюта, только у меня мужа нет и десяти тысяч мнемон тоже. Но я иногда ухожу из города и гуляю по нихилу. Вдруг, думаю, какая-нибудь мама своего ребёнка выкинет, а я его найду. Я бы его в приют не отдала, пусть думают, что я сама его родила, как в том мире.

– А поверят?

– Не-а... – вздохнула Анята. – Не поверят. Но пока они узнают, пока за ним придут, у меня всё-таки ребёночек будет. А долго его растить я всё равно не смогу, денег не хватит. Нет, вы не думайте, меня часто вспоминают. Мама, как напьётся, так и начинает ныть: «Ах, доченька, ах, лапусенька!» Всем кругом рассказывает, что у неё дочка была, но умерла младенчиком. Люди же не знают, как я умерла, они её жалеют. От каждого мне лямишка, а от мамы – мнемон. А мама каждую неделю напивается, где только деньги берёт? Я же знаю, на том свете деньги сами не приходят, их зарабатывать нужно.

– На водку почему-то всегда деньги находятся, – вздохнул Илья Ильич. Ему было невероятно стыдно слушать эту исповедь, словно он, проживший на Земле восемьдесят четыре года,

виноват перед девочкой, убитой через полчаса после рождения. Достать бы тварь, которую Анята называет мамой, не понимая, что в это слово вкладывается иной, великий смысл.

– А ещё дворник меня вспоминает, – продолжала Анята, – тот, что меня нашёл. Каждый раз, как подходит к мусорным бакам, так и вспоминает. Страшно ему, что снова что-нибудь такое попадётся. Но он меня живой не видел, от него лямишка приходит. И когда пьяный – тоже вспоминает иногда и другим рассказывает. Я тогда себе праздничный обед устраиваю или на танцы хожу. А что, это обязательно напиваться, чтобы других вспоминать? Я как-то попробовала – противно... и голова потом болела, лямишку пришлось тратить на лечение.

– Не обязательно, – сказал Илья Ильич, – просто некоторые иначе не умеют. Душа у них заостенела. От водки она сперва немного отмякает, а потом ещё хуже – вроде как на следующий день голова болит.

– Понятно... – протянула Анята. – То есть на самом деле ничего не понятно. Вот вы там много прожили, расскажите, как это в том мире жить? Я вроде бы всё знаю, и в школе училась, и рассказывали нам, и фильмы видела, а всё равно чего-то не понимаю.

«Тебе бы, по совести говоря, и сейчас ещё нужно в школе учиться, а не по ресторанам ходить», – чуть было не произнёс Илья Ильич, но вовремя прикусил язык. Что изучать в школе детям загробного царства? Науки естественные для них вроде сказок – не вводить же в программу нихилеведение или отработкологию? Языки понадобятся – их можно за минуту все выучить, сколько на свете есть, было и будет впредь. Вот и остаётся литература, спорт, хорошие манеры и немножко истории. А для этого десять лет за партой сидеть не нужно. И как только человеческий детёныш ухитряется распутать хитроумный узел на опечатанной мошне, он отправляется в самостоятельную жизнь, в которой не будет работы, любовь окажется бездетной, да и сама жизнь станет зависеть от поступающих из другого мира мнемонев. Человеку, сполна прожившему ту жизнь, эта кажется сладким десертом, а если иной жизни и не знаешь? «Ах, какое огорчение, вместо хлеба есть печенье!» Как рассказать человеку, ничего, кроме печенья, не пробовавшему, о вкусе ржаного хлеба?

И в согласии с этой пищевой ассоциацией Илья Ильич произнёс:

– Анята, ведь вы, наверное, голодная, я вас сорвал на прогулку, не дав пообедать. Давайте пойдём куда-нибудь, вы перекусите, а я вам попытаюсь рассказать, как жилось на том свете.

Они покинули площадь, перешли узкий канал со стоячей водой (и такое есть в городе!) и в Датском секторе отыскали крошечную едальню, которые здесь назывались «кро» и славились домашней кухней. По какому-то неведомому признаку Анята определила, что эта забегаловка дешёвая, и значит, тут можно просто поесть. Им подали жирную балтийскую сельдь, запечённую с сыром «данбо», свекольный салат и картофельное пюре, взбитое до состояния июльского облака. На десерт был рис алемань, какого в Германии не попробуешь. Издавна известно, что лучшие франзолы пекут не во Франции, а в Петербурге, а сладкий германский рис по-настоящему умеют готовить лишь в Дании. Немцы его вечно недосаливают, и популярный десерт начинает неприятно напоминать кутью.

Илья Ильич ещё не успел привыкнуть ко вкусному разнообразию мировой кухни, а Анята лопала датскую экзотику с аппетитом проголодавшегося, но ничуть не удивлённого человека. После обеда Илья Ильич жестом остановил Аняту, потянувшуюся было за деньгами, и заплатил за обоих. Ему всё ещё было неловко, словно он в чём-то виноват. И, выполняя своё обещание, он старательно рассказывал о первой жизни, которая для Аняты была «тем светом».

– Понимаете, здесь живётся легче, приятнее, в чём-то даже интереснее, но тот мир бесконечно разнообразней, хотя многие этого просто не замечают. Попробуйте здесь выйти за городскую черту – всюду нихиль и редкие островки чудаков, которые пустились там дрейфовать. Люди жмутся друг к другу, так достигается хоть какое-то разнообразие. Я сначала не мог понять, почему всякие секты и замкнутые общества почти не создают собственных поселений, которые бы не признавали города, а то и враждовали с ним.

– Как это – враждовать? – искренне не поняла Аня. – Вот не нравится тебе кто-то, так можно сделать так, что ни он тебя видеть не будет, ни ты его. Говорят, в городе таких много, некоторые вообще невидимками живут. А ещё есть сновидцы, они тоже ни с кем не встречаются.

– А как быть с теми, кто хочет других заставить жить по-своему?

– Такие тоже бывают, – согласилась Аня, – только они долго не живут. Вы, может быть, слышали, недавно один такой подорвал себя перед Цитаделью.

– Слышал, – улыбнулся Илья Ильич. – Он очень громко подорвался, трудно было не услышать. То же обычно получается и со всеми остальными. Деньги расфукают – и нет их. А у нас там ничего подобного: поедом друг друга едят. И никакого наказания за вмешательство в чужую жизнь не полагается. Очень многие из самых скверных людей, попав сюда, живут в Цитадели, и ни совесть, ни людская молва им не указ, потому что память о себе оставили хоть и скверную, но громкую. Не важно, убиваются по тебе или проклинают, мнемонасы получают одинаковые.

– Это несправедливо, – согласилась Аня.

– Только если бы было иначе, то насилие прорвалось бы и сюда. А так никто никому ничего плохого сделать не может.

– Может... – Аня продолжала неспешно подцеплять ложечкой взбитые сливки, шапка которых кучилась поверх риса, но что-то в её безмятежном голосе заставило поверить, что и здесь при желании можно сделать плохое, очень даже можно.

Тогда Илья Ильич, которому больше ничего не оставалось, начал рассказывать не о людях, а о природе и своей работе, которая порой природу губит, но без которой тоже никак. Рассказывал о зарослях иван-чая вдоль просеки, по которой будет проходить трасса, о землянике, рдеющей на вырубках, о майских соловьях, чьё пение душисто, словно цветы черёмухи. О таёжных завалах, где стволы упавших сто лет назад лиственниц кажутся нарочно сделанными насыпями, поросшими зелёной шубой мха. О том, как неистребимо любопытный барсук выходит взглянуть исподтишка на работающих людей, как осы свирепо защищают свой бумажный дом, как медведь по ночам обнюхивает оставленную на объекте технику, а с первыми проблесками утра бесшумно растворяется в тумане, оставив на размешанной гусеницами земле отпечатки лап, удивительно похожих на ногу небывалого великана, страдающего плоскостопием.

– Главное, что этот мир создан людьми для людей, здесь продумана и оплачена каждая мелочинка, а тот – существует сам по себе и для себя. Именно поэтому он столь необъятно велик.

– И поэтому там нужны дороги? – тихо спросила Аня.

– Поэтому – тоже.

По домам расходились далеко за полночь. Впрочем, в Городе полночь понятие весьма относительное. Работали кафе и рестораны, гуляли люди. Где-то далеко в Африканском секторе стучали тамтамы, и Илья Ильич с удивлением обнаружил, что понимает, о чём они говорят. Рассказывали, что некий рашен прорвался в Цитадель, но никто не знает, как ему это удалось. Аня, свободно изъяснявшаяся на нескольких языках, видимо не была всеобъемлющей полиглоткой и оставалась в безмятежности. Заволновалась она, только когда Илья Ильич вздумал проводить её до дому. На возражение, что молодой девушке не годится ходить одной по ночному городу, она удивилась так искренне, что Илья Ильич даже опешил и лишь потом сообразил, что там, где не может быть никакой опасности, меняются и понятия о приличиях и человеку, не знавшему настоящей жизни, не понять его тревоги.

Договорились, что завтра Аня зайдёт за ним и сводит в Китайский сектор, где есть очень красивая пагода.

– И ещё там есть маленькая цитаделька, в которой живёт Мао Цзэдун. Он не захотел жить в Цитадели, и ему построили отдельную резиденцию. Тоже красивая, только туда никого

не пускают. Охраны там море, но никто их не штурмует, потому что охранники там ничего не получают.

Илья Ильич кивнул, подумав мимоходом, что моря Анята никогда не видела и не увидит, так что слово это для неё имеет только переносный смысл, примерно как для него пампасы, где только и осталась настоящая воля.

– Не надолго это, – произнёс он вслух. – По политикам память непрочная. Нет, конечно, в учебниках он ещё долго останется, и в Цитадели за ним место будет зарезервировано, но чтобы отдельную Цитадель в одиночку содержать... К тому же фанатики, которые его обожествляют, скоро повымрут, а новых взять негде. Что он тогда делать станет?

– Это все знают, – согласилась Анята. – Вон, в Немецком секторе Гитлер тоже бункер выстроил. Хотел даже отдельный нацистский сектор делать и на остальных войной ходить. Говорят, тогда многим деньжата перепадали, когда гитлеровцы пытались силой свои порядки наводить. Но они быстро растратились и на нет сошли. А сам Гитлер как миленький в Цитадель уполз и носа оттуда не кажет. Ведь он в живом мире такого натворил, нам рассказывали...

– Не очень-то он миленький, – вздохнул Илья Ильич, попавший на фронт в январе сорок второго и дотащивший свои понтоны до самого Одера.

Этой краткой политинформацией и закончился романтический вечер, вернее, романтическая часть вечера, потому что, когда Илья Ильич за полночь явился домой, он увидел на лестнице обиженную физиономию Серёги. Оказывается, Сергей решил провести небольшую рекогносцировку, наведя брошенное спортивное оборудование. И там один из охранников прокричал ему обидные слова.

Илья Ильич внимательно выслушал сбивчивую Серёгину ругань, затем спросил:

– Вы что, вправду ничего не поняли? Это же Илья весточку передать умудрился: мол, всё в порядке, устроился, принят за своего. Или вы думаете, что охранники согласились бы хоть что-то, кроме ругани, передать? Это же ясно как дважды два и сбоку бантик!

– Об этом я не подумал, – растерянно произнёс Сергей. Он потёр лоб и добавил: – Вот только почему у вас всякие планы, а все шишки – мне?

«Наверное, потому, что и впрямь ты умом недалёк», – подумал Илья Ильич, но вслух этого говорить не стал. Долго заливал что-то Сергею, успокаивал, но избавиться сумел, лишь сказав, что устал как собака, на ногах не стоит и хочет спать.

– А вы знаете, – сказал Сергей на прощание, – сегодня ко мне на трапедию народ валом валит. Я тут прикинул, получается, что я сегодня в ноль вышел, первый раз за все эти дни.

– Вот видите, – покивал Илья Ильич. – К сожалению, это интерес временный, да вы и сами это понимаете...

На следующее утро Анята позвонила в его дверь, когда сам Илья Ильич, отвыкший от ночных бдений, ещё не продрал глаза. Однако ни полюбоваться красивой пагодой, ни поглазеть на уют великого кормчего им не удалось. От Русского сектора до китайского конец не близкий, а Анята по-прежнему углов не срезала, и Илья Ильич, которому впервые не прибыло ни лямишки, тоже не торопился тратиться, предпочитая пешую прогулку. В результате они сбились, заплутав в Бразильском секторе, где всюду шли приготовления к карнавалу. По стенам домов развешивались гирлянды, на площади устанавливались колёса для будущих фейерверков, где-то уже гремела музыка, и люди, пока ещё не наряженные, танцевали румбу.

– Интересно, – заметил Илья Ильич, – ведь это очень дорогое удовольствие, карнавал... кто его организует и за какие шиши? Насколько я понимаю, сюда может прийти любой человек из любого сектора, причём совершенно бесплатно.

– Может, – подтвердила Анята. – Только человек, пришедший сюда веселиться, и деньги тратить будет здесь. Есть, пить, сувенир какой-нибудь купит, который самому не изготовить. И местные жители во время карнавала меньше дома сидят, больше тратятся. Торговцам это выгодно, вот они и организуют праздники.

– А чего ж тогда карнавал раз в год? Делали бы каждый месяц.
– Каждый месяц нельзя, люди устанут и не будут на карнавал ходить. Это же основы маркетинга, неужели вы этого в школе не проходили?

– Анюта, вы представить себе не можете, чего я только в школе не проходил. И что я проходил – тоже. Больше всего нам внушали, что торговать – плохо, а воевать – хорошо.

– Зачем воевать? Нам рассказывали про войны, но я, наверное, глупая, у меня это в голове не укладывается.

– По здравом размышлении такое и не должно укладываться в голове. А воевать нас учили до полной победы мировой революции. Впрочем, этого лучше тоже не понимать. Давайте лучше обедать. Всё равно мы заблудились и в Пекин сегодня не попадём. Вот вроде бы неплохая забегаловка...

– Что вы! – Анюта замахала руками. – Это очень дорогой ресторан! Тут всё гораздо дороже, чем в соседних!

– Что-то я не понимаю, – признался Илья Ильич. – Что такое они могут предложить, что дерут такие деньги? Кухня всюду выше любых похвал. Блюда готовятся, а не придумываются, хотя я этих тонкостей не понимаю. Обслуживание везде в высшей степени вежливое. Музыка живая, хотя я, опять же, ничего в этом не понимаю. Какого ещё рожна надо?

– Во-первых, посуда разная...

– И там, и там – серебро, чешский хрусталь, саксонский фарфор или что-нибудь в этом роде. Бумажных тарелочек я тут ни у кого не видал.

– В простых ресторанах посуду моют, а в дорогих весь хрусталь и фарфор после первого же использования бьют, а следующему посетителю делают новые тарелки. У них специальные ювелиры работают, хрустальщики и художники по фарфору.

– Чушь какая! – воскликнул Илья Ильич, вспоминая свой похудевший кошелёк. – С жиру народ бесится. Правильно их бригадники потрошат.

– А ещё в дорогих заведениях безопасность на высоком уровне и приватность обеспечена.

– Какая безопасность? Что тут вообще можно сделать человеку?

– В дешёвом кафе подойдёт кто-нибудь и сядет за ваш столик. А вам, может быть, не хочется, чтобы он рядом сидел. А он ещё возьмёт и примется из вашей тарелки есть. Некоторые этим промышляют, особенно цыгане. А вы ему ничего и сделать не сможете, потому что никакого стыда у него нет, а бить его нельзя.

– Наверняка можно что-то придумать!

– Давно придумано. Можно за пару лямишек превратить свою еду во что-нибудь жутко тошнотворное. За это тоже ничего не будет, ведь это твоя еда, и ты её хулигану не предлагал, он сам хапнул. Но и хулиганы это знают, поэтому они только один кусок хватают, а потом сидят и смеются. А некоторые нарочно ещё возьмут, а потом стошнят тебе прямо на костюм. И опять они правы, ведь это ты сделал еду такой. Тут как ни верти, а безнаказанный хулиган всегда перед нормальным человеком будет иметь преимущество. Поэтому в маленьких закусокных, вроде вчерашней, редко бывает больше одного столика.

– А как же в «Дембеле» обходятся?

– Никак. Просто ставят блок на нежелательных посетителей. Для всех вход свободный, а им нужно заплатить такую сумму, что закачаешься. Так что каждый хулиган в каждом ресторанчике может учинить дебош только один раз в жизни.

Илья Ильич покивал, соглашаясь, и они пошли дальше. Совсем неподалёку они сыскали дешёвое заведение, но ни поесть, ни отдохнуть в прохладе не сумели. У самых дверей путь им преградила молодая, нелепо накрашенная девица. Была она столь вызывающе ярка, что можно было к гадалке не ходить, что внешность свою корректировала она сама без помощи специалистов и даже без доброго совета человека, обладающего хотя бы задатками хорошего вкуса. Волосы под платиновую блондинку, ярко-чёрные глаза чуть не в пол-лица, пухлые губки,

вывернутые таким бантиком, что и у кукол не встретишь. На чудо-диву никто не обращал внимания, принимая её за деталь грядущего карнавала. Во время праздника некоторые богачи специально изменяют внешность, отращивая себе рога, хвосты, всевозможные горбы, когти и прочие немыслимые уродства. Полностью переродиться в чудовищную химеру могут лишь сновидцы в своём призрачном существовании, но вырастить пару рожек способен любой, заплативший по сто мнemoнов с рога, – есть такие специалисты в особо дорогих салонах красоты.

Разодета бабёнка была под стать своей внешности – в пух и прах, что для карнавала также вполне естественно. Хотя карнавал ещё не начался, дива была пьяна в дымину, как умеют напиваться лишь русские бомжихи. Атропиновые глазищи то начинали яростно сверкать, то норовили распозлзиться в разные стороны, личико, так недавно отреставрированное, покрывали красные пятна, которые через несколько месяцев беспутной жизни образуют на нежной коже склеротический рисунок. Платье было измято и не перепачкано только потому, что на мостовых города мусор долго не держался, проваливаясь в нихиль.

И, как и следовало ожидать, заговорила супердива по-русски:

– Вот они где! – Голос красавица позабыла обновить, и он явно прибыл из прошлой жизни: силпый, прокуренный и пропитый голос истаскавшейся алкоголички. – А я вас ищу. Что, не узнали, да? Не узнали...

Илья Ильич ни мгновения не сомневался, что узнавать ему некого. Ни в той, ни в этой жизни не бывало у него подобных знакомых. Даже если допустить, что голос тоже изменён специально к карнавалу, то развязную хамоватость, исполненную природного свинства, подделать было бы просто невозможно. Искусство имиджмейкеров в этом вопросе бессильно. И лишь потом он понял, что хотя обращается встречающая шлюха к нему, но вся игра, ею затеянная, направлена на Анюту. Девушка стояла растерянная, лицо её было белым, словно его простирали с разрекламированным порошком. Конечно, ведь у неё есть способность, если понадобится, мгновенно вспомнить любого, хотя бы раз встреченного человека. И никакой маскарад не позволит остаться неузнанным. А возможно, здесь и нет никакого маскарада, скорей всего, они встретили одну из подруг Анюты по детскому дому. Какие бы великие педагоги ни пестовали умерших детей, неудачи в работе всегда возможны, и теперь Анюта с ужасом глядит на бывшую подружку, с которой лучше всего было бы вовсе не встречаться.

– Простите... – начал было Илья Ильич значительным голосом, но говорить ему не дали. Девица впервые сфокусировала на нём осмысленный взгляд и произнесла:

– А бойфренд у тебя ничего, только староват малость. Ну да это не беда, омолодится, были бы денешки. А ты меня так и не узнала... нехорошо, дочура, это же я, твоя мамочка.

Илью Ильича как обухом по затылку тяпнули. Так, значит, это Анютина мать?! Та самая стерва, которую он желал бы в нихиль зарыть... Ну, держись, тварюга! Думаешь, ничего тебе не сделаю, налёт интеллигентности помешает? Ошибаешься... на трассе и не таких бичей случилось к общему знаменателю приводить.

– Так, – произнёс он резко, – значит, это вы и есть! Вы разыскиваетесь по обвинению в убийстве вашей дочери. Вы имеете право хранить молчание, однако предупреждаю, что всё, вами сказанное, может быть использовано против вас!

Всё-таки любое знание рано или поздно бывает востребовано. Сколько одиноких вечеров было убито перед голубым телепузырём за унылым просмотром бесчисленных дюдиков, и вот теперь дурацкая фраза, приехавшая из американского криминального быта, пригодилась. Любопытно, какотреагирует на неё пьянчужка.

– Чево?! – протянула бомжиха. – Ты, парень, мне лапшу на уши не вешай, я законы знаю, у меня за всё заплачено! Кого это я убила? Вот моя дочка, живёхонька!.. Ничего ты мне не делаешь, запомнил? Сам ты убийца, понял? Я тебя ещё за растление малолетних привлеку! Пой-

дём, доченька, угостишь мамочку со свиданьем... А на этого дурака наплюй, я тебе такого парня найду – закачаешься!

Анюта пятилась, испуганно глядя расширенными глазами, но по всему было видно, что сейчас она сдастся и пойдёт за своей мамашей, словно морская свинка на полдник к удаву. А обвинительная речь, так блестяще начатая Ильёй Ильичом, не произвела вообще никакого впечатления. Несомненно, бригадники, сквозь цепкие руки которых прошла покойница, отобрали её начисто, но дело своё они знали, так что бомжиха отлично усвоила правила нового бытия и была морально готова к любому повороту событий.

Впрочем, права есть и у Анюты, ничего мамаша насильно сделать не сумеет, всё её преимущество в отсутствии души и беспредельной хамоватости, а это – не слишком большая сила.

Илья Ильич наклонился к Анюте, ухватив её за плечо, и шепнул:

– Блок ставь!

– Не могу! – простонала девушка.

– Тогда я сам!

– Вы чего там сговариваетесь? – возопила бомжиха. – Удрать хотите? Не выйдет!.. Я законы знаю, ты мне ещё алименты платить будешь, я тебе мать родная, не кто-нибудь, ты меня вообще содержать обязана!

К этому времени Илья Ильич управился с блоком. Как его ставить, он не знал и взял за образец блок, стоявший в дверях дорогого ресторана. Денег Илья Ильич потратил не слишком много, так что и цена входа оказалась не так высока: теперь за право поговорить с дочерью бомжиха должна была заплатить тридцать мнимонов. И она их заплатила, скорей всего не поняв, что слышит предупреждение, а просто решив, что Илья Ильич вздумал чем-то угрожать ей.

– Чтоб я ещё платила с родной дочерью говорить? – возопила она и ухватила Анюту за плечо. – Идём отсюда, а с этим чмом я попозже разберусь!

В следующую секунду она беспокойно завертела башкой, почувствовав потерю денег. Илья Ильич успел отметить мельком, что бригадники хотя и грабят подчистую, но основным навыкам жизни в царстве мёртвых обучают. Он, например, так и не умеет на раз определять сумму потраченных мнимонов, а пьяная стерва делает это с лёгкостью.

– Ворюга!.. – завизжала мамаша, сверкая глазами. – Креста на тебе нет! Да я тебе яйца вырву и вкрутую сварю!

Синие наманикюренные ногти полоснули воздух у самых глаз Ильи Ильича, но достать не сумели, видимо, в кошеле стервочки уже не доставало денег для решительных действий. Ругаться она ещё могла, а вот вцепиться в харю – нет.

Илья Ильич взял Анюту под руку.

– Пойдём отсюда, – едва ли не повторил он фразу своей противницы, – видеть её не хочу.

Дюжина лямишек исчезла из кошель, и бомжиха беспомощно завертела головой, пытаясь сообразить, куда подевалась дочь со своим вредным ухажёром.

– Но ведь она сказала, – беспомощно пробормотала Анюта, – надо её угостить... она же моя мама...

– Анюта, я вам потом всё объясню. Это не мать, вспомните, что она с вами сделала. Да подумайте, в конце концов, хочется вам сидеть вместе с ней, пить водку и слушать её пьяный бред?

– Н-нет...

– Вот и идём отсюда. А она пусть пьёт с кем-нибудь другим.

К этому времени бомжиха сообразила, что произошло, вытащила кошеле, высыпала наличность на ладонь, но обнаружила лишь несколько лямишек – явно недостаточно, чтобы взламывать чужую оборону.

– Ограбили!.. – запричитала она. – Караул!

Прохожие со скучающим любопытством посматривали в её сторону, подходить с соблазнами никто не торопился.

– Да что же это творится? – Две мутных слезинки повисли на сантиметровых ресницах. – Родная дочь, дочура, мамочку ограбила! Я к ним с поцелуями, а они ко мне с... – На этом ригористически настроенное мироздание, не позволяющее оскорблять чужой слух непригожими словами, обрезало монолог на полужвуке.

Илья Ильич едва ли не силком вёл Анюту сквозь предкарнавальную сутолоку. Вид у девушки был потерянный, иногда она что-то беззвучно шептала, и на ресницах, точно так же, как у матери, поблёскивали слёзы. Только ресницы были свои и слёзы – настоящие, а не выдавленные алкоголем. Рассказывают, будто некий естествоиспытатель полжизни потратил, чтобы установить биохимическую разницу между искренними слезами и тем, что выделяется под действием лука и иных слезогонных веществ. В фальшивых слезах больше белка, так что в крайнем случае они оказываются мутными. Стоило тратить годы, чтобы установить факт, интуитивно известный всякому?..

Как всегда, размышление на отвлечённую тему помогло Илье Ильичу взять себя в руки, и он начал успокаивать Анюту. Должно быть, именно его бессмысленных слов и не хватало девушке, чтобы окончательно потерять самообладание и разреветься.

Скамеек в Бразильском секторе не водилось, в случае нужды люди безо всяких комплексов усаживались на тротуар, но Илья Ильич зачем-то тащил рыдающую спутницу по оживлённой улице, не зная, что с ней делать, и радуясь, что не принято в городе подходить к незнакомым и тем более интересоваться, что случилось... ведь тогда нужно будет и помочь в случае нужды. А возможно, попросту город скрыл от взглядов толпы рыдающую девчонку, чтобы не мешать ей плакать, а им веселиться.

– Ведь у меня же никого больше нет... – наконец сумела выговорить она связную фразу.

Что можно было возразить на этот выкрик? И Илья Ильич сказал единственное, что ему оставалось:

– А я? Я же никуда не делся.

– У вас семья, сын... Друзей миллион, вы в прежней жизни вон сколько прожили... что я вам...

И тогда Илья Ильич рассказал, что Илюшки больше нет... то есть он есть и даже никогда не умрёт, но и увидеться с ним нельзя. Рассказал, как ходил к матери, а обнаружил чужую, выжившую из ума старуху (а ведь мать у него была настоящая – не чета стерве, что называла себя Анютиной мамочкой). Рассказал, что семья за тридцать лет разлуки сгнила напрочь, а настоящими друзьями он так и не обзавёлся. Приятели имеются, большинство уже давно здесь, а настоящих друзей так и не нашёл. Дружба любит постоянство, а он всю жизнь провёл перекачанным, даже последние годы, когда из колонны перешёл в управление и выжидал пенсию в чиновничьем кресле. В ту пору у начальства не стоял вопрос, кому ехать через полстраны с ревизией или на приёмку объекта, посылали Илью Ильича, зная, что он лёгок на подъём, а дело знает как свои пять пальцев, так что вокруг единственного пальца его никто не обведёт. Вот только должность такая не способствует обрастанию друзьями. Так что вокруг пальца Илью Ильича обвела судьба, оставив его одиноким как перст. Простая, самоочевидная ситуация, которую легко можно объяснить на пальцах.

Конечно, не всё и не так рассказал Илья Ильич, но главного добился, Аня перестала плакать, а слушала, заворожённо кивая головой.

– Знаете, у кого-то из русских поэтов, у Бунина кажется, есть стихотворение об одиночестве, так оно кончается строчкой: «Хорошо бы собаку купить». Но у меня даже собаки не было, куда я её дену со своими разъездами? А когда немощ нагрянула, то тем более – сам ног не таскаю, какая тут собака... да и была бы – сюда её не привезёшь, хоть сто прививок делай и двести справок бери.

Анюта кивнула в очередной раз и тихо сказала:

– У воспитанников в детдоме была своя сказка, или вроде сказки, такая история. Её нельзя чужим рассказывать, поэтому никто и не знает. Будто бы где-то среди них есть поляна. Ты не думай, нам мультики показывали, так что я знаю, что такое поляна. Там трава растёт, солнышко светит и летают бабочки. И нигде нет ни одного человека. Людям туда нельзя, потому что это вроде Цитадели, только не для людей, а для животных. Ведь есть же знаменитые животные, которых помнят уже тысячу лет. Главный среди них – Буцефал, конь Александра Македонского. А помогает ему Инцитат, который был римским сенатором. И когда у какой-нибудь девочки или мальчика умирает любимая зверушка, она попадает туда. У них там мнемонив нету, у них сразу получается для котёнка миска молока и диван с подушками, для щенка – косточка, а для лошадей – трава и речка. Вот так прямо посреди поляны стоит диван, а на нём лежат кошки.

– Красиво... – сказал Илья Ильич.

– А ты не смейся! – почему-то обиделась Анюта. – У нас хоть и уютно, а всё было: и собака, и кошки. Настоящие, только котят не рождалось. Собаку Бурбас звали. Говорят, ей уже больше ста лет. Хозяин у неё давно рассыпался, а перед смертью пришёл и подарил её уютно, сказал, что не может больше её содержать.

– Что ж не продал? – спросил Илья Ильич.

Анюта удивлённо уставилась на него.

– Друзей не продают, – сказала она убеждённо.

Они уже снова шли по Русскому сектору, углубляясь всё дальше от центра, от ярких огней, музыки, от ресторанов и казино, от панорамных кинотеатров, муниципальных скверов, музеев и памятников. Вокруг скучнел спальный район, где обитают жители, берегущие каждую лямишку. Дома и здесь оставались элитными с виду, но почему-то казались не такими нарядными, как в центре. Благородная бедность сквозила в каждом окне. Наконец возле одного ничем не примечательного дома Анюта остановилась.

– Вот здесь я и живу, – произнесла она сдавленным голосом.

Илья Ильич, державший Анюту под руку, отпустил её и погладил по рукаву, словно успокаивая маленького ребёнка.

– Идите сейчас, отдохните, – произнёс он, почему-то переходя на «вы», – а завтра всё-таки попытаемся куда-нибудь сходить. Главное, не надо бояться, эта женщина сюда не придёт, блок я поставил надолго. Да она небось уже и забыла всё как есть, валяется где-нибудь пьяная... Но если хотите, я посижу с вами, покараулю немножко.

– Спасибо, – чуть слышно проговорила Анюта. – Сидеть со мной не нужно.

Она повернулась и побежала к парадной.

– Жду завтра! – крикнул Илья Ильич.

Массивная деревянная дверь гулко хлопнула.

Илья Ильич постоял несколько секунд, глядя на окна и стараясь представить, за каким из них живёт Анюта. Потом пожал плечами и пошёл к центру, к бывшему Илюшкиному, а теперь своему дому. Прошёл шагов двадцать, оглянулся, снова пожал плечами. Странно было на душе. Девчоночка, годная ему во внучки, если не в правнучки, пробудила чувства совершенно не отеческие, и только что стоило немалых усилий развернуться и уйти, не напросившись в гости. Тем более что там, в квартире, номера которой он не спросил, нет ни строгих родителей, ни вообще никого.

– Бес в ребро... – пробормотал Илья Ильич, признаваясь самому себе в абсолютно недопустимых чувствах. Потом он вздохнул, успокаиваясь и представляя, как завтра Анюта ни свет ни заря поднимет его, и они отправятся в Китайский сектор, но, конечно, опять не доберутся. Илья Ильич знал, что на этот раз он не проспит, а поднимется задолго до звонка и будет ждать

его с мальчишеским замиранием сердца. И впрямь бес в ребро; в потустороннем мире бесам раздолье.

Анюта не позвонила и не пришла.

Обманутые ожидания оказались вдвойне неприятны, поскольку Илья Ильич, и впрямь вскочивший среди ночи, от нечего делать принялся пересчитывать наличность и обнаружил прибавку в двадцать девять мнемонеров. Это не были живые воспоминания, мнемонеры оказались немыми, сообщив лишь, что получены они в качестве платы за поставленный блок. Получается, что деньги, которые заплатила пьянчужка, пошли не Анюте, как полагалось бы по совети, а ему. Когда Илья Ильич сообразил это, его ожгло стыдом, и он ждал Анюту, думая в первую очередь о том, как будет извиняться и возвращать неправедные деньги.

А Анюта не пришла. Обиделась или просто не сочла нужным прийти. Давно известно: хочешь испортить отношения с человеком – задолжай ему побольше денег или дай крупную сумму займы. Отношения будут испорчены прочно и навсегда.

Илья Ильич просидел день взаперти, питаюсь чаем и плохо придуманной яичницей, а на следующий день отправился сам разыскивать Анюту. Некоторое время он бродил по безликим спальным кварталам, пока не убедился, что даже дом точно определить не сможет. И только затем сообразил, что адрес можно узнать любого человека, а не только близкого родственника.

Адреса у Анюты не оказалось, перед глазами возник уже знакомый индекс, указывающий на квартал призраков. Стараясь унять холодную дрожь в груди, Илья Ильич поспешил за слабым сигналом временного маячка. Да не может этого быть, так просто не бывает. Какой же Анюта призрак? Теплые ладони, растерянная улыбка, наивные рассказы, особо страшные в своей наивности... Скорей всего, она просто отправилась зачем-то в этот квартал, кого-то навестить или одиноко посидеть среди развалин, а адрес указал не квартиру, где её сейчас нет, а место, где она находится в данную минуту. Ну конечно, так оно и есть, ведь адрес этот тот же маяк, просто временный, на один день...

В квартале призраков ничто не изменилось, да и не могло измениться. Те же археологические обломки, сохраняющие подобие памяти о позабытых людях, те же засыпанные пылью свитки и папки документов, та же тишина и неподвижность. И так же, как три дня назад, не потревожив рыхлой пыли, из ниоткуда появилась человеческая фигура.

– Анюта, – прошептал Илья Ильич, – что же это с тобой?

Она улыбнулась виновато, словно извиняться собралась, и ничего не ответила.

«Мать умерла, – наконец сформулировал Илья Ильич истину, в которой не хотел признаваться самому себе, – а больше Анюту вспоминать некому. Дворник со своими лямишками не прокормит...»

– Он уже давно на пенсии, – ответила Анюта на непрозвучавшую мысль.

– Что ж ты не сказала, что у тебя совсем денег нет?

– У меня оставалось немножко, но я их отдала. Она сказала, что я обязана её кормить, и я отдала...

Илья Ильич застонал, схватившись за голову.

– Что ж ты мне не сказала? У меня твоих денег тридцать мнемонеров. Я просто тогда ещё не знал об этом...

Анюта молчала, и видно было, что судьба мнемонеров её мало волнует.

– Почему ты не сказала?

– Я сказала, что я тут живу, но оказалось, что я вам не нужна вовсе. Зачем мне эти мнемонеры?

– Ты мне нужна, – холодея, выговорил Илья Ильич. – С чего ты взяла, что не нужна?

– Если девушка позволяет проводить себя до самого дома, значит она к себе приглашает. Это все знают. А ты не пошёл. У других девчонок всё просто получалось, а у меня вот... я даже не целовалась ни разу.

– Анюта, – выдохнул Илья Ильич, – смотри, вот твои деньги, много... Ты же всё помнишь, возьми, ещё можно всё вернуть! Не уходи, ты мне нужна! Ну что я тут буду без тебя делать?!

Она не ответила словами, лишь отрицательно качнула головой, и в этом движении утонули все беспомощные доводы.

Илья Ильич наклонился и поцеловал бесплотные губы.

* * *

Долина Лимбо в любую сторону уходит в бесконечность, демонстрируя, что для человеческой памяти пределов нет. Думайте, живые, вспоминайте, фантазируйте – сюда вместится всё. Но пока что миллиарды живущих сумели создать лишь один город, окружённый океаном нихилия. И одни лишь умершие фантасты утверждают, что где-то вдали, на космических расстояниях, располагаются города, в которых обретают посмертие неприлетевшие инопланетяне. Не верьте профессиональным брехунам, никого там нет, только блёклая ровность нихилия. И можно идти в любую сторону, пока всякое отчаяние не растворится в бескачественной субстанции. Нихиль лечит всё, но никогда не торопится.

Который уже раз топтал Илья Ильич окаянный кисель, шагая неведомо куда. Позади остались развалины квартала призраков, теперь можно идти, не думая ни о чём, разве что об Афоне, который уловит сигнал проснувшегося маяка, прибежит, прочтает назидание, а потом начнёт лечить «Смирновской» монополькой под уйгурские хычины. Ох, как много и вкусно приходится питаться в мире невещественном! Набитый желудок тоже хорошо заглушает боль опустошённой души.

А чем ещё заняться покойнику? Лучшее спасение – работа, но её нет, а мысль о развлечениях не вызывает ничего, кроме тошноты. Мудрое спокойствие музеев сейчас не для него, ревушее безумие спортивных и гладиаторских арен – тем более. Суматоха маскарадов, надуманные проблемы театральных постановок, абстракции публичных диспутов (и такие есть!) – всё кажется ненужным и звучит фальшивым диссонансом.

Такое и в прошлой жизни бывало, хотя там никогда не винил себя в чужой смерти, разве что однажды, когда сдуру не выгнал с работы вечно пьяного чикировщика и того в конце концов придавило упавшим стволом. Официально он тогда отделался лёгким испугом – выговором и депремированием, тем более что алкоголиком должен был заниматься мастер. Но на сердце было скверно, и, чтобы излечиться, Илья Ильич часами бродил по болоту, продираясь сквозь ракитник и заросли чистотела.

В Лимбо не росло непролазных кустов и трав, осыпающих брюки дождём цеплючих семян, тут можно шагать в любую сторону, и благодетельная усталость обещает явиться не скоро. Остаётся простор для медленных, тяжёлых мыслей, что так удачно изгонялись гнусом и паутиной, которая, если вовремя не сбить её взмахом руки, налипнет на глаза, губы, нос... в результате приходится тереть грязную физиономию немывтыми ладонями, а потом мыться тёмной водой медленного лесного ручья, постепенно возвращаясь к жизни. В Лимбо есть только нихиль, душа здесь остаётся наедине с собой и в одной себе должна искать силы для обновления.

Какая глупость, он всего лишь вовремя не подумал о ближнем – и вот человека нет! Причём это уже второй раз. И если с тётей Сашей он был новичком, дурнем, ничего не понимающим в загробной жизни, то сейчас обязан был сообразить, что раз мамаша-убийца явилась сюда, то, значит, Анюта стоит на грани развоплощения. Мог, обязан был, предложить помощь, даже не зная о проклятых тридцати мнемонах. Так ведь нет, сглотнул похотливые слюнки и ушёл, расхваливая себя за целомудрие и не думая, что лишил девчонку не только жизни, но и любви, пусть не настоящей, а куцей загробной... хотя бывает ли настоящей первая любовь?

Теперь мучайся, старикашка, терпи молчаливый взгляд совести. Хорошо тем, кто в убогости своей верует в господа. Они точно знают, что такое хорошо и что такое плохо, всё это решено за них и записано в дряхлых книгах. Плохо называется грехом, хорошо – праведностью. Праведники будут замаринованы в райской скуке, грешники зажарены в аду. К тому же для грешников существует надежда, что любой грех может быть прощён безудержным милосердием божьим. Спросить бы Анютину мамашу, простится ли ей убийство младенца, наверняка сказала бы, что грех отмолен. Крестик-то у неё посреди декольте болтается, а вот душа давно где-то потеряна, и милосердие господне, заменившее совесть, тому очень поспособствовало. А тут – сам большой, сам маленький, не на кого переложить груз, стой лицом к лицу со своим грехом.

В прежней жизни Илье Ильичу не раз приходилось слышать ханжески-удивлённое: «О каком грехе вы говорите? Вы же неверующий, значит никакого греха для вас нет: воруйте, убивайте, распутничайте... Главное для вас – в милицию не попасть».

Обычное дело, всякий меряет других по себе. Привыкнув к мысли, что на небесах сидит грозный надсмотрщик, добропорядочный христианин перекладывает на бога ответственность за собственные поступки и искренне полагает, что если бы не божий запрет, он непременно стал бы насильником и убийцей. Что же, ему виднее, быть может, он и станет. Насильничать, убивать, грабить – характерно для рабов, которым вдруг перестала грозить плётка. Рабы божьи в этом смысле не являются исключением. А человеку неверующему приходится быть человеком самому, без помощи божественных кар. Единственный его помощник – совесть, без которой вполне может обойтись благопристойный христианин.

И ещё от греха удерживает грех.

В грехах мы все – как цветы в росе,
Святых между нами нет.
А если ты свят – ты мне не брат,
Не друг мне и не сосед.
Я был в беде – как рыба в воде,
Я понял закон простой:
Там грешник приходит на помощь, где
Отвёртывается святой².

Грех – это поступок, за который нас мучает совесть.

«Помилуйте! – возопит христианин. – А если у человека совести нет? Вон, Анютина мать выбросила новорожденного младенца на мороз, и ничто в душе не дрогнуло, она что – безгрешна?»

Да, безгрешна. Спросите её саму, и она подтвердит, что если грех и был, то давно прощён. Для её поступка в русском языке есть другое слово: «преступление». Жаль, что закон не сумел дотянуться к убийце. А если бы младенца по несчастью заела свинья, то не было бы и преступления, ибо для свиней законов не написано и преступать им нечего. Это было бы злодеяние. Свинью, совершившую такое, зарежут без суда и закопают подальше от глаз людских. Но никто не назовёт свинью ни грешницей, ни преступницей.

Так они и стоят рядом – три понятия справедливости: грех, преступление, злодеяние. За грех человек карает себя сам, за преступление наказывает закон, за злодеяние – обычай. А для бога места нет, бог и справедливость – понятия несовместные, так что зря религия пытается подгрести понятие греха под себя.

---

² Стихотворение Вадима Шефнера «Грешники».

Человек, раз в жизни испытывавший благодетельные муки совести, уже не станет бездумно творить что ни попадя, прошлый грех стоит на страже, сохраняя чистоту души. А святой подобен невинному голубку, которому неведомы жалость и доброта. Биология давно знает это; заприте в одной клетке двух волков – они подерутся, но побеждённый останется жив. А возьмите голубка и горлицу, тех, что по наивному уверению песенки никогда не ссорятся. Святая невинность не знает греха, и дело кончится убийством слабейшего, причём убийством медленным и жестоким, ибо крошечным клювиком несподручно убивать. И никто не вспомнит о жалости, жалость и сострадание доступны лишь тому, кто знает вкус крови.

Благословен будь, спасительный грех!

Но порой жизнь складывается так, что прошлые грехи не могут предусмотреть всего и предупредить от совершения новых. Такое называется недомыслием, и когда с человеком случается подобная беда, ему остаётся шагать по бесплодной равнине, не находя в nihile никакого утешения. Остаётся думать ни о чём, в сотый раз пережёвывая пресную мысль. Остаётся самому себе проповеди читать, да такие, хоть на публичный диспут с ними выходи... мало ли что ещё можно... nihile стерпит и растворит всё.

Долина Лимбо в любую сторону уходит в бесконечность.

* * *

Что-то в беспредельной ровности привлекло внимание. Чуть заметное тёмное пятно на сером фоне. Сидящий человек, позой своей пародирующий не то роденовского мыслителя, не то – Мефистофеля, работы Антокольского. Илья Ильич послушно отправился туда. В первое мгновение ему представилось, что там мучается новичок, ещё не осознавший окончательно, что за жуть с ним произошла, и оттого особенно перепуганный. В такую минуту появление рядом обычного человека, того же Афони – материального и прозаичного до мозга костей, может сберечь новичку немало нервных клеток, которые, впрочем, в здешних палестинах вполне благополучно восстанавливаются.

Интересно, как здесь обходятся с душевнобольными? Должно быть, вылечивают с лёгкостью, и люди живут, вспоминая прежнее бытие с недоумением и обидой. Единственная болезнь, которая считается неизлечимой в мире, созданном людской памятью, – склероз. Да и то соматические его проявления исправляются на раз. И всё-таки лишние мучения потому и называются лишними, что их быть не должно.

Илья Ильич побежал, увязая ногами в непрочном грунте. Очень хотелось закричать: «Иду, сударь, иду!» – но дурная стеснительность удержала язык, а потом Илья Ильич разглядел, что сидящий облачён в какую-то накидку и вообще не выглядит человеком, только что окончившим земной путь. Скорей всего, это такой же бедолага, ушедший в nihile подальше от людских глаз.

Хотя nihile идеально скрадывает шаги, а Илья Ильич так и не выкрикнул ничего, однако незнакомец немедленно поднял голову и в упор взглянул на Илью Ильича. И с этой секунды язык уже не поворачивался называть его незнакомцем, ибо облик встречного был известен Илье Ильичу с самого школьного детства. Тёмные блестящие глаза, тёмные волосы, противу всех циркуляров не тупеем завитые, а стриженные под горшок, нос с лёгкой горбинкой, уныло нависающий над чёрными, без малейшей проседи усами... новый памятник на Малой Садовой удивительно точно угадывал внешность этого человека... хотя, возможно, жители Цитадели с годами начинают походить на свои изображения, копируя бесчисленные портреты и монументы.

– Здравствуйте, Николай Васильевич, – сильный звук с трудом протиснулся сквозь пережваченное горло.

Сидящий продолжал смотреть молча, на лице не отражалось никаких чувств, даже вполне понятного ожидания. И Илья Ильич подумал вдруг, что не случайно он встретил именно этого человека, ибо не было на Руси писателя с более воспалённой совестью, нежели Николай Васильевич Гоголь. Но судьба, послав ему эту встречу, не станет более помогать, так что, если желаешь услышать вещее слово, изволь задать несправданный вопрос. И вот этого-то вопроса, в поисках ответа на который мы открываем книги гениев, Илья Ильич и не мог сформулировать.

– Мне... – выдавил он наконец, – нужна ваша помощь.

– *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*³, – проговорил Гоголь, кажется, самому себе.

Фраза показалась столь неожиданной, что Илья Ильич, несмотря на купленное владение языками, не сразу понял, что было сказано. И лишь потом сообразил, что встреча не зря произошла именно в нищете. Человек, понявший суть жизни, сюда не сбежит, Лимбо – долина отчаяния, а полтора века – срок вполне достаточный, чтобы вполне отчаяться. Так что не помощи нужно ждать, а спешить на помощь.

– Николай Васильевич! – с чувством произнёс он, мимоходом отметив неизбывную странность такого простецкого обращения к великому. – О чём вы? Смотрите, жизнь не кончена, надежда всегда светит человеку.

Смотреть среди нищеты было особенно некуда, а фраза Декарта «Пока живу – надеюсь» пришла в голову позже, вместе с мыслью, что вряд ли Гоголь сильно уважает картезианство. Хотя трудно сказать, какие взгляды могут образоваться у человека, умершего полтора столетия назад и все эти годы прошедшего в Цитадели среди самых выдающихся людей.

---

³ *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate (um.)* – «Оставь надежду, всяк сюда входящий» – цитата из «Божественной комедии» Данте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.